

**ВЛАДИМИР
МАРЧЕНКО**

**ЭТАПЫ
БОЛЬШОГО ПУТИ**

Сатира без юмора

*Москва
Издательство «БПП»
2010*

Ч и т а т е л ю

Сатирические рассказы, памфлеты, фельетоны, вошедшие в эту книгу, вас не удивят. Знакомые лица, знакомые ситуации. Так мы жили, так жила страна. Хотите улыбнуться, есть желание вспомнить то далёкое время, когда на прилавках не было фруктов, а папиросы курили по талонам. Читатели, выросшие после переворота, найдут много нового, откроют странный мир, в котором не жили.

В двадцатилетнем возрасте начинал работать в районной газете, хозяйка, у которой жил, рассказала, как их подвёз в кино сосед. Он работал на автомобиле с решётками и спецсигналами. Оказавшись в милицейском узике, мои знакомые, что называется, поплатились за доверчивость. Утром им пришлось объяснять, почему их везли в спецавтомобиле. Так родился первый рассказик. Он будет в книге «М. Ж.».

Иронических зарисовок накопится много. Кое-что публиковалось, а кое-что запрещалось.

АЛЬТРУИСТ БАРМАТУХИН

Никита Барматухин за свою тридцатилетнюю жизнь не выкурил ни одной сигареты, не выпил ни одной стопки хмельного. Семья была всем на удивление и, естественно, на зависть. Да, была. Саша и Даша учились хорошо. Аделаида Ивановна, работавшая на фабрике деловых и производственных отходов, впервые опоздала почти на десять минут. Это не осталось без последствий. Товарищи и коллеги собрали профсоюзное собрание, естественно, экстренное. Выбрали, как водится, председателя и секретаря. Барматухина заплакала тихо, как бы про себя.

— Подала заявление я. Моему терпению пришел конец, дорогие коллеги и товарищи. — Сказала Аделаида и заплакала очень горько.

— Что такое? Почему пришёл конец? — зашумели сочувственно рабочие фабрики.

— Дорогие, — начала обиженно говорить через всхлипывания Барматухина. — Нет моих сил. Жизнь превратилась в каторгу. Посмотрите на меня. А я ещё не сильно старая. Я же рабочий халат не снимаю даже ночью. Детям форму три раза перелицовывала.

Пригласили Барматухина. Недалеко работал. На соседней фабрике промышленных отходов. Он быстро пришёл.

— Никита, что у вас случилось в семейной жизни? Как детей травмируешь? Семью свою разваливаешь? Не позволим.

— Ты эти замашки брось.

— Если у него родилась любовь? — сказала с места Света Бутончикова из ОТК.

— Нет, товарищи, любовь должна находиться на территории семьи, а не за её пределами, — встал начальник цеха Толстолобиков.

— Пусть объяснит! Пусть расскажет, чем он семью разваливает.

Барматухин смотрел глазами в лицо жены и дёргал губами при этом. Он пытался понять, что ему нужно объяснить.

— И объясню, — взялся говорить обидно Никита, словно у него нашли мелкий брак. — Я — как на рентгене. Никогда в тени не прохлаждаюсь. Это её дело, так пусть и поступает, но заверяю: Аделаида не понимает сложности текущего момента и сложившейся ситуации...

— Я — не понимаю? Я как раз всё и понимаю. Не хуже некоторых. А ты, Никита Борисович, поступаешь скверно с нами. А так нельзя поступать с теми, кто отдал тебе все силы и всё здоровье...

— Дайте сказать мужу...

— Пусть муж внесёт ясность! Пусть прояснит!

— Прояснять нечего. Моя жена — не чуткая женщина. Её ретроградству нет предела. Её жестокосердие и вас бы поразило, как бронепробивной снаряд большого калибра. Мы прожили много совместных лет и зим, но сейчас, когда весь народ...

— Причём народ? Идол, губастый с острова Пасхи. Истукан каменный! — схватила себя за некрашенные волосы Барматухина, отчего парик,

сильно полысевший от страданий женщины, сполз на левое ухо.

— Милые бранятся, чтобы помириться, — сказала Розочкина Агнесса из комсомольского бюро.

— Ты далеко не чуткая, женщина. Тебе чужая боль, как соль в гололёд, как муха, летающая за стеной этой комнаты.

В красном уголке наступила некрасивая тишина. Люди молчали, думая о себе. Ведь они тоже бывают нечуткими. Барматухина села и заговорила жёстко и зло.

— Да. Я терпела много месяцев. А предел есть всему. Тем более, с каждым днём их у него становится всё больше и больше. — Барматухина указала пальцем на мужа. — Он ни с кем не считается. Даже дети для него, как пустой звук. Я его умоляла, просила...

— Не плачьте, дорогая. Это этот коварный изменщик не стоит ваших драгоценных слезинок, — окружили женщины Аделаиду Ивановну плотным сочувствующим кольцом. Мужчины сдержанно молчали, а некоторые с завистью оглаживали взглядами виновника собрания.

— Сколько их у тебя? — сопя, спросил Толстобиков.

— Каков. Тихоня. И не подумаешь.

— Сколько, Никитушка? — подмигнул Македонов — крановщик.

— Не веду статистику, — буркнул Барматухин. — Теперь стану записывать. Моё упущение. Исправлюсь. Сегодня составлю реестр.

— Совсем распустились с этой перестройкой, — ворчал вахтёр Бойков.

— И не боишься. А вдруг СПИД?

— Я и его имел в виду, но особо не расстраиваюсь. Кроме меня, и другие есть.

— Он все деньги на них тратит, — вздохнула обречённо Барматухина и хотела заплакать, но раздумала. Собрание погасло. Рабочие думали над судьбой семьи.

— Кобелина, нашелся. Заставим семью уважать. На партком его надо! — вскочила штамповщица Дуня Бардукова.

— Парткомы теперь занимаются только выборами, — сказала Розочкина.

— Он все деньги тратит на них. О детях не думает, о наших.

— Чего это я не думаю? Очень часто думаю. Я не курю, а это экономия... - Никита Барматухин стал разворачивать какие-то бумажки.

— Они все здешние? Мы их знаем? — Подошел Македонов к Барматухину, рассматривая квитанции.

— Есть местные. Как увижу, сразу проявляю гражданский долг. Нельзя так бессовестно. Они помощи ждут, а я не могу отказать.

— Скажите, какой, отказать не может никому, — присматриваясь к Никите, сняла очки Бутончикова, протёрла косынкой, вновь примостила дужки за ушами. — Я не думала...

— Я думал. Вас хочу призвать на помощь. Я, естественно, не один, но мне тяжело, хотя дело это добровольное, а ко всем нужно быть внимательными и чуткими, а товарищ женщина обозвала меня кобелём. Она не должна так говорить на собрании, ведь мы люди — единый коллектив Земли.

— Поможем, -- сказал Македонов. — Одному ему, правда, нелегко.

— Верную линию проводит, — сказала Розочкина. — Сколько ещё нуждающихся в заботе и ласке. А резервы у вас есть, товарищи. Есть резервы, — женщина хлопнула по столу ладошкой. Мужчины зааплодировали, словно ловят залетевшую моль. Хлопки были редкими, но звучными.

— У нас ещё много мужчин, давящих диваны перед телевизорами. Нужно выйти и посмотреть вокруг себя. Нужно работать и ночью. Сколько ещё работы предстоит сделать во вторую и третью смены. — Никита понял, что говорит пустое, а нужно крепко взять аудиторию за рога и дать простор агитации.

— Не дайте ему говорить! — кричала звонким молодым голосом Барматухина. — Он всех ваших мужчин сделает такими, как он сам. Они забудут детей, перестанут заботиться о вас, женщины. Так не должно быть...

— Как раз и наоборот, будем заботиться о тех, кому нужна забота...

— Заткните ему рот. Мы должны себя уважать и не поддаваться на провокации, что пишут в газетах. Другое дело, когда лишние финансы, тогда можно перечислять, а когда они бывают лишними?

Женщины одобрительно зашумели. Они знали толк в лишних финансах. Знали и то, что лишних денег не бывает в природе. Барматухина стояла на тумбочке из-под телевизора и громче прежнего говорила. Никита стоял на пороге, намереваясь смыться с единомышленниками.

— Он, бабоньки, как увидит номер счёта какого-нибудь фонда, который убедительно умоляет о помощи, тотчас бежит и делает перевод. На трёх

работах вкалывает по ночам, но денег я не вижу. Все уходят фондам. Они растут, быстрее грибов. Остановите мужчин. Барматухин их испортит...

Суд Барматухиных не развёл. Причин веских Аделаида не смогла представить. Теперь ходит по кабинетам, оформляет не то опекунство, не то алименты. Говорит, что хоть крошки от благотворительства, но останутся для семьи.

ДОСТОИНСТВО НЕДОСТАТКА

Раиса собиралась долго. Щёки её судорожно пламенели первомайским флагом.

— На кого ты меня оставляешь? — выдохнул Герман Андреевич.

— На кошку, — заплакала неожиданно Рая, кладя ключи от квартиры на подзеркальник в прихожей. — Хоть бы пил, как приличные люди. Садист.

— Не плачь, Не ты первая, — попытался острить Герман Васинькин.

— Знаю. Вот номер телефона. Если что.... Прощай. ...Я тебя не виню. Ищи свою дюймовочку.

Через две недели окончательно закрылся завод инструментов, выпускавший садовые вилы и гаечные ключи из хромованадиевого сплава. Герман Васинькин, как и весь коллектив штамповочного цеха, оказался на Панели. Так называли площадь перед заводоуправлением. Месяц Васинькин — худое существо без особых запросов, — существовал на остатках круп, которые закупила жена, когда выдавали талоны. Потом сдал запасы бутылок, скопившиеся в сарае. Пересмотрел вещи, которые могли бы иметь спрос на барахолке. Кни-

ги брали, но по очень низким ценам. Коллекция фарфоровых тарелок и фигурок животных дала возможность прожить ещё один месяц. Герман исправно оплатил услуги ЖКХ, последние рубли выложил за газ и телефон. Свет перестал включать. Телевизор не смотрел. Не хотел волновать свой, изношенный перестройкой, организм.

Васинькин изобрёл перестроечный суп. Он сыпал на сковородку две ложки муки, лил воду, слегка солил, добавлял четвертинку бульонного кубика. Когда был желатин, замачивал его и вливал в сковородку. Если бы Рая умела солить-мариновать, в погребе могли бы сохраниться банки с огурцами и помидорами, но в углах просторного кооперативного овощехранилища смог обнаружить десяток сморщенных и проросших за лето картофелин. Садовый участок жена заставила продать, а на вырученные деньги купила акции «Гермес-Союз». Проценты выплачивали большие, но очередь заканчивалась перед Васинькиным. Он пытался занимать очередь в представительский пункт с часу ночи, но там сидели у костра люди и вносили его пятнадцатым или двадцатым. Вскоре исчезла реклама по телевизору, «Союз» распался на молекулы и растворился в городском чистом воздухе, как и его тёзка, но после него остались хоть буквы — СНГ.

Заглядывая в проржавленный мусорный бак, который почему-то никто не приватизировал, у своего родного пятиэтажного крупнопанельного дома, обнаружил три пивных бутылки, среди выброшенных газет увидел книжонку. Серая обложка, бумага с мелкими вкраплениями опилок. Но привлёк Германа заголовок: «Как жить богато и

счастливо». Пришлось опуститься за бутылками и за книгой.

В школе Герман старался не читать лишнего, экономя зрение. В техникуме тяги к пустому чтению литературных опусов не возникло. «Таинственный остров» и «Двенадцать стульев» перечитывал каждые пять лет своей вполне хорошей жизни. Не заметил, как книги выучил наизусть. «Вот тебе и подарок к новому году», — сказал сам себе.

На площадях города Лупоглазова уже валялись очистки от апельсинов и мандаринов. Там же кучковались, продаваемые ёлки и сосёнки. И так Герману захотелось стать счастливым, что он помчался на свой третий этаж, чтобы узнать, как жить богато. Прочитанная брошюра оказалась не пустой. Изобиловала многими полезными советами. Герман, как учил иностранный миллионер, начал анализировать свои достоинства и недостатки. Разобравшись в себе, понял, что он относится к третьей группе, которая, должна работать самостоятельно, не организовывая никаких фирм, никаких концернов и даже синдикатов.

Герман думал. Чтобы что-нибудь продать, нужно что-нибудь купить, удовлетворяя спрос рынка. Что продать и что купить, чтобы попасть в рыночную струю? Ничего. Автор учил, что нужно все свои недостатки ввести в ранг достоинств. И Васинькин смог это сделать. Недостатки превратились в достоинства. Они помогли ему сначала купить приличный мобильник. Старую «хрущобу» сменял таки на трёхкомнатную. Отремонтировал, удалив изношенные плохой пищей, зубы.

Герман начал копить деньги на покупки подарков детям. Их было не много, но и не мало. Пятеро. Жили с матерями, которые, видя достоинства Германа, вышли за него замуж. Рассмотрев поближе достоинства, поняли, в процессе интенсивной семейной жизни, они становились недостатками. Без слёз покидали Васинькина и даже стеснялись подавать на алименты. Герман пытался им помогать, но детей росло многовато, а зарплата худела на глазах. Вскоре её заменили ключами и вилами. Ключи ещё можно дарить ребёнку, а вот вилы — предмет, несущий опасные последствия, не мог стать ни подарком, ни эквивалентом алиментов.

Работал Герман три часа в сутки. Было бы лето. Зимой не разработаешься сильно. Он заказал себе приличные таблички на грудь и на спину. Языки выбрал, какие попало. Была даже латынь, древнеэскимосский, старояпонский и шумерийская клинопись. Иностранцы в городе водились, как мухи у галюна. Они шлялись по древнему кремлю, пугая вспышками блицев ворон и галок.

— Помогите жертве монументалистического искусства, — обращался к прилично одетому сэру или симпатичной мадам на чистом хинди или идише. К простым людям обращался просто на родной мове: «Кореш, не дай кинуть копыта и сыграть в ящик». Если человек раскрывал рот и останавливался, Герман продолжал:

— Я получил увечие, когда с меня ваяли скульптуру «Писающий мальчик». Роден. Ну и другие. Этот, как его — Андже́ло Мигель. По пьяни опрокинули на моё детское тело банку с кислотой или прокисшим вином. Рост органа замедлился.

— Чем докажешь? — останавливался уж совсем любопытный. — Именно с вас? Эту чудную скульптуру? ...Что значит, что век на воле не бывать? Вы покажите, товарищ, господин, жертва.

Герман стесняясь, оглядывался, совал руки в карманы пальто.

— Смотри на моё увечие, радуйся моим страданиям, жалкий счастливец, у которого всё в порядке, — с этими словами распахивал полы пальто. Кое-кто восклицал, вытирая слёзы, трясущимися руками доставал последние доллары или тугрики. Герман кланялся и спешно уходил.

Стояли крещенские морозы. Но Васинькин не прогуливал. Работа — это не школа. Вкальывал, бедолага, не взирая на крещенские морозы и даже на куриный грипп, обнаруженный в городе по случаю нужного пиара, кому-то, сидящему на верхней скамейке. Он курсировал по обычному маршруту. Налоговая полиция его не трогала. Обходила стороной, заливаясь слезами. Городские бандиты ему сочувствовали, и швыряли из чёрных автоокон баксы, завернув патрон.

Одна милая особа в шерстяных ботах и в редкой белой шали, почиканной хамоватой молью, стала часто встречаться Васинькину. Она всегда быстро высовывала руку из собачьей рыжей муфты и клала в стаканчик из пластиковой бутылки, пристёгнутый к пуговке, небольшие копеечные суммы.

— Не желаете удостовериться? — спрашивал Герман, смущённый тем, что дама не интересуется его увечьем.

— Я доверяю вам, — говорила тургеневская женщина бальзаковского возраста. — Нынче не так жарко...

— Работа такая. Выбирать не приходится. Зима.

— Пойдёмте в тепло. Я — не садистка, — говорила женщина понимающе. — Да, хотя бы в нашу столовку. Я там всегда кушаю сухарики с чаем.

Они пошли в фирму питания и здорового настроения. Васинькин заказал кофе с коньяком, бутерброды с манной кашей и сёмгой. Понял, что эта особа в ботиках ему нравится. Они выпили по рюмашке ликёра, изготовленного из пепси-колы с добавлением самогона и жжёного сахара. Болтали, как старые знакомые по садовому участку. Он рассказал всё о себе. Она расплакалась, но как-то радостно блестели в её глазах хрусталики слезин. Оля протянула руку:

— Можно? ...Просто. Я верю. Не муляж? Хотелось удостовериться. Знаете, столько подделок.

— Не из соседней страны. Своё. ...Да. Как ненормальный. ...Без удержу.

— Искала, вас. Подруги говорили, а я не верила. Думала, что так и умру без внимания. Вы не думайте, замужем была семь раз, но увы. Ничего не выходило. Не получалось. Врачи предлагали операцию в Швеции сделать. Боюсь. Инфекцию словить. Призрак СПИДа по Европе бродит.

Она пригласила его. Герман купил торт и шампанское. Она несла пакет с картошкой и солёную селёдку. В однокомнатной квартире было так уютно и спокойно, что Герман, едва раздевшись, накинулся на пакет мелкой картошки. Картошку умел пожарить так, как ни одна женщина не мо-

жет. Каждый ломтик был зарумянен и посыпан зеленью. Оля выскочила из ванны в фиолетовом лохматом халате.

— Только ты не смейся, — притворно скривила губки женщина. — Дай слово, что не будешь смеяться. ...Как следует, поклянись.

— Клянусь не смеяться, не болтать, не ёрничать. — Проговорил Васинькин и выключил газ.- Жареную картошку нельзя оставлять на утро. Они ели огурцы с картошкой и запивали шампанским. Торт оставили на более позднее время. Ольга добыла из-под кровати начатую бутылку импортной водки, но Герман отказался. Она хотел варить пельмени, на пачке, которой была зелёная надпись: «Холостяцкие».

— Успеешь. Завтра сварить.

— Завтра может не быть. — Причёсывалась женщина, вздыхая.

Утром она встала рано и сварила всё, что хотела. Герман не смеялся, как другие мужчины. Он даже радовался, как ребёнок, глядя её мягкие перья на спине. Она не могла устоять перед его настойчивыми просьбами и сделала три круга вокруг люстры. От восторга Герман всплакнул.

— Ты о чём? — удивилась она. Герман гладил серые перья и вытирал глаза:

— Подушкой пахнут, — шептал счастливо.

На работу не пошли. Кто ходит на работу первого января? А тем более, у них начался медовый месяц.

Это случилось в середине апреля. Герман всё больше стал задерживаться на работе. В тот вечер пришёл поздно. Оли не было. Лохматый халат висел в ванной. Олины ключи лежали на подзер-

кальнике. Дверь на балкон раскрыта. В ящике от телевизора Герман увидел клочки бумаги, сено и скорлупу двух больших яиц. Васинькин слазил на чердак, спустился в подвал. Безрезультатно. И он снова начал жить своей размеренной жизнью. Иногда звонили бывшие жёны и льстиво благодарили за подарки.

Как-то ночью Герман проснулся от детского смеха. Он подумал, что приснилось, но, когда вошёл в кухню, увидел за столом двух девочек. Оленька учила их пить из стаканов, не запрокидывая головок.

ДОРОГОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

Жить стало, Петрович, хорошо. Телевизор. Страшно. Нервы не те. Следователь на экране сидит в полумраке спинкой, искажённым голосом вещает, дескать, мы всё знаем, у нас всё и всяк под контролем, так как пять лет следим за ними, за этим, за тем и прочими маньяками, знаем ихние, его каждый шаг, разные вкусы и привычки и даже способы убийств». По своей глупости задаю себе вопрос: «Отчего же его, их и пр. не арестовать?»

Выступает депутат, в который раз, непонятно в каком ракурсе снят — лицо это или ещё что. Сообщает, сколько законов дума выдумала, чтобы людям жилось хорошо. Жалуется, бедняга, бедным зрителям, что выдуманные законы не работают, их не все исполняют почему-то. Или законы не знают или некогда исполнять. Кто их не знает и не хочет знать, так это глубокое незнание не освобождает от ответственности. Хорошие законы не исполняют, а

норовят исполнять те, что удобны и выгодны. непонятно — кому законы плохие, а кому хорошие.

Жить стало, Петрович, интересно. Говорит вчера соседка соседке, что вода отвратительная, каждый месяц чайники меняет. Невозможно поднимать, и чайную воду наливать. Тяжёлы от накипи. Рекламу показывают, отчего стиральные машины портятся, как предотвращать поломки, чего добавлять, чтобы не было накипи. Соседка ничего не добавляет в чай, акромя сахара или варенья. Изредка заварку наливает. Поэтому и накипи в почках. Вторая соседка говорит, что воду питьевую нужно хлорировать, фторировать и смягчать по стандарту.

Говорю им, дорогие, мол, соседки, никто вам ничего не должен. Почитайте договор на водоснабжение. Там разве указали, что вода будет подаваться регулярно и нужной мягкости, чтобы её пить безбоязненно за свои внутренние и другие органы.

— Но там и не написано, что вода техническая, что её можно использовать в одном направлении, бельишко стирать, коли загрязнится, а в рот нельзя брать, а тем более, глотать дальше.

— Значит, о стиралке мы заботимся, а о ребёнках не думаем, не желаем воду пропускать через фильтрующие аппараты. Экономите на детях?

Соседки дружно психанули, зафыркали, как кошки в марте. - Я возьми и скажи о том, что эту поганую вредоносную воду никто вам в рот не льёт. Пытались анализ сделать и узнать, чего в воде много нужного, а чего ненужного. Никто не сказал вразумительного. Говорю, что давно на пиво перешёл, так как это дешевле и понятно. На бутылке

написано, что внутри содержится, из чего сделано. Врач, Петрович, мне один сказал, что почки нужно систематически промывать тёплым пивом. Вот почему мы с тобой прополаскиваем изредка организмы.

— Что я ребёнку должна вместо компота пиво наливать? — взвилась на дыбы одна милая соседка.

На водке тоже пишут, чего хотели добавить для вкуса и аромата. На договоре о воде ничего не написали — ни сколько тяжёлых металлов, ни сколько лёгких. А могли бы и количество витаминов написать, минералов, ведь вода утилизируется в канализацию, а её из системы не всегда удаляют вовремя. Она зловонно растекается между домами, впитываясь в почву, в которой проложены иные трубы — водопроводные, но такие они дырчатые и проржавевшие, что спокойно подпитываются влагой, что из канализации вытекает. Дырчато-ржавленные трубки несут водицу к краникам, что стоят на кухне и в других местах. Раз не указали, что вода питьевая, так и не пейте водичку, не к ночи помянутую. Снег ещё есть на крайний случай и холод. Сажа осядет при замораживании. Вкус приятный. Пробовал, Петрович, вкусная талая вода. Не случайно долгожители жить приехали на горы, чтобы пить ледниковую водичку. На горах нет канализации. Громадное здоровье тех долгожителей не тратится на таблетки, на завозные фрукты и овощи. У них всё своё — и шашлык, и кефир, и компот. И что им остаётся делать с этим неизлечимым здоровьем? Только одно — долго жить и радоваться, не включая телевизор.

Петрович, статью о конфискации имущества, нажитого не на зарплату, отменили. Кому она нужна? А ты, говоришь, что о людях не думают.

ГОРЬКАЯ РАДОСТЬ СВОБОДЫ

Пенсия, как финишная ленточка замаячила лет пять назад. Предвкушая новый, досель неведомый образ жизни, запланировал научиться плести корзины и лапти, посадить сад из полезных деревьев — рябины, калины, берёзы и осины, а также на рыбалку с Вовой и Серёжей почаще ходить на пруд.

Внимательней стал присматриваться к близкоживущим старичкам и старушкам, которые не только доработали до этой «ленточки», но и забежали за неё. У многих на лицах жутко мало радости написано. Совсем не отражается эта счастливая пора. Одна бабулечка в няньки приспособлена к дочкиным детишкам, другой мужчина сторожем устроен, так как пенсии не хватает на оплату коммунальных услуг. Мало остаётся её, так как внучок приходит раньше пенсии на неделю и ждёт её, как в засаде. Третий товарищ всё по аптекам экскурсоводит. Хотя знать прежде доводилось его, как здорового работника и прекрасного физкультурника. А вот гуляет по аптекам и аптечным киоскам, будто иного приятного места не знает для культурного отдыха и общения со сверстницами и сверстниками.

Задумался крепко о предстоящем житье-бытье на государственном содержании. Буду работать на работе. Решил не помнить, что могут записать в старики. Отчаянно не замечал, что после

обеда вдруг сон нападает, как тигр из камышей. Проснусь, оказывается, полчаса проспал, в сидячем положении, чего никогда не было. А то вдруг на работу прибегу, забыв, что воскресенье, возвращаюсь домой, сделав генеральную уборку в кабинете.

Когда шагнул за ленточку финишную, то понял — зря пенсию не дают. А тут с работы попросили культурно и вежливо, так как срезали фонд зарплаты. Повышение зарплаты называется. Пять человек сократят. Освободившуюся зарплату поделят на оставшихся. Я попал под третье повышение.

Что делать? Не сокращать молодую мамашу, у которой и стажу ещё кот наплакал. Стал пенсионером. Вроде, какая-то радость сперва была. Но иногда приходил на работу, рефлекс срабатывал, как у собачонки Павлова академика.

Огород копаю, яблони сажаю, на рыбалку с внуками бегаю, но не чувствую радости. Отработанный материал, который нужно государству как-то содержать. Вот чем и кем себя чувствую. Хотя один товарищ сказал вчера, что на пенсии он только по-настоящему жить начал. Никто не командует, не посылает в командировки, не требует отчёта, не унижает, срывая негодование. «Теперь я сам себе голова. Что приказал, то и на «отлично», не откладывая в долгий сундук, сделал». С одной стороны это радостно быть свободным, а с другой стороны привычка быть нужным гражданином осталась, как аппендицит. Получается, что радость у свободы с горчинкой. Можно чувствовать себя нужным и внукам, но как это сделать, если простого велосипеда не можешь купить сразу, приходится год откладывать.

Пытался внуков учить фотокарточки делать, видеофильмы снимать, рассказы и повести писать. А это их не волнует и не «торкает». Опыт передать некому. Как так дальше жить? Тяжко. Кружок хотел открыть в Доме детского творчества, но не хотят дети учиться, ни фотосъёмкам, ни азам журналистики. Не греет это их, не нравится детворе такая учёба. Что им нравится? Узнал. Нравится им играть в разные компьютерные игры. Можно порадоваться, как техника скакнула, но грустно, что читать ничего не хотят ребятишечки. От телевизора оторвать невозможно. Телек родней деда стал.

«ДРУГ ЧЕЛОВЕКА»

Вы слышали? Конечно, полагаю, слышали, не могли не слышать эту хамскую издёвку. Кто же, думаю, этот человек, которому женщина друг? Кто он, позвольте спросить, дорогие подруги и невесты? Сильный пол? Сильный пол, сильный пол. Когда это было? Фантастика ненаучная. Сами придумали, сами себя убеждают. Сильный пол — женский. Все слова хорошие — женского рода. Любое возьми. Зарплата. Крошечная. Родина. Богатая. Тянут, потянут, а растащить не могут. Любимые реформаторы, тянувшие к коммунизму народ, поволокли его к капитализму. Что делать народу? Его волокут на верёвочке, а он и для приличия не хочет, родименький, сопротивляться. Лень.

Вот уже на полках даже в деревне есть всё, а в кармане у большинства - блоха задушилась на аркане по причине боязни пустоты. И украсть нечего на работе. Прошли времена, когда в кармане можно с завода детали носить, в сумке можно стройма-

териалы доставлять к своему дачному объекту. Нефтегазовые скважины приватизировали, заводы передали кому нужно. Можно приватизировать кресло в аптеке, крыльцо в роддоме. При таких пособиях матерям и зарплатах мужчинам рожают нынче с горя или поневоле. Мой-то помнится в первую ночь шепчет, чтоб гости не услышали, дескать, дозвольте Аннушка долг отдать.

— Какой?

— Супружеский, - едва слышно выдыхает юный муж.

Такое хорошее мероприятие назвали долгом. Повинностью. Служба родине была священной обязанностью. Откуда в такой стране будет население расти? Каким образом станет увеличиваться молодое поколение? Ведь наши хлопцы отлынивают от супружеского ложа, как от службы в армейских рядах. Переползая порог семейного гнезда, укладывается на половичок у кошачьей миски большинство мужчин.

Что у вас не так? И далеко не так? Так вы, милая, счастливица. Вам завидуют во всех городах и сёлах. Что? Страдаем. Редкая вы, гармоничная. Не стану говорить об одиноких. У большинства семейных и муж есть, и вроде ещё тёплый, живой тоесть. И кушает стратегически прилично. Но моду взял. Как подходит время долги платить, так нарежется, а больше придуряется. Дверь не может открыть. В скважину замковую не может ключом попасть два часа и при ярком свете это. А в темноте? В темноте, когда лампочка на площадке вывернута заботливыми руками, он и ключ не вынимает. Сидит на коврике и ждёт своего часа.

Недавно спрашиваю у своего третьего красавца:

— Чего ты делаешь? Как же так?

— Не нравится? Инструкцию не читал. Академиев не кончал, мы в институте ядерной физики этот предмет, дорогая, не сдавали. Кто бы меня просветил? Я же учился, учился, учился. У меня два диплома красного цвета. Ты не требуй, а подкажи, научи, если у тебя кругозор обширный. Теоретически знаю, а практики не было. У тебя была, а у меня не было её.

У Гаврилыча — нашего сантехника из ЖЭКа шесть классов, а каков виртуоз. Сколько ему учительниц уроки давали, когда нечем было рассчитываться — зарплату задерживали по три года. Академию прошёл. Нас тоже не учили, как жить, одеваясь, питаясь, выплачивая коммунальные, на виртуальными деньгами. Из топора можно суп сварить и на второе обжарить, а как одной макарониной семью накормить? Умудряемся, подруги. Умудряемся, пальто пять раз перелицовывать. Умудряемся. Кредиты берём, чтобы шапку купить. А этот человек — чуть, что - из дома тащит. У него горе образовалось. Пусть бы у него желание образовалось жене сапоги купить, а детям учебники, себе автомашину приличную. Что он говорит?

— Не могу людей обманывать. Не умею себе обман прощать.

Объясняю, что теперь этот процесс бизнесом называется. Маму твою дурили, тебя обманывали.

— Как это.

— Так это. Мама твоя сорок лет резиновые сапоги не снимала ни зимой, ни летом, добывая молоко из колхозных коров, чтобы вас шестерых

обуть и накормить. А что ей платят? Дядя твой - родимый за мешок овса сел на пять лет, так как был беспартийным. Выговор некуда заносить. Потом дядя сел за бычка, которого коровы в навоз втоптали, а ему приписали воровство в особо крупнорогатых размерах. Через десять лет скотный двор очищали бульдозером. Мумию быка обнаружили. На ушах пломбу рассмотрели. Дядю твоего выпустили. Заведующая фермой торговала фуражом, а твоему дяде подкинули пару мешков в бричку. Коняга привезла его домой пьяноспящего, а участковый и народный контроль обнаружили «хищение». Опять посадили. Адвокат доказывал, что не мог твой дядя утром нагрести два мешка дроблёнки, так как ключи от склада были у других людей. Это неважно. Посадили. Когда твой дядя пошёл на пенсию, стаж трудовой у него был, но на другом производстве. Пенсию дали одинаковую, что маме, что дяде. Вот так всё подошло — рубль в рубль. У твоей маме сорок лет стажу, детей вырастила государству в подмогу шестерых. Сказали твоей маме в пенсионном отделе, что пенсия маленькая, потому что при советской власти получала мало. Она была передовиком молочного соревнования каждый год, получала премии каждый месяц, но их не приняли во внимание. Мама на свою зарплату могла в Москву на выставку сельского хозяйства на самолёте три раза слетать и два раза домой вернуться. А сейчас я — учительница могу только один раз съездить, и то в общем вагоне. Пенсионерка приехала вчера и сказала, что в Москве она получает от мэра доплату. Не верим. Не должно быть такого. Сплетни! Отдельные ма-

лоимущие граждане в чёрных халатах доплату получают, но, чтоб пенсионеры! Сказки.

Одно радует. У депутата нашего краевого, что в думу избрали, пенсия будет человеческая. Вот, девочки, кто друг человека. Депутат! Он давно не слуга. Вы видели в старое время в вокзалах, на отдельных дверках писали: «Комната для депутатов». А нынче у них самолёты, чтобы летать к электорату. Вот за кого нужно замуж выходить, а инженеров обегайте. Не приспособлены для семейного счастья.

ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫХОД

Всю свою учительскую жизнь провела среди детворы в городской школе. На пенсию, когда провозжали, то подарили лопату и грабли, вилы и лейку. Долго думала, что граблить и лопатить на пятом этаже? Ничего не могла придумать. Решила переквалифицироваться из интеллигентки в крестьянки. Поменяла свой статус, сословие. Домик нашла в соседней деревушке, где у меня подруга работала, популяризируя среди населения второй закон Ньютона и пятый параграф Фарадея, а также правила правой и левой руки, которые не ведают, что творят, когда попадают с буравчиком в магнитное поле. Купила я шикарное поместье, хожу по огороду в тридцать соток, как мелкопоместная дворянка. Кусты малины и смородины секатором секачу. Яблони и груши от тли околачиваю веником.

Сосед попался жутко обходительный, что начнёт делать, так залюбуешься. Обходит моё поле широкими шагами, загоняет свой трактор и пашет,

пашет. От денег отказался. Тимуровец. Подумала. Кое-как уговорила презент взять. С удовольствием взял. Так у нас и повелось. Уголь мне привезли. За вечер стаскал в сарай. У меня валютка припасена. Дрова поколол быстро и умело. Бутылочка — вот она. Талоны у меня на спиртное теперь не лежат в паутине. Чтобы я делала без моего соседа, без моего помощника. В деревне свои правила, свои законы. По законам живу, по правилам. Не могу их игнорировать. Подчиняюсь.

В колхозе получка деньгами редко. В основном пшеницей, огурцами и капустой. Выпивши сосед, как бульдозер. Работает без отдыха. Заботливый мужчина, хотя и молодой. Знает, как не просто бывшей учительнице понять сельскую жизнь. Рукодельный сосед — спасу нет. Целыми днями строгаёт, пилит, долбит. Цветы выращивает — загляденье. Не огород у него, а салют первомайский. Выписывает всякие георгины, клематисы и прочие чудесное разнотравье. Рассада у него помидорная — ни у кого таких сортов на базаре нет. Большие кустики, закалённые, стебли фиолетовые, толстые. В теплицах не только редиска, лук, салат, а даже ананасы и орех земляной. Учусь у соседа, как дыни выращивать, как пасынки удалять, какие плети у арбузов прищипывать, как с вредителями бороться. Приду, прослушаю лекцию, посмотрю, как всё должно делаться. Оставлю лектору четвертинку.

А тут проблема возникла. В стране талоны кончились на водку. Напряг с бумагой. Погоревала, погоревала, а делать нечего. Тяпку нужно наточить посредством бутылочки, парничок сколотить потребовалось. Опять нужна валюта жидкого со-

держания. Столбик у ограды новый не будет один стоять без подпорки. Подсказал он мне выход:

-- Тётя Клавка, ты не молодая бегать в магазин, а купи дрожжей, сахарку и поставь брагу. Я те дам флягу. Только ты моей Шурке не показывай. Бутылочку поставишь вот сюда.

На второй день завела я этот продукт. Процесс пошёл. Фляга нагрелась даже. Через два дня поставила бутылочку. За точку серпа. Вечером встречаемся. Сосед мне шланг свой подаёт. Воду я у него покупаю для полива огурцов и помидоров.

— Ты, Клаванька, взрослая тётя, а не знаешь, что брага должна крепость набрать через пару недель. Когда осветлится, тогда созрел материал для гонки.

— Не понимаю, - говорю. — Кого ещё гонять?

— Проходила же в школе процесс крекинга нефти. И тут также. Но из браги получаем не бензин, а спиртосодержащую жидкость. Сделаю тебе аппарат, покажу, настрою, чтобы ты не взорвалась.

Долго мне рассказывал сосед, как сделать так, чтобы жидкость была приятна и полезна, чтобы не обжигала пищевод. Несколько рецептов я выписала из его книжки по приготовлению домашних напитков.

Научилась. Удивилась, когда первые литры нагнала. В кино показывают жидкость молочного цвета. А у меня прозрачная, как хрустальная слезинка. Понятно. Инструктор у меня не какой-нибудь мосфильмовский, а наш, сельский умелец. Это понимать надо. Разбавила я продукцию, как положено, как завещал Дима Менделеев. Сосед сказал, что очищать — себе дороже. Масла сивушные полезны в нашем регионе. Раковые клетки да-

вят. И мне посоветовал принимать перед едой по три столовых ложки, настаивать можно на корне девясила или на маральем.

— Где брать? — спрашиваю заинтересованно.

— Принёс. Золотой корень через три года созреет, а Маралий копать можно. Выкопал, раздробил.

Через год опять беда у меня. Соседу врачи запретили принимать спиртосодержащие жидкости. Горевала, горевала. А деньги за услуги не берёт, но как быть? Конвертируемую валюту не могу придумать. Мужчина он грамотный, поможет найти выход из создавшейся ситуации. Так оно и получилось. Нашел выход из положения.

Пошла в магазин за крупой и солью. Прихожу, сажусь на лавку перед столиком. Сосед сделал, и виноград мне посадил. Такая беседочка получилась на загляденье. Стала уток кормить, а одной нет. Вороты запёрты на секретный замок. Сосед сделал от честных сельчан. Но утки нет. Большие утки. Не жалко, думаю, очень жирные. Мешка картошки недосчиталась, когда начала копать клубни. Доски валялись у меня. Кривые, косые у забора гнили. Исчезли, как НЛО вчера, пролетавший над логом.

Рукодельный сосед. Всё что-нибудь мастерит, строгаёт, пилит, долбит. Так и повелось у нас. Что понравится, берёт в счёт будущей оплаты за услуги. Огород пахать надо. Искать пахаря не придётся. Трёх уток - нет. Если бензин к весне не очень подорожает. Может быть, к зиме и меньше придётся колоть. Удобно. Ничего не скажу. Выход всегда есть. Только думать надо, о соседке, обо мне то есть. Думает мой сосед. Заботится.

БОЛЬШИЕ ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

Я, дорогие мои, далеко не стар, но если сравнить с сорокалетним парнем (у нас в деревне всех, кто не дотащился до пенсии, парнями кличут) то возраст мой — серединка — наполовинку. Нет, гражданин хороший, царя не помню, потому что не видел. Так вышло. Не встречались. По разным дорогам ходили, в разных столовых чай пили, хотя он в последние месяцы неподалёку дом арендовал с семьёй. Крепостное право, а что крепостное право? Его у нас то отменяли, то применяли. Когда отменили? В первый раз? В первый раз отменили в 1861 году. Во второй? Во второй раз отменили недавно. Помню, не старый.

Запомнилось, как тятя — кулак и кровопивец — вожжами воспитывал. После вечерки я не выспался, но боронил. Такой народный контроль был. По поводу прогула или брака не собирали собраниев, не писались протоколы, не снимали стружку, но расписывались. Расписывались от души на том месте, на котором всякий человек умеет сидеть. Мне частенько ставили резолюции с автографами. Братья быстро насобачились пахать и сеять, сапожки шить и кожи выделывать, скот забивать и на базаре продавать, а у меня через пень в колоду. Очень жалко было овец, гусей, уток жизни лишать. Отказывался. Крови до сих пор боюсь. Братьям невест сосватали, дома поставили, тятя живностью и инвентарём снабдил, а я всё у родного отца в батраках. Не хочет отделять, забодай его комар, эксплуатирует мироед, на всю завёртку. Говорит, учись землю понимать, учись на ней быть

хозяином, а не квартирантом. Пахал я плохо — руки были слабые. Сила не передалась мне отцова. Хилым рос. Измывались надо мной братики. То лягушку в сапог затолкают, то ужа в карман посадят. Маманя далеко, кому пожаловаться. Жили всё лето в степи. На заимке.

Слава Богу, дорогие мои, случился переворот. Хорошие парни сделали. Я, хоть драный и униженный, но не глупый. Решил подаваться в советы. Кончилась интервенция, кончились выстрелы. Я кончил ЦПШ в то время. Не то подумали, гражданин красивый, это церковно-приходская школа. Иных школ в селах не было. Писарем, как самого образованного, взяли. Вся документация в моих руках-ручонках. Я — кум королю и сват министру. Братов с ихними бабами и карапузами в кулаки записал. Не по злу, а куража ради. Ну, и вспомнил своё детство, как драли меня тятя, как издевались братья. А потом отца внёс в список раскулачиваемых, чтоб жил и помнил, как ребёнка тринадцатилетнего по голой спине бить наборной уздечкой конской. И поехали мои кровиночки туда, куда Макар телят не гонял. В Нарым, в болотный край, в посёлок Клюквинный, где от комариного гуда уши закладывает.

Как вчера помню: ревут племянники, в чём были, в том и поехали. Сундуки прибрали к своим амбарам, поделили кулацкое добро, нажитое непосильным эксплуататорским трудом. Дома пожгли. Такая установка была, чтобы и памяти о мироедах не было.

Жить стало легче, жить стало интересно. Первым своим делом женился на крестьянке, дво-

рянского происхождения, но с правильным социальным положением, в бумагах.

Поставили меня секретарём волостного совета. На прежнего секретаря — комунягу написал левой рукой докладную наверх, потому, как он дал детям кулаков по фунту гороха на дорогу. Ничего не приврал, нечего на меня коситься очками, как вошь на гребень. Горох он давал, не фунт, а так по горсточки из кармана насыпал. Всё подтвердилось. Свидетели нашлись. Друзей у меня образовалось — в каждом дворе по десятку. На октябрины зовут, на свеженину за рукав тащат, на свадьбы приглашают, хотя наган у меня ржавым достался от прежнего начальства. Он его хранил в ведре с инструментами. Я его в керосине утопил, потом дал писарю поскоблить подпилком. Он и заблестел мой Смит-и-Вессон. Погуляли. Попили. Поручивали. Я говорить с трибуны речи наострился по два часа. Себе удивлялся по первости — откуда что взялось. Мелю. Ладонками шлёпают. Уполномоченные с секретными директивами едут, а у меня списки всегда готовы. На стройках нужны рабочие руки. Приезжают и забирают. Списка не будет, так и меня могут отправить строить водные сооружения или железную дорогу куда-нибудь в степь широкую. Цены снижали в городах, а деревня за палочки трудилась, за трудодни. Паспортов нет, прав нет. Одни налоги. С единоличниками я покончил. Благодарность получил. Коллективизация в селе на все сто процентов возвысилась. Новый строй наживульку смётываем, не черновик пишем, чтобы потом на чистовик переписать, чтобы кляксы и ошибки не было видно.

Война не нагрянула, как пишут стратеги, а пришла, как зима к воротам. За год в санатории госпиталь стали готовить и персонал подбирать. Я врачу бочку мёда отвёз. Бывший царский полковник ветеринарной службы конного кирасирского полка мне такую справку выправил, что воевал я дома председателем колхоза, а хотел секретарём райкома потрудиться, но их нам присылали, как посылки по почте. Председателем тоже можно жить и работать, не покладая рук, не жалея здоровья для фронта и всё для победы отдавать. Детишек много после войны в школу пошли с моими глазами и желанием учиться. Через мои опытные руки полдеревни прошло. Ни один из моих воспитанников не умер с голоду или по недосмотру. Конечно, помогал. Какой вам я вампира? Победу мы ковали с женщинами. Бывало, какая вдова закусит удила и давай на дыбы вставать. Работой замордую, дрова дам в лесу в сыром урёме и в последнюю очередь. Если женщина не дура, не уродина и сама понимает, что я тоже, хотя и председатель, хотя и коммунист, но не железный, а обыкновенный со своими слабостями и недостатками. Сбежала от меня милая белоручка-белогвардейка. Ничего не умела. Кашу сварит — свинки не едят. Щи варит — руки обожжёт. Щепу щепает, так палец себе отчекрыжит. Всю дерюжку кровью залъет, бывало, я, по своей доброте, крови боюсь. От одного вида нехорошо мне делается.

С войны вернулось мало мужиков целых. Много порченных. Пытались мне пакостить, но я их быстро успокоил. Послал на восстановление порушенного народного хозяйства. Повышать меня стали товарищи. Принимал начальство по высше-

му разряду. Не разделял. Понимал, что сегодня он мелкая сошка, а завтра где-то сядет в глыбокое кресло. Как родных встречал и провожал. Прикармливал чем мог, на постой устраивал к бабёнкам податливым. Харчи посылал с оказией. ...На высоких постах не был. Врать не стану, товарищ мой дорогой, но при конюхе был часто. Раньше на ходке и в кошевах по глубинке ездили, руководили. В каждом дворе ты желанный гость. Кормят и поят, поят и кормят. Спать уложат и никто не спрашивал, дескать, откуда будете? Знали и помнили откуда и куда и сколько раз в месяц ещё заеду.

Иногда на трезвую голову приходит мысль антисоветская: что поумней дурака не нашли? На мне свет клином не мог сойтись. Грамотные парни появились в деревне. С ними я поднимал подпленное войной сельское хозяйство и промышленность, перевезённую в алтайские города. А урожаи давали, страну голодную кормили, напряжённо жили. Нам слава и почёт. Ордена и подарки памятные. А целину какую взняли? Молодые ребята в палатках простывали, но пахали, но строили. Это ничего, что много погноили зерна из-за сырой погоды. Зато, какой энтузиазм. Сколько молодой бешеной энергии было использовано по прямому назначению. Горели на стройках, на полях и фермах. Нынешним бы пример изучать, а они у заграницы покупают зерноотходы. ...Нас проводили с большим почётом на заслуженный отдых. Чего там хлеб! Союз наш стал рушиться и делиться, а был нерушимым. Когда было выгодно, тогда никто не отделялся. До чего докатимся, если разделимся на княжества и станем, друзья, из-за забо-

ров наблюдать друг за другом. ...Уздечек не хватает нам, товарищи, а то ищем, не ведая чего, думаем только о своём брюхе. Нету железной руки, вот и сахар, поэтому по бумажке. Талон — от бессилия, он порядку не друг, а только вредитель стабильности.

Поехал к правнучке в гости, по хозяйству помочь. Крылечко развалилось, а её хозяин на север умотал, чтобы поработать, потому что в деревне работа стала дорогим удовольствием, которое днём с огнём ищут. В сельпо пошёл гвозди брать, а у магазина очередь на всю улицу. Думал, что демонстрация, но глаза обул в очки, вижу, что народ с банками и канистрами разными - пива выжидает выпить. Встал в очередь, а народ ближний на меня недружелюбно глазами смотрит. Так раньше народ не умел злостно в лицо глядеть. Один мужчина в рабочем сказал, чтобы я не давил землю даром, а убирался, откуда прибыл. Раньше такого, дорогие мои, не бывало, хватало пива, хотя и сильно разбавляли, но во все банки доставалось. Вынул я свой паспорт и показал человеку из мастерской. «Смотрите, какая фамилия. На плитах, что у школы лежат в сквере, таких фамилий двенадцать выбиты. Это мои в боях за мир по Европе лежат». ...Посмотрели паспорт в очереди мой, пожали плечами и говорят, что у меня сегодня прописка городская, а не деревенская в паспорте отпечатана печатью. Мы, говорят, отсоединились от всех наша деревня самостоятельно идёт к коммунизму. Как шли, так и будем идти. А чужим пива не даём.

Подумал, подумал, а может быть, они и правы, если республикам тесно в единой упряжке, то

и деревня моя вполне может самостоятельно идти своим прежним путём. ...Внучок рассказывал, что Русь когда-то тоже была раздроблена вся на кусочки. Вот теперь и делимся, чтобы, когда петух жареный клюнул, вновь бежать к русскому царю и просить защиты и помощи. Научили читать и писать, а теперь и отделяются, не спросясь у тяти. Может быть, и правда, что научились пахать и сеять. Ушло время вожжами учить.

...Незнаю, дорогие мои, как торговали пивом при Грозном, не стану врать. Чего не знаю, того незнаю. Не стал никого просить, чтобы купили, чтобы продали. Пошёл крыльцо новое в старый дом делать.

СОБСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Гласность — штука хорошая. Но даже её, как и любое лекарство, надо подавать в разумных пределах, а не обрушивать на человека лавиной, под которой очень даже просто свихнуться. С ней, с гласностью, как и со спичками, нужно обращаться осторожно, чего у нас делать, пока не научились. Кто далеко от мест, где происходят события, тот телевизор смотрит, а у кого он неважно показывает, слышимость оставляет желать лучшего, тот, сами понимаете, газеты читает. Стёпа Банкин ещё недавно газеты в руки редко брал. Брал, но без особого интереса. На содержание статей не обращал, ровным счётом, никакого внимания. Привычки у Степана не было мелкие буквы читать, хотя газеты выписывал. На заводе предлагали выписать любое издание, но не одно. Жене выписывал «Работницу», а дочери — «Весёлые картинки», хо-

тя девушка училась в техникуме. На своей работе в швейной мастерской Татьяна Тарасовна выписывала местную городскую газету «Вахта», в которой всегда публиковали телевизионную показательную программу.

С некоторых пор Степан Савич даже письменоску мог узнать без сумки и поздороваться. Несколько раз, укараулив её у почтовых ящиков, делал ласковое внушение за недоставку отдельных газетных номеров, чем вызвал к себе уважение соседок, карауливших на скамье, подъездные двери. Большинство жителей дома по улице Пионерской за газетами ходили в киоск, когда в основном выходил «Телевестник». Были и те, кто ходили в библиотечный читальный зал, чтобы узнать, что в мире нового случилось, как разрешаются конфликты и почему соседние дорогие республики вдруг захотели иметь самостоятельность, не взирая на определённые проблемы с одеждой и глубокими тарелками.

Пристрастился Степан к чтению прессы. За стол не садился кушать затируху без газеты. Даже, извините сказать, в туалет со СМИ ходил, чем вызвал справедливое замечание соседей по коммунальной квартире, твердивших, что это место не для повышения культурного уровня, а для общественного пользования.

— Стыдно и неприлично, товарищ сосед создавать толкучки, - выговаривала старушка с кофейником.

— Вы создаёте нетерпеливые очереди каждое утро, в которых мы достаточно много часов жизни проводим, - говорила соседка из театра.

— Вы заставляете нас у двери переминаясь, когда сами познаёте всякие события и даже катастрофы. А эти аварии могут случиться по вашей вине с моим ребёнком, которому нужно в школу приехать без опоздания, — сетовала пожилая преподавательница училища. Ещё много разных сведений говорили соседи по квартире Банкину. И жена ему говорила, чтобы он соблюдал график и режим в утреннее время, но он забывал. Он не ради удовольствия изучал газетные материалы, он хотел всё знать, что делает мир, какие события разрывают другие страны.

Степан Савич хотел иметь собственное мнение на разные события. Это не просто. Собственное мнение не всегда нужно иметь. Бывает это не только опасно, но и вредно. Все голосуют «за», а у тебя, скажем, собственное мнение и ты честно и прямо говоришь и голосуешь — «против». За это твой отпуск передвигает на зиму, твоя премия уменьшается до одной копейки. От тебя отворачивается лучшая подруга и два друга.

Степан выработал за последние месяцы в себе собственное мнение на разные события в мире. У него появилось желание делиться им с товарищами по цеху штамповки и упаковки деталей. Это желание переросло в привычку. Как войдёт в курилку, так и делится со всеми, как лектор из общества «Знание». Коллеги тоже стали любить свои мнения высказывать в курилке. На собраниях тоже высказывали, но не все, а в курилке все стали иметь собственное мнение.

Говорить — это не работать. Ещё перед началом перестройки об этом узнали, а может быть, и раньше, когда князья бегали по собраниям и во-

пили, что пришло время объединяться против иноземных парней с луками и стрелами, которые топчут посеы посредством конного транспорта. Примеры происходили неприятные и даже смертельные, которые наглядно показали, что нужно жить объединено, в одной большой «малосемейке». И вдруг опять шум, гам, кричат, что нужно разъединяться, что в одной «малосемейке» всем тесновато. Это не только Степана удивило, но и других «курильчан» просто ввергло в некоторое уныние и тоску. Процесс длился не более месяца. Друзья тоже стали газеты читать до самого «тиража». Телевизоры смотрят до самой последней заставки, но отсоединяться от литейного цеха не стали. Бастовать пробовали, а вот отделиться от токарного цеха — никто не хочет. В голове никто не держал такой глупости. Взялись голосовать. Посчитали на бумажке голоса и, недоумеая, почесали кепки. Один — «за», двое — «против», а остальные просто курили. Что тут сказать.

— У нас ещё сохранился в сердцах вирус равнодушия, хотя собственное мнение есть, выработалось с началом перестройки, - сказал Банкин.

— Непривычно. И стесняемся, — сказал Балайкин.

— Пусть живут, как хотят! — кричит дядя Коля.

— Пусть заплатят за то, что им построено и возведено. Их учили, им полбелоруссии отдали. Город Вильно сделали своей столицей, назвав Вильнюс. — Встал мастер Решетович. Шум постоянно в курилке. Собственных мнений много, а большинство не совпадают. Никак не решить проблему. Степан не может понять себя, чего хочет —

чтобы не отделялись, или, чтобы катились куда им нравится, хоть кобыле под хвост. С одной стороны и согласен, а с другой стороны — нет. Какое же это мнение, если оно непонятное.

Ест Банкин плохо, спит через пень в колоду, а работать вообще перестало хотеться. Другим товарищам тоже работа на ум не приходит. Спать все ложатся поздно — съезда первый по телеку транслируют, другие с жёнами в очередях за мылом стоят. Им грустно работу работать, так как они в мыле. Банкину грустно, когда кругом разъединение и мылом пахнет в курилке — дышать невозможно. Горько Степану за тех, на кого оказывают сильное давление, а кого-то из эстонского автобуса выдавливают культурно, за то, что он спросил не на автобусном языке, а на том, на котором ещё вчера говорили все в автобусе, а сегодня другой язык слышится отовсюду и даже из туалета.

Вот тебе и Союз нерушимый, - горюет Стёпа, - Рушится, как айсберг в океане, попав в тёплое течение. Когда происходит подобное разочарование, какая работа на ум пойдёт? Поэтому в курилке сидят рабочие и разговоры говорят. Никто не выражает сочувствия глубокого, а наоборот — галдят с утра до конца смены, а кто и задержится на час другой, если мнений много и спор затягивает, как омут.

— Пусть за нефть платят валютой, - предлагает дядя Коля.

— За все заводы, что в экологию дым пускают, за электро — золотом, - поддерживает Балалайкин, бывший термист.

— Но дело не в этом, - встаёт Банкин. — Так все сёстры скоро чужими станут, а кто на город-

ском базаре станет апельсинами торговать? Кто ранней весной десятидолларовую черешню нам привезёт? Что кооперативы? Наши кооперативы танками стараются торговать. Зачем им какие-то персики и бананы?

— Что будет? — всплеснул руками бракёр Валерий Апперкот. — Неужели, все магазины станут мясом торговать, а из колбасных палок сделают оградки. На сосисках станут воздушных змеев пускать в небо. Вот неразбериха будет.

— Почему? — спросил дядя Коля.

— Потому. Никого больше не станем прикармливать. Продуктов будет море, что некуда станет девать.

— Пивопроводы станут в каждую квартиру проводить.

— Откроешь кран, нацедишь кружку и без удовольствия выпьешь. Вспомнишь тогда, как в очередях давился, как рукава и пуговицы отлетали, как пил разведённое, но взятое с боем, пиво и причмокивал. Вот какая будет жизнь.

Не мог себе представить новой жизни Степан Савич. Он знал, что скоро всё будет, но не станет постоянной зарплатой, не будет и самой работы, так как завод с устаревшей технологией и старым оборудованием, закроют и увезут на тачках в утиль новые владельцы. Чтобы не расстраивать до конца свою расшатанную собственным мнением, нервную систему, перестал читать газеты, продал на барахолке телевизор и радиолу. По две нормы стал делать, ну, как обычно, делал. В курилку дорогу забыл. Плюнул на своё мнение. За весь цех продукцию даёт. Мужики не узнают его и рук не подают, считая плохим человеком, который от само-

го гегемона-пролетариата отсоединился. Степану — до фонаря эти косые взгляды. Пашет себе и пашет. Зато в соседнем цеху — запарка. То, что Банкин произвёл, нужно куда-то девать, а куда? В том цеху забыли. Полгода решают переходить им на арендный подряд или выкупить цех по цене утиля. Начальника себе нового избрали, который раньше заведовал молоканкой в деревне. Не соображает ни уха и не рыла в заводских проблемах, но у него собственное мнение, что нужно переформировку сделать и приниматься выпекать шанежки с творогом. Так как на них-то спрос остался...

Банкин свои изделия упаковывает и на склад готовой продукции отправляет на электрокаре. Смежники впервые стали выражать в телеграммах благодарности и поздравления. Рекламаций нет. Из министерства премии шлют, передовой опыт собираются изучать. Банкин работает. Ему никто не мешает. У него собственное мнение на этот счёт.

1990.

ОТОВАРИВАНИЕ

— Почему на работе не был? Не тайна. Отоварился. Дефицитом. И не только дефицитом. Досками получил. Не испугался. Где я был? Помню где был. Как обычно утром... Не хотел полку делать. Ксюша настояла. Упросила. Говорит, что уже некуда дефицит девать. Порошок стиральный насобачился в молочные фляги затаривать. Они герметичны. Запираются и не так очень химией пахнет. Сначала спать не мог, так как чесался. Дети не чесались, а весь чесался, особенно уши и нос.

Ксюша не чесалась, а у меня всё тело, как будто в бане не было три месяца. Они тоже долго привыкали. У мальчиков пятна по лицам ходили. Их в школу пускали. Врач сначала за голову взялась ребёнка, а потом ничего. У всех пятна по лицам, а у директора — не голова, а глобус. Прямо на себе географию показывал, пока в глаз указкой не ширнул. У жены на локтях бородавки были, но потом отвалились, но экзема на животе полезла. С химией шутки плохи. Нужно из лоджии... Опять не сплю. Боюсь, рухнет мой склад на соседский. Потом разбирайся — где чьё. Пойду, фляги помечу, и ящики переставлю к стене...

Не смешно. Хоть до тебя доведись. Хоть до вас, Анна Петровна. Вот если бы с вами такое. Вы бы смеялись? Вот и я не смеюсь. Это у меня так губы свело. Чего рассказывать. Нечего говорить. стыдно сообщать. Как обычно, читаю свежую прессу. ...Больше негде. Где читать? Там в зале жена гладит бельё. В кухне дочь музыкой на кастрюлях занимается. У неё выступление сольное на барабанах в школе. Сын в коридоре велосипед чинит свой. К бабушке собирается за помидорной рассадой. Вдруг треск над головой, а потом по чердаку хряп. Доска наша - и сосновая вся. Мыло не из пуха, хотя и заграничное, но бьёт пребольно. Один знакомый, собрался из мыла гараж строить, дескать, мылится плохо, с трудом. Вода жёсткая. Не боится сырости оно. Сто лет гараж будет стоять. Кто-то сказал, что там они этим мыльцем собак моют. Никто не видел. А вы читали? Правда, значит. Мало ли что напишут — всему верить, так и спать перестанешь на нервной почве. Какая разница, кого они там моют, а кто не помытый живёт.

В зеркало выставился, а на меня мурло с одним глазом глядит. Нос, как у папы Карлы, — сизый и распухший, как банан. Понял, что доска рикошетом лицо испортила, ударившись о сливной бачок. Ксюша говорит:

— Не ходи; на работе всёравно не признают, а узнают, так замучают расспросами.

— Что ты расскажешь? читал, свежую газету. Она, прошлогодняя. Вот смеху.

— Папа,- вскричал сын, увидев разрушения. — Папа у вас не лицо, а мордодром, на котором произошло крушение мылолётов.

Что сказать — прав ребёнок. Тогда мы решили, что больше талоны не станем отоваривать, а будем дарить на дни рождения родным. На новоселье дарить. Они не именные. Говорят, что ловкие граждане покупают талоны и отовариваются несколько раз. На талонах нет ни корешков, которые могли бы отрывать, никто их не погашает. Писали в газете, что один пионер, собирая макулатуру, обнаружил пачку талонов и подарил их родной школе. Теперь дети в столовой кушают сладкое и на первое и на второе. Можно сделать талоны именными, которые действительно по предъявлению паспорта, но это кому-то невыгодно, поэтому и не всегда хватает сахара на предъявленный талон.

Ещё в своё время великий Хаджа сказал, что, сколько ни толкай талон в чай, сладким не станет.

— Сахар — далеко не мыло, - сказала Ксюша, забинтовывая мне голову. — Талонов на мыло хватает, а на сахар... Талонов хватает, а сахар, распределённый на него, куда-то уплывает. Зачем нам эта Каталония? Гарантия. Но фиктивная. Пропа-

дает сахар, тает доверие к талонной системе распределения.

Перебором эти загадки и трудности. Что вы там пыхтите? 70 лет. Да за 70 лет много песку утекло. Мы же не голые. Зубы целее будут. Забота, хотя и скрытая. Что вы говорите? У них там сахару прорва. Зато у нас безработицы нет. Можно идти на все четыре стороны и везде найти любую работу. Направо пойдёшь, коня потеряешь... Куда вы уедете? Кому вы там нужны в галошах и в фуфайке? Там у них своих таких пруд пруди. Там вкалывать надо. Всем понятно, почему я не был на работе?

Собрание закончено? Зайду в магазин, вдруг сахар завезли.

1989

ЖЕРТВА ВООБРАЖЕНИЯ

Пёрышкин увидел Аглаю без грима только через год после свадьбы, но было поздно. Он женился по любви. Со зрением у него всё нормально. Стрелял из воздушки в тире без промаха. Но недосмотрел, не рассмотрел. Такая судьба.

Поразительная вещь — любовь. Она создаётся нашим воображением и химическим процессом в органах. Часто залепляет нам глаза и уши, и вот наша избранница самая лучшая в мире. Как она поёт? Вы не видели её походку? Вы напрасно прожили свои шестнадцать лет. Не вру. Вам сорок? Ничего. Пусть семьдесят. Мне тоже было шестьдесят. И восемнадцать было. Глаза и уши, обоняние и осязание. За руку держали свою ненаглядную? То-то и оно. Конечно, уважаемые читатели, но и

читательницы, вы правы — любовь — зла, обнимешь и козла. Так гласит много лет наша народная мудрость. Всё дело в воображении. И со мной подобное случалось. Не буду врать, что такой у нас один в подъезде Пёрышкин. Если широко посмотреть вокруг, то таких не мало. Эта история, которую хочу рассказать, если честно, со мной отчасти произошла, а в остальной части — с ним.

Женился Сидор по любви, как и я. Все у нас женятся и выходят замуж по этой самой любви. Если кто по расчёту обретёт семью, то их сразу видно. Почему? Им до получки всегда хватает. Эти пары не ругаются по утрам, как впрочем, и по вечерам, не ругаются и в обеденный перерыв, если встретятся в столовой.

Да, через какое-то время увидел свою самую лучшую в мире без этих штучек-вздрычек на ленточках и тесёмках, без туши и ретуши и загрузил. Не стану описывать увиденное, чтобы не травмировать ваше чувствительное воображение, ведь могут прочесть этот ужас и дети. Мужчины у нас нежные и слабовидящие, без нормального осязания и обоняния. Не все пороговно-поголовно, но большинство. Виногато пылкое воображение, просто пламенное. Вовремя не рассмотришь, не ощу-паешь где надо, а потом махнёшь рукой — ну, ладно, мол, пусть и не Венера Милосская, так у моей — все руки на месте, а что ноги колёсиком, так ерунда — такая мода. Полюбилась бы Виолетта или Ефросинья, ошибка была ещё крупней. Моя-то все буквенные звуки иногда выговаривает. Нона половину пропускает, как лишние. Логопеда приглашать — поздно и накладно, будешь маяться, занимаясь дешифровкой, чтобы понять, послала

ли в гастроном за портвейном или нужно ковры выколачивать на собачьей площадке.

Когда в конце недели у Пёрышкина выходной подходит, так ему лучше три смены отпахать. На работе знает, что делать — пилить или строгать, кран сменить или унитаз прочистить от иностранных возникновений, а может фотки делать на документы. В понедельник дверь делал в подвал. Ширина известна, длина — измерена, работай и радуйся, как стружка вьётся, как пила поёт, а дома — ничего не ясно, непонятно, что произойдёт в следующий час, а любимый голос зовёт на подвижки.

— Чего в этом телевизоре не видел? Они ничего не умеют, вот и голяком плавают синхронно. Проверни мясо, сходи за тестом в кулинарию. Буду печь вам беляши. — Он не спорил, но соревнования досмотрел, потому как шла Олимпиада не первый день. Крутить мясо поставил к аппарату сынка — пятнадцатилетнего крепыша, стесняющегося ходить в магазин за продуктами, потому что если появиться с пакетом, пацаны, а особенно Тонька, будут вопить, что он маменькин сынок.

За недосоленный фарш Пёрышкину влетело шумовкой по заднему боку, но фарш солил Женик; хорошо, что высыпал только ложку, а не всю банку. А если бы Аглая видела, как её принц вытаскивал из кастрюли с тестом распалившегося котика Мурзика, то женщину непременно хватил инфаркт или корь. Сидор знал, как нужно беречь любимую, не всегда доводил до сведения о таких мелочах, понимая, что слабый пол не только может рассердиться, но и впадёт в депрессию, которая не позволяет готовить завтрак, в меню которого может

входить манная каша, отварное яйцо и чай. Котика незаметно отмыли в ванной, завернули в полотенце и положили на батарею отопления. Как только запахло первыми пирожками, именуемые беляшами, он спрыгнул на пол и принялся тереться о ноги Пёрышкина, работавшего на сковороде. Катала тесто и начиняла Аглая. Женюрка старательно дегустировал. Вся семья в хлопотах.

Пёрышкин напёк приличную горку пирожков. Смазывая руки мазью от ожогов, захотел на воздух. Он бы мог работать в верхонках, но жена не позволила брать сковородку руками в рукавицах

— Это же антисанитария, Пёрышкин. Кто же беляши кладёт на сковороду варежками? Что скажет соседка Виктория Давыдовна, если увидит? Она всем расскажет, какой у меня муж недотёпистый. Мне это надо? Такая слава пойдёт по подъезду... Скажете, что не мужское дело стоять у огня, переворачивая беляши. Но кто если не мужчина, испечёт вкусную пахлаву для любимой? Мужчина не отвлекается на пустяки. Ему наплевать - есть ли мука на лбу или сажа на подбородке. Он обходится на кухне без зеркала и расчёски. Работает и - всё. Не плещет себе на руки жир в больших количествах.

Я и сам на первом году супружества научился заварить чай, разогреть борщ, поить дочку тёплым молоком. Жена обещала научить жарить глазунью из двух яиц. Научусь. Научусь. Мы, мужчины усидчивые. У телевизора без отдыха могу лежать десять часов, если никто не придёт в гости. Разве не смогу одолеть это кулинарное блюдо? Пёрышкин научился, а я чем хуже?

Сидор из подъезда вышел слегка пошатываясь. Посмотрел на своё окно. Из форточки тянулись вверх клубы дыма. «Проветривает, - подумал Пёрышкин, дыша полной грудью. Вдруг увидел странный предмет. Вытер слезящиеся глаза, рассмотрел, подняв. Это было произведение искусства, а не простая пуговица. Хотя где-то он видел подобное творение. «Надо же, - умилился Пёрышкин, - ещё недавно блистательные пальчики застёгивали свою одежду, ласково пропуская её в петлю. Потеряла, а теперь горюет. Подобную пуговку невозможно найти». — Он представил очаровательную незнакомку, потерявшую предмет своей первой необходимости. Он тотчас представил картину Крамского и загрустил по всем правилам. Несколько шагов в сторону от подъезда привели его в чувство. Пёрышкин начал думать, применяя дедуктивный метод. «Если пуговица лежит у подъезда, то возможно владелица, прекрасная владелица живёт на каком-то этаже. Возможно, пришла к подруге, а вдруг ушла? Хотя есть шанс увидеть эту очаровательную, если устроить засаду. Этажей было три, а не пять. Это увеличивало шанс на встречу.

Выходили и входили разные соседи, а той, которая должна была искать потерю, не появлялась. Пёрышкин внимательно рассматривал женщин, понимая, что встреча отодвигается на неопределённый срок. Было морозно, и пошёл снег большими кусками, похожими на беляши. Сидор не покидал поста наблюдения два часа. Из форточки не шёл дым. Окна квартир взялись освещаться внутренним светом.

Пёрышкин жил воображением, а воображение рисовало разные картины предстоящей встречи. До чего можно докатиться на голодный желудок. Что делать? Как увидеть красавицу, обронившую важный предмет пальто. «Напишу объявление, - решил Пёрышкин, сидя в ванне, и отогреваясь после долгого стояния у подъезда. Встреча произошла раньше, чем думал Виталий.

— Пёрышкин! — вошла в ванную Аглая внося, сияющее от счастья, лицо: - Чего ты молчал, идол? Я с ног сбилась, - показывала пуговицу жена, - весь дом перерыла, на работе все щели обследовала.

Сидор ничего не видел и не слышал. Воображение медленно лопалось, как дождевые пузыри на луже.

По комнатам ходил объевшийся Мурзик, иногда садился и принимался выгрызать присохшее к лапкам тесто. Заканчивался выходной. Что можно добавить. Незнаю. Нельзя давать волю воображению. Меньше фантазий, больше реального взгляда на жизнь. Если сказали, что на ваучер получите два автомобиля, то подумайте, где будут владельцы строить гаражи. Мест не хватит горожанам, а значит, селяне в более выгодном положении — у них свободных мест больше. Завтра я еду в деревню, чтобы строить гараж, а вы — как хотите. Можете продать свои автомашины, но я буду ждать, представляя, как поеду с дочками на озеро, как они будут радоваться, заходя в чистую воду.

ПРОЩАЙ, ДЕФИЦИТ!

Занесло меня вчера на продуктовую базу. Новый год на носу. Счастливый случай. В старое прежнее время меня б на этот склад, на пушечный залп не подпустили, а нынче — заходи, бери все, на что глаза глядят. Даже в подсобку нашего сельповского магазина могли входить лишь избранные в пыжиковых и норковых шапках. А тут база, ёклмн. Двери — настежь, как в клубе, и холодрыга такая же. Обнищавший народ в кожаных зипунах тащит дружно коробки и мешки, грузит в машинки и машинищи.

Хожу, разинув рот. Чего только нет. На цены смотрю. Голова кругами идёт. Цены под мою смешную пенсию подходят. Всё культурно разложено, и продавцы улыбаются, как будто родного увидели. Это же надо — при такой безработице и прочем развале экономики и такое изобилие. Фирменный сон. При нэпе, писали, что так было. Разволновался до последней степени. Давление, как лягушка подпрыгнула в кармане Дроздова. Набрался наглости, подошёл ближе, шёпотом спрашиваю у одной артисточки, похожей на куклу Барби:

- Можно?
- У нас всё можно, - отвечает ласково.
- А если...
- Да.
- И мне? — удивился до самого края.
- И вам, если хотите.
- Вот — это?
- Пожалуйста. Сколько? Можно и полкилограмма.

— База-то оптовая? — не понимаю ничего.

Актриска из-за «верстака» улыбается, взвешивает, упаковывает и благодарит меня за покупку. Когда меня мог поблагодарить наш продавец за маргарин, за кулёк лапши? Во сне. Ну, хоть бы свою кукольную мордашку сквасила, нагрубил. Не по себе стало. Издевается, вижу. От меня деревней несёт и силосом за километр. Я на ферме коровьи цепи сторожу. Коров, как пролетариев нет, а цепи остались.

Понял я — это она мне так хамит по-новому, вежливостью убивает. Не стерпел. Кровь ударила голову, и вскричал, как Тарас Бульба, заряжая винтовку против сына-предателя:

— Чего ты мне свои зубки фарфоровые скалишь? Я — к тебе по-человечески, а ты меня облаять не хочешь? Брезгуешь? Снегурочку из себя занюханную выкаблучиваешь! Может, с кем перепутала? Из деревни я, из колхоза, который обанкротили перестройщики!

— Не волнуйтесь, успокаивает Снегурочка ласково. — У нас часто бывают нервные покупатели. Им несвечно видеть такое обхождение. Вчера даже «неотложку» вызвали одной милой даме в халате синем. У народа нервы не стальные. Ослабли. А вас, дедушка, незнаю. У нас такая форма обслуживания. Отпускаем всем, кто сколько захочет.

Ничего не понял, а обида взяла. Прямо хватает зубами за валенки, как дворняга. Где радость, что был на базе. Что скажу? Урвал, выпросил, как жену порадую дефицитной покупкой? Как внукам в глаза посмотрю? Кум что скажет, когда его за стол усажу. Он удивится? Нет. Позавидует? Нет. Сам поедет, сам купит. Мыслимо ли так безрадо-

стно жить? Какое было отличное настроение, когда по этой базе ходил, многочисленные продукты бесплатно нюхал. Унизили народ до последнего предела. Праздник отняли. Хотя бы за вход деньги брали, а ведь два часа, как по Эрмитажу ходил, никто ничего не сказал плохого.

При социализме настоящим человеком себя чувствовал. Из Польши привёз фломастеры детям. Вся школа приходила смотреть, успеваемость у детей поднялась. Учитель рисования домой пришёл, умолял, чтобы продали ему эти диковинные цветные палочки. Сегодня этими фломастерами все малыши в детских садах на обоях рисуют. Не стало дефицита, товарищи дорогие, как жить будем? Икра красная и чёрная — ешь хоть ложкой, хоть совком. Балык осетровый на прилавках, как простая селедка, который месяц скучает. Шапки пыжиковые валяются почти на каждом базаре по сотни штук. Моль отворачивается уже от натуральных шуб, требует, чтобы ей синтетику подавали. Она к ней привычна. Вот так и попробуй, поживи в своё удовольствие, когда дефицит вышел из подполья и даже в продуктовых магазинах можно купить любые ковры без очереди и без записки от Семёна Самсоновича.

В дефиците стала работа, которой было море, была она не волк и любила нас, но убежала в лес, прихватив с собой и оплату за грушеоколачивание. Как сказал сатирик, пусть всё будет, но чтобы чего-то не хватало. Не хватает самой малости - лишних денег, чтобы купить то, чего не было видно на прилавках, но теперь иди и смотри, даже можешь досыта нанюхаться и бесплатно.

А ЧТО СЛУЧИЛОСЬ

Вы помните печальную историю? Произошла она не в очень отдалённые века, а можно сказать, недавно. Поэтому и её подробности на памяти многих граждан. Суть такова: «У попа была собака. Он её любил. Она съела кусок мяса. Он её убил...», Дальше вы всё помните? Случай прискорбный. О жестокости служителя культа много писали в разных изданиях. Даже создали популярную рок-оперу на либретто неизвестного, но талантливого автора.

Не мене трагична судьба другого зверька. То же нашумевшая история. «...Вот охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет». Что творилось в мире? Гибли беззащитные звери. На этих примерах мы вполне можем воспитывать подрастающее поколение. Мы должны заботу проявлять о братьях меньших наших в полную силу. Но не хвататься за дубину, как голодные неандертальские парни.

А если ваша любимая собака очень захотела что-нибудь покушать? Но не лишать, же её жизни из-за куска телятины или свиного окорока. Товарищи, при внимательном прочтении трагедии вдруг замечаем некую натяжку и авторскую вольность в документе. Убить любимое животное — из-за чего? Служитель культа, проповедовавший милосердие, вдруг становится жестоким тираном. Садистом, можно сказать. А заповеди? Он разве мог их забыть? Не мог. Вот в чем непонятность и странность. Мы же читали и не забыли, что чёрным по белому начертано: «Он её любил». Достаточно этого факта, чтобы сделать глубочайший вывод, что батюшка, с позволения сказать, отец

святой не убивал животное. И пусть оно скушало всё мясо из трёхкамерного холодильника и холодильного шкафа, и даже выволокла мосол на улицу во время Великого поста. Нет и нет. Этого преступления не совершал благородный церковный служитель.

Граждане читатели, вы помните пророческие слова Понтия Егорьевского, дошедшие до нас на глиняных таблицах? Он сказал: «Вот, где собака зарыта». Эти ключевые слова помогут нам доказать ошибку и заступиться за товарища попа, который невинно пострадал от навета и доноса. Мы сможем найти преступника, убившего Тузика — славного и ласкового из породы дворняг, которые всё ещё отличаются добрым нравом и верностью. Конечно, его обожал отец Власий. Просто души своей в нем не чаял. Не стал бы он писать на деревянном предмете о своём неслыханном преступлении. А если бы и совершил, то написал: «У меня была собака...». И подпись свою поставил.

Товарищи и граждане, с уверенностью могу вам сказать сегодня, что в жестоком убийстве замешен кто-то иной — жестокосердный и алчный, тёмный элемент и расчётливый изувер. Давайте подумаем вместе. Где Тузик мог умыкнуть кусок мяса? Этот вопрос волновал многие года самые глубокие умы нашей и прошедшей современности. Поповский холодильник «ЗИЛ» второй год был сдан в ремонтную мастерскую. Холодильник «Стинол», заполненный колбасами — подарками прихожан, стоял довольно высоко, на специальном постаменте. Тузику добраться до дверей архи-невозможно и сугубо трудно. Речь идёт о мясе напрямую. Вполне возможно, никакого мяса не было

у батюшки, а человек, который захотел его обогатить, подорвав авторитет отца Власия, приврал форменным и натуральным образом. Вполне вероятно, что Тузик, неведомо как попавший в кухню, слямзил кусок севрюжатины. Если верить статистики, которая знает всё, и упрямо утверждает, что к тому эпохальному времени основные запасы севрюги в торговой сети Лупоглазово окончательно съедены. Если что и придерживалось в холодильных камерах, то только для особых персон и непредвиденных событий, которые вполне могут произойти, как происходят весна и зима в том регионе. Могли придержать эту рыбку для сановной персоны, у которой от хека колики открываются в разных внутренних органах и даже в суставах начинается ломота. Вероятно, от избытка фосфора. Получается, что ни мяса, ни рыбы Тузику не пришлось вкусить. За что же он пострадал, лишившись короткой жизни. Конечно, с мёртвыми тузиками хлопот немного. Не нуждаются в ошейниках. Им не нужны конуры. И совсем не требуют себе цепей, как пролетариат, который их постоянно теряет. Мёртвые Тузики не лают и не воют при ясной луне, когда служитель позднеенько возвращается со своего места работы.

И всё же мясо! Интуиция, а точнее сказать, дедукция позволяют сказать, что батюшка обнаружил недостачу мяса. Как обычно, учинил спрос с матушки. С кого же ещё? Не себя же допрашивать.

— Где полтуши бычатины, Ольга? Экономить разучилась? Мы могли бы этим мясом питаться до самого Морковкиного заговенья.

Ольга страшно взволновалась и творчески задумалась. Кто мог стрескать столько прекрасной бычатины из Аргентины или Англии. Сама-то по-песса вегетарианка. Об этом говорят её письма в газету «Светлый глас». За беспорочную жизнь попадьица Ольга откушала на празднике по случаю реставрации большого колокола 23, 8 грамма краковской колбасы. Она ошиблась. Думала, что эта колбаска состоит из сои, а оказалось, что кто-то нечаянно бухнул в бак кило мяса. После этого казуса ей сделали дважды переливание желудка и промывание внутренних кишок.

О строгом дознании услышала краем своего уха кухарка. Именно очаровательная девица с двумя высшими кулинарными образованиями и рассказала пономарю, имевшего дело с верёвками. Медлить нельзя. Этот зверь лишил Тузика радостной жизни, скрывая следы наглого преступления. Кухарка, тем временем, несмотря на два свои высшие образования, собрав кости на городской свалке, бросает их под крыльцо поповского дома, где у Тузика была спальня.

Вот и получается, что бедная собачушка украла и стрескала такое огромное количество мяса. Настоящие преступники, крадущие мясо и иные продукты питания, остаются безнаказанными. Они умело подтасовывают факты, убеждают попов и других граждан о преступности собачьего рода. Убеждают и нас в жестокости служителей культа. Так было, так есть и так будет в этом мире, пока живы пономари и кухарки.

Вы спросите насчёт морали. Я — не знаю. Придумайте сами. Если вы решите, что нынешние звонари не воруют ни у кого продукты или что

иное, не вводят в заблуждение нас, описывая на дощечках злодеяния честных граждан, вполне так может быть. И возможно, дети бывших звонарей уже выучились и выдвинулись, и звонить на колокольни посылают других.

ПОПУТЧИКИ

Абраменко ехал из дома, а Адаменко был в командировке, возвращался домой. Встретились и познакомились. Обрадовались, разговорились. Почём колбаса, есть ли напряжение со стиральным порошком, завозят ли зубные щетки из Саудовской Аравии? Дед Адаменко приехал в Сибирь и остался, так как понравилось ему на Алтае землю пахать.

Абраменко звали Миколой. Адаменко — Николаем.

— Чего вы там бузите у себя, земляк? — спросил у сибиряка Абраменко.

— Мы дак не бузим. Постукали шахтёры касками на мосту и до куреней.

— На рельсах чего сидели? Мода такая у вас? Президент завещал на рельсах спать в тупике?

— Мы сидели не в тупике, - сказал Николай, почёсывая толстенную шею. — Работать надо, землю пахать, а запасных частей нет. Я — не шахтёр. А ты из профсоюза?

— У нас нехватка колбасы из-за ваших москалей. Всё сало скупили на рынках ваши.

— У нас в селе тоже проблемы, но мы не делаем скороспелых выводов. Доктора ваши и поели всю докторскую. Американское сало не нравится?

— Мы в НАТО не из-за сала вступаем. Колбаса у нас лучшая в Европе. Мы ей вам больше не дадим. И на газ менять не станем.

— И так за газ не платите, который год. Салом вашим вся Москва завалена. Можете не присылать. Шлите своим друганам ковбоям в Белый курень. Газ вам не станем перекрывать. Пользуйтесь нашей добротой.

— На чего намекаете пан Николай? Если человек не желает на своей мове балакать, так пусть едет в Шевченко или в Новосибирск. Мы не держим и попов ваших. ...Што Крым? Подарил Никита Сергеевич. Он и ваши города Уральск, Оренбург, Зырянск, Лениногорск, Павлодар, Усть-Каменогорск подарил казахам. А за Байконур с вас аренду трясут. Вы требуйте аренду за все алтайские и другие города

— Кушайте, Микола грибы, вот мёд свежий. Чистый.

— Уверены? Я читал, что у вас сделали помойку...

— Какую? — удивился Николай Адаменко.

— Радиоактивных отходов. Знать бы надо. Молчите себе и молчите, а помойки делают. Поэтому и дети у вас в Горняке рождаются жёлтыми. Грязный мёд и грибы надо проверить...

— Шо? — удивился Николай и в нём проснулись прадед вместе с дедом, - Як вы так можете гурторить, пан Микола? У нас Чернобыли тыщу лет как не бывало. А дети рождаются нормальными. Это потом они от мутной воды желтеют. Их, скажу по секрету, в пиве закаливают. А у вас жеребёнки с шестью ножками скачут.

— То селекция называется, чтоб окороков було поболе.

— Вы мне мозги не пудрите. Дети наши вам не нравятся. Ковбасы не дадут, а мы бесплатного газу теперь не дадим. Из принципа. Соседям белорусам сольём весь. ...То присоединяются, то отсоединяются. Не будет второй Переяславской рады. Помните меня. Триста рокив вместе лямку тянули, воевали, ГЭСы строили, а теперь раздружились. Помойка. Нам за неё компьютерами, платят и жвачкой. А вам чем заплатили за отключку нашего газа до Европы? Не знаете. Ваши паны не думают о ваших чубах. Вот и трещат они. - В купе стояла вагонная тишина. «Отделились, в НАТО вступят, - думал Николай. — Может быть, тогда и у нас будут отличные дороги, тогда и бензин подешевеет. Яблоки у нас есть, виноград для вина есть, картошку будем оберегать от жуков засланных. Склады построим хорошие, чтобы ничего не гнило. Ни за нас, ни за вас никто не станет работать».

Поезд шёл уверенно, разрывая ночь светом и мокрыми от дождя вагонами. За поездом струились стальные рельсы. Они были так параллельны, что не пересекались ни за какие коврижки. В вагоне за одним столом сидели два человека и грустно думали о тех событиях, что ожидают их впереди.

— Давайте, пан Микола, выпьем за нашего Гоголя. Хороший был человек и чудесный певец земли нашей, — предложил один попутчик, наливая другому в его командировочный стакан водку.

— Я — не возражаю, товарищ Николай. - Улыбнулся Абраменко. — За пана Гоголя грех не выпить.

РЫБОК ЖАЛКО.

— Скажите мне — это жилконтора? Как зачем? Хочу узнать, когда в квартире наступит сносная для жизни климатическая погода. Я — не любопытный. Я — замерзающий. Что? Плохо слышно ответ ваш. В апреле. Сам знаю. Плачу за отопление круглый год. Каждый месяц. Такая привычка осталась ещё с застойного периода оплачивать ваши услуги, стоимость который поднимается каждую неделю, а в квартире холодрыга. Знаю и что на улице всё ещё зима. Трубы отопления холодней, чем летом. А должны быть тёплыми. Кто мне это сказал, кто так нагло наврал? Все говорят. ...Мазут плохой привезли. Уголь как пыль из Сахары. Форсунки забиваются. Колосники не того размера. Ставьте нужного размера. Покупайте уголь хороший по размерам форсунок. Я не знаю где нужно искать хороший уголь. Это ваше дело. Моё дело жить в тепле и платить за надлежащую услугу. У меня даже цветы замёрзли. Аквариум льдом покрылся. Это убытки и дискомфорт дичайший. Предлагаете судиться с вашей отопительной конторой. Вы два раза закрывались, а таблетки от простуды вместо каши ем. У нас с котом грипп хронический. ...У вас получку задерживают каждый день. У меня пенсия микроскопичная. Вы говорите, что все страдают. Даже любимые олигархи. Вот не стану вам платить за это безобразие ваше. В договоре у вас не сказано, что будет тепло в январе и марте. Не сказано и что вода будет подаваться питьевая, а не мутножелтая, как яблочный сок. ...Подписал. Читал вроде. Читал. У вас другой

договор. А у меня - старый. По старому живу. Кто за меня расписался? Сосед. У него своё отопление — дровяное. Жаловаться на вас некому? А как жить? Зачем вы так мерзко работаете? Почему в трубы не заливаете горячую воду? Не спросили. У кого? У меня? ...Вот и поговорили. Отзывчивые люди. Их пожалеть надо. При такой зарплате они ходят на свою холодную работу. Дожить бы до весны и отогреться. Рыбок жалко. Не привыкли к подлёдной жизни. Внук приедет, расстроится.

ПОЛЕЗНОЕ

— Здравствуйте, девушка. И вы все здравствуйте. Чо я вышел? Не забыть бы. А. Вспомнил. Вот. Вот. Вот. Ага. Газет давно не читал, словно в бане не был. Начал обходиться без них, без СМИ. Так называют прессу. Газету, значит. Говорят, что в газетах пишут, будто бы телевидение наш народ на полную катушку развращает. Чо нас развращать? Мы же телек не так давно называли женской баней. Как вы думаете, девушка, развращает? Спины голые. ...Рекламой задолбали вас? Тампаксы и сникерсы. Какой тут разврат. Реклама. Привыкнем. Даже будем обижаться, если фильмом будут прерывать рекламу печенья. Как меня развратят, если телек на ремонте три года. У соседа смотрю рекламу. Мы с кумом с мальства полюбили телевизор смотреть. Кого он развращает этот ящик. Кто это придумал, что нас ящиком можно развратить. На нём даже неудобно в карты играть. Тогда можно развращать пизанской башней или Останкинской. Это происки, девушка. Чтоб мы с кумом не включали телек. Чтобы написал Пушкин Алек-

сандр Сергеевич, если б телек глядел? Думаю, что Гаврилади не написал. Не смотрел телевизор он, но всё ж написал сказочку о семи богатырях и какой-то царевне. Вы читали, девушка? Я тоже не читал.

Вспомнил о трёх подружках, что поздно вечером сидели на завалинке и что-то делали. Хвастались. Одна, что окончила кулинарное училище, хотела бы устроиться на работу. На весь мир пьянку обещала организовать — наготовить закуски, нагнать самогонки, чтоб не отравились палёной водкой. Такая девушка сидела под окном с подругами. Трудолюбивая. ...Как вы, девушка. Одна вторая подружка тоже без работы. Она окончила училище кройки и шитья. На работу не брали, так как не имела стажа работы. У вас тоже такая проблема. Вы окончили курсы парикмахеров и ногтизавивки. Не берут на работу, так как стажа нет. ...Так эта девчушка расхвасталась, что по современным требованиям экологии нашла всем девушкам купальники. Так и говорит, что на все вкусы.

Третья девушка молчала. Вы девушка, вспомнили? ...Губа не дура. Да и царь, что подслушивал и подглядывал, не очень был старенький. Варить и гладить — тут надо пахать, а не семечки щелкать, как у нас в этом зале бывает. Пахать — пыли много летит. Особенно, когда на сеялке стоишь. Вы стояли на сеялке? Тогда нечего телевизор смотреть. Мы раньше с кумом смотрели телевизор. Ухи развесим, как портянки по заплоту, и смотрим и верим. Зарплату повысят. Верим. На каждый ваучер дадут по две «Волги». Верим. Это же надо так любить Пушкина и весь народ, чтобы выдавать зарплату раз в год. И не деньгами, а чем придётся. На

резиновом заводе дают галошами, на ламповом — лампочками. Вы видели, девушка, мини-юбку из галош? А из ложек?

Мы с кумом смотрим всегда одну передачу. Забыл название. Парень, который шибко песни любит петь, допёр, что нужно российскому телезрителю. Мне всегда хорошо, когда куму хорошо. У вас так бывает, девушка? ...Он не депутат. Не Чубайс, не Лебедь и даже не Гайдар. Подскажу опять. Он разные свои песни с большой силой и желанием пел. Нынче тоже поёт, но уже спокойно. Мы ему благодарны. Когда кругом облом и обвес, и прочие оскалы недоразвитого капитализма. ...Не верите, что галошами зарплату дают? На монетном дворе — бракованными долларами. Портрет не тот или ноль лишний — так на зарплату отсылают печатникам. А у вас, чем давали в том месяце, девушка? ...У нас силосом давали, старой мукой. Брату (он в Рубцовске на каком-то заводе работает) дали батарейку. Когда зимой свет отрубали, а у нас отрубали, каждый день. В городе отрубали свет? По ошибке. Думали, что деревня, а не город. ...О чем это я хотел сказать? Спасибо девушка. Правильно. Этот мой брательник, когда свет отключили в обед, присоединил ту самую батарейечку, что валялась на антресоляке, к плиточке, что из двух кирпичей «сколочена». Ведёрная кастрюлька борщеца мигом закипела. Кирпичи расплавились. Пол прогорел. Плитка с кастрюлькой в подвал упала. Брат на четвёртом этаже жил. Тогда. Ничего особо не загорелось. ...Турнула его Нюра с этой батарейкой. Брат на заводе работал, что-то вытачивал на станках разных. Он эту батарейку в автомобиль свой втолкнул, девушка. Всеравно

двигатель пропал от перегрева в цилиндрах. Теперь не заправляется уже второй год. А вы говорите, что не умеем бытовые приборы выпускать. Конечно, рекламируют импортные стиралки, холодильники, и прочую муру, которая нам не нужна. У нас электро бывает ненормальным. То много его гонят, то мало. Холодильник, хоть отечественный, привыкший к таким перепадам, да и тот частенько подсигивает моторчиком, чтобы обороты набрать, а зарубежная техника долго не проработает. Не свычна к таким перебоям.

СЕКРЕТ ЖИЗНЕЛЮБИЯ

Грусть и печаль делают человека человеком. Только грустные люди умеют понимать юмор и по-настоящему ценить жизнь. Веселому гражданину или гражданке на всё наплевать с пригона. Он беззаботен и улыбчив на сто процентов. Грустный он всегда скорбит о несовершенстве мира. Кое-кто пытается его переделать на свой манер. Печаль- движет прогрессом.

Валентина Валентиновна Валентинова последнее время очень была грустна. Грустила по любому поводу и без повода. Увидит неожиданно в магазине что-нибудь очень нужное, посмотрит на ценники и тут же, не отходя от прилавка, загрустит, загрустит, а потом и опечалится. Послушает радио о приватизации заводов и пароходов, поймёт, что приватизированную квартиру теперь придётся самостоятельно ремонтировать. Тут мигом грустит во все лопатки женщина.

Не очень давно труба в ванной у Валентиновых начала брызгаться. Что делать? Нужно искать

кислород, нужно добыть карбид, нужно выцарапать сварщика, который перестал деньги брать за свой напряжённый труд, а нажимает на другую оплату — конвертируемую или натуральную в виде мяска или колбаски долгокопчёной в Кракове городе. Услыхала грустная женщина, что цены вновь будут спускать с цепи или с горы. Объяснили по радио, что это мера нужная, чтобы полки ломились от товаров и продуктов, которые должны выйти из подполья. И всё это будет для счастья человека, во имя его же блага, хотя и грустного.

Жутко грустила эта женщина в современной ситуации перестроечной жизни. Дети стали больше получать воспитательных подзатыльников. Они оказались всегда под рукой, так как каникулы начали на месяц раньше, а закончиться должны где-то в конце весны. Слонялись дети по дому, не зная, чем можно заняться в таких условиях. Муж — тот вообще боялся домой часто приходить. Раз в квартал забежит, получку занесёт и опять исчезает, чтобы порушенное заводское хозяйство в утиль сдавать.

Подруги этой женщины тоже не особенно часто ликовали. Они забыли, когда улыбались себе в зеркале. Хотя по радио и в телевизоре смешное часто давали. Петросяну разрешили смешить народонаселение по всем телеканалам днём и ночью, не взирая на лица... Карикатурки, анекдоты, смешные случаи из жизни великих музыкантов, писателей их, честно сказать, не трогали никаким боком. Какой смех, если с осени человек работает свою работу, не снимая пальто и валенок. Предприятие давно сделали банкротом, а люди ходят,

как собаки у Павлова, по привычке на рабочие места. Смех — ненормальный.

Но вчера Валентинова пришла на работу не совсем в себе. Какая-то не такая. Не сказать, что весёловатая, но и грустящей не назвать. Коллеги заволновались. Хотели «скорую неотложную помощь» позвать. Раздумали. Что ж такое с Валюшкой приключилось? Раньше она, кутаясь в шаль, напевала про мороз и просила его с грустью не морозить её. В тот день выглядела особо привлекательно. Даже брови накрасила чёрным карандашом, а не оранжевым. А может быть, сходила к экстрасенсу или водички попила от Чумака. Молодо выглядит. Очень. Кому не хочется выглядеть обаятельной и привлекательной, пусть даже за окном перестроечные катаклизмы и рыночные отношения; ты мне — я тебе. Ты мне дашь понюхать духи, а тебе дам свистнуть в глиняный свисток. И стали наседали на женщину с вопросами личного характера — скажи и скажи, что стряслось у тебя, Валька, почему ты такая посвежевшая, куда делась твоя вечная озабоченность и рецидивная грусть. Пристали, словно последнюю сотню просят на венок. Золоторукова вызвала Валюшу в коридор и предложила меняться. Пообещала секрет перестроечного пирога отдать.

— Отвяжись, подруга. Дай всласть поработать, Уж как хорошо нынче пишется отчёт, — улыбнулась Валентинова. — Ничего не случилось, милые. Работаю. Что нам бабам остаётся? Не в Париже прописаны и зарегистрированы не с парижанами.

Тут отдел в коридор высыпал. Всем интересно узнать тайну великую и страшную, вероятно. Допекли женщину расспросами. Сдалась.

— Счастье у нас у всех есть. Только вы не знаете, как его сцапать и удержать. А я узнала.

— Не томи, голубушка, говори бегом.

Женщины перестали дышать. Клубы пара, скрывающие лица, иссякли. Даже мыши под холодным полом притихли, ожидая погрома.

— Расскажу вам, что со мной случилось вчера утром. Я с того самого утра стала счастливой. Самой счастливой на Земле.

— Кто ж тебя осчастливил, Валя? Удачно, значит...

— Не подумала, что и вам это пригодится. Мой секрет жизнелюбия можете всем рассказать...

Женщины похватали карандаши и блокноты. Приготовились писать, сдвинув с голов шали и платки. Тишина нависла нехорошая, как перед сокращением всех штатов заводоуправления.

— Включила телевизор вчера утром. Мои любят путешествовать. Клуб путешественников. Валенки стала я прятать давно. изнашиваются. Смотрю, а слёзы у меня в три ручья, девки. Реву, как корова на зоре. Так мне их стало жалко. Вот горе-то где, думаю...

— В чём дело. Говори толком. Что там стряслось. Тоже реветь начнём...

-- И кушают они один чай,- сказала Валя. — На прогорклом масле и муку жареную добавляют ячменную. Вот тебе и вся еда. Ничего у них нет.

— И талонов нет?

— Ничего. Живут в пустыне. Я говорила, что реветь будете, подруги.

— Как же так?

— Вот так. У нас капуста есть? Огурцы есть. Мука бывает. Лето, не разгибаясь на дачках «от-

дыхали». У нас земли кусочек, а у этих — песок. Ничего не растёт.

— Скоро лето придёт, девчонки. Морковки на-сеем, капуста насадим... Только бы не сократили.

— А если и сократят, не падайте духом, женщины. Не бывает, худа без добра. Нечего унывать. Не такие уж мы нищие. Тем бабам ещё хуже, а они тоже не унывают. Прыгают на одном месте — кто выше подскочит, той второго мужа дадут из резерва.

Некоторые женщины попытались устремиться головами вверх.

РЕКЛАМАЦИЯ

Матвейка Ифанов недавно выпил бутылку водки и того — загрузил всем организмом. У него с детства привычка была после баньки немного дерябать. Обычай такой. Деда дерябали. У кого, что есть жидкого. У Матвейки была с женой бутылка. Рая ещё в понедельник купила в заезжей автолавке. Положила в комод, чтобы не мешала в холодильнике. Они сели за стол в летней кухне, как обычно Рая огурцов с помидорами намесила и маслом растительным подсмашнила.

Она рюмку выпила с кумой, которая приходила побаниться. Потихоньку Матвейка разлил водку и выпивал с пельменями и простоквашей. Выпьет и запивает, а потом пельмень жуёт. Кума сразу ушла. Как выпила полстакана и ушла. Даже грибов не стала пробовать. Рая мастерица редкая грибы готовить на стол. Матвейка вышел покурить на крыльцо. Корову Пётр Матвеевич пригнал и натаскал воды в кадку. Это всё помнит Ифанов. Но

дело не в этом, а в том, что голова у Матвейки после ужина загудела. Гудит, как трансформатор, что у фермы поставили. Матвейка на тракторе работает, но ничего не может понять. Гудит, аж в двух шагах слышно. Петух послушал и позвал куриц срочно спать укладываться. И Матвей следом отправился, так как тонус у него схилился и вообще состояние после выпивания стало очень скверным, если не сказать, что мерзким стало состояние души и тела. Такое мерзкое, будто ему керосину дали выпить.

С трудом смотрит Матвей телек, а сам мается и потихоньку думает, отчего в башке такой тарарам и общий тонус покорёжился. На экране показывали, как в одной зарубежной стране развилась наркотическая мафия. Уж так стала она хорошо процветать, что лучше некуда — доллары мешками из-под сахара носят в банки. У этой мафии, то бишь, коллектива свои плантации, свои заводишки по выработке наркоманских средств, свои профсоюзные лидеры, инженеры, свои ударники труда, своё соревнование за качество и продуктивный труд. Всё своё. Только покупатели — чужие. А ещё и те, кто потребляет продукцию. Не разобрать, кто покупает, кто перекупает, кто разводит гипсом или мелом. Друг дружку не знают, и встречаться не хотят. Не идут на контакты. Надо сказать, что продукцию не возвращают. Значит, качество на нужном уровне.

Матвейке раньше ничего с бутылки не было такого мерзкого, а одна весёлость и петь ему хотелось под свою гитару любимую песню о стране, которая широка, а в ней полей, лесов и рек. А про клён любила Рая петь, о голубом вагоне всегда пел

Пётр Матвеевич. Нынче не то, что пить, а свет белый не мил. Обычно с ребятами Матвейка играл, на себе по комнатам катал, изображая северного оленя, привязав вешалку из рогов к своей голове. Но сегодня не до игры, а остаться бы под солнышком вместе с родичами. Вот как ему стало тяжело с одной поллитровки. Раньше такого не случалось с ним. Пить приходилось иногда по несколько праздников подряд, и ничего особенного. Голова не гудела так, хотя и потрескивала. Он лежал и думал, но в панику не впадал. Такой он парень из нашего колхоза. Много чего пережил в жизни. В очередях за ваучерами его помяли сильно, в кабинетах ругали за разбитые стёкла и порванный футбольный мячик, в приёмных его мариновали, в армии три года бегал по горам с автоматом, но такой водкой не травили. Разную водку приходилось пить: и «сучок», и «коленвал», и «андроповскую», и «русскую». и «российскую» и многие другие сорта приходилось пробовать, но чтобы цена до сотни доходила — такое никому и с похмелья не могло придти в голову.

«Нельзя это пить,- подумал Матвейка Ифанов,- Себе в убыток и здоровья полный подрыв. С подорванным здоровьем много на ферме и дома не наработаешь. Бумажки перебирать можно. А махать вилами — не получится». Решил больной Матвей написать на ЛВЗ, чтобы цену сбросили и качество наладили.

Пишет письмо Матвей, но только мысленно, как бы разговор ведёт с директором ликероводочного предприятия.

«Дорогой товарищ, цена большая, а вкус не тот, что был раньше. Я с одной не полной полу-

литры скапустился, хотя и закусывал с кумой и женой. Раньше мог песни петь и веселью отдаваться полностью и без остатка, а сегодня жизнь организма разрушилась до самого основания. Может быть, товарищ директор, вы начали выпуск вместо водки крысомора? Тогда смените наклейку и назовет, как положено, чтобы люди не ошибались, а шли домой, и ставили брагу, сберегая здоровье и финансы. Чистое разорение происходит у нас в деревне Берёзовый Лог, так как полочки хватает среднему человеку на семь дней, в остальное время разную дрянь пьём, от которой животами маемся, а кто вообще глаза закрывает напрочь. Вот и решил я, товарищ директор, подорвать вашу экономику. Всей больной душой и слабым телом решил больше не принимать ваше наркотическое зелье, которое вы почему-то называли «Русская водка». Как хотите, а я вам больше не помощник, пейте сами, если жить не хотите дальше, но смените этикетку, уберите слова «русская», чтобы в других странах и городах не думали, что русская продукция даёт урон роду человеческому. Вот я — закалённый, но и, то корёжит меня и корчит, как ржавый гвоздь под ударом кувалды. Если человек не закалённый и малопьющий хлебнёт стакан, то обязательно неделю не появится на рабочем месте. За такую стоимость и такое умопомрачение, извините, но это чистая диверсия против своего народа и отечества. Если не пить, так и не выпускать отраву. А то с одной стороны знак качества, а с другой — нет его, а лишь один знак. Где логика, товарищ, управляющий своим диверсионным заводом? Если не умеете гнать, то приезжайте к нам в деревню. Мы вам расскажем и покажем, а годится всё,

кроме резиновых сапог, из которых вы, мне кажется, свою продукцию выделяете. Моя голова бедная так гудит, а всего корчит и свивает, как верёвку. Вот такая фортификация начинается между нами...».

С той самой поры Матвейка не пьёт белое вино, а красное - в нашем сельпо не выбрасывают. Что до зарубежной мафии, то на фоне исторического процесса, наркотическая банда процветает по сию пору, хотя были проблемы и неурядицы — кто-то пытался один завод взорвать, а вот рекламаций на неважное качество продукции нет. Потребитель с удовольствием потребляет яд, и хоть бы кто недовольство проявил. Умирают, но не пишут.

КАК ЭТО БЫЛО

Что такое мода — это каждый понимает по-своему. Когда-то поручик Ржевский надел по ошибке спортивные дамские брючки. Одевался, сами понимаете, в дикой спешке. Забуксовал в брючишках. Парнишка был далеко не слаб и штанцы приличного качества попали... Заявился в полк, обтянувшись до посинения нижней части туловища. С того случая возникли на Руси стилиаги. Ну, дело не стилиагах, ни в поручиках. Пошла мода на отсоединение. Бывшие «сестрёнки» отсоединяются, но условия ставят, чтобы не забывали и снабжали углем, нефтью, сахаром, электриком и прочей мелочью, а об оплате не заикались. Типография от редакции одновременно с Украиной отвязалась. Но долго с редактора трясли половинку нашего редакционного «Запорожца». Иван Нонпарельевич Боргесов показал им фигуру: «трое

одного зажали». Так они назло голубей на чердаке окольцевали, инвентарные номера написали и в основные фонды внесли. Мы махнули на это дело руками. Пусть приватизируют этот символ свободы и мира.

Приватизация — дело тонкое. Это уже и не вооружённым глазом стало видно. Шахтёры шахты пытаются приватизировать, а наши сельскохозяйственные работники, приверженцы символа серпа, принялись землю делить, потому что делить уже нечего. Банки поделили, лопаты, которыми отдельные личности приноровились деньги грести, на пожарные щиты повесили, как образцы финансового благополучия, умелого использования огородного инструмента. Не стоит же соль из столовой носить в валенках. Полезно для здоровья, но запах от продукта идёт, если ножки не помыть дня три, потому как горячая вода отправлена в системы отопления, а вода из системы отопления сокращена, как нерентабельная для теплосетей. Зачем две системы нагревать, уголь тратить? Поэтому и закрыли один вентиль, сэкономив десяток вагонов мазута и угля. Со спиртзавода люди в своих желудках спирт прут или другие алкоголесодержащие продукты. А из редакции что унесёшь? Старую подшивку недокушенную мышами, с портретами старых, но верных вождей? Но это на любителя. Решили приватизировать свои полосы. У каждого отдела своя полосонька. Жутко завидуем Люське Колонкиной. У неё на странице телепрограмма идёт. Она даже пыталась отсоединиться от нас и самостоятельно выпускаться к читателям. В нагрузку мы решили дать ей и третью. Она испугалась, говоря, что не потянет та-

кое содержание событий жизни. Одно некрофильное творчество её в тоску вгоняет — мрут люди без особых причин. Крепится хрупкая женщина. На то она и женщина. Не в пример фотокорру, который приватизировал свою конурку-лабораторию и стал с большим доходом свадьбы фотать и нудистские митинги освещать.

Дядя Ваня Баранкин приватизировал гараж и авто. Редактор аж подпрыгнул. У него проблема с запчастями отпала, как хвост у некоторых обезьян. Милый наш бухгалтер приватизировала счёты и пустой железный ящик, именуемый в народе, сейфом. Зато шеф размахнулся. Всё пригрёб. Даже курилку. Теперь один курит, хотя и бросил накануне. А что ему делать, мы же курим на улице теперь, если талоны на курево дадут вовремя. Илюха Шушенский, что заведомо культуры уже сорок лет числился сначала вступил в ЛДПР, но его переманили к себе парни из «Нашего города». Через некоторое время перестал он писать о демократах, стал проповедовать баптизм в чистом не разведенном виде. Ходят упорные слухи, что Илья намерен вступить в КПРФ. Я и сам Программу у Ивана Григорьевича взял. Вот только где фотки взять. Очень дорого стал брать за эту услугу Стёпа Блендин. Говорит, что химикаты днём и с огнём не найти. Намекнул, что один из компонентов проявителя используют при очистки самогонки.

Вкальваем теперь до седьмого пота. Кому нравится с малюсеньким рейтингом красоваться на доске показателей. Туфту, как раньше, не тащим Верочке Абзацкиной. Каждый норовит сенсацию накопать, да чтоб она непременно гвоздём стала номера. Приватизация- это не комар начхал

в чернилку Петра Ильича Декрета. Это дело нужное и своевременное, как соцсоревнование между городами побратимами. Дисциплинирует. Свободные места на полосе уже не сдаётся в аренду. Да только техничка — баба Нюся нам показала козью морду. Да. Никто не мог и понять...

...Приходим ранней весной на работу. У крыльца очередь. Анна Борисовна Чистоплюйкина индеферентно заявляет:

— Кто хочет на работу, господа, покупайте абонемент на месяц. Ну, или гоните по доллару с ноги. Я- крыльцо приватизировала. Вот мои документы, вот лицензия, вот налоговая печать...

Денег лишних нет. Я — на тополь. Фигушки. Не пятнадцать лет. Животишко перевешивает. Хорошо, что Лёха Колонкин над полосой засиделся с авторским активом. Он мне верёвку кинул, на которой Блендин плёнку сушил. Через месяц у нас фигуры стали, как у Аполлона. На сэкономленные деньги принтер купили почти новый.

Вчера меня Колонкин в планы свои посветил. Захотел он кран приватизировать, из которого иногда вода течёт холодная.

— Откуда у нас зарплата? За воду придётся платить самим. Народ в целях экономии пить перестанет. С собой будет приносить. И распивать. Зарплата в марте застряла, а на календаре февраль. Не потянем. Летом ещё есть шанс получить мелочишку, а зимой...

Сидим и думаем. Не такие горшки бились о наши головы и головы родителей. Что-нибудь придумаем. В счастливое время нам посчастливилось жить.

ВНУК ОСТАПА

У нас талантливых и одарённых людей не любили и не любят завистники. Не нужны нам эти гении.хлопотно с ними. Придумают вечный двигатель, а потом всем доказывают, что он будет пахать вечно и чуть больше. Ну, зачем у честных людей отнимают время?

У него, говорят, было открытое и очень мужественное лицо. Сейчас бы сказали, что он ну, вылитый секс символ. А тогда. Он всегда делал неслучайные движения, обладал ласковым, но крепким рукопожатием. Ростом и фигурой мог поспорить с греческими статуями, изображавших Геракла или Меркурия. Женщины смотрели ему постоянно вслед и проглатывали вздохи, крепко вдыхая всей грудью. Что ни говорите, а форма шла ему пехотного офицера. Он будто в ней родился. И она росла вместе с ним. Он бы получил майора, но не получил. Это у нас мало кого волновало. Капитан — тоже солидное звание. Молодой майор выглядит немного неестественно, а вот капитан — нормально. Он был так прост и внимателен, что с ним каждый мог поговорить на волнующие темы. И он поддерживал беседу с инженером, плотником, гинекологом и пастухом.

Не фордыбачился. Не суесловил о военной тайне, о грифе «Сов. сек.». Прямо говорил нашим парням, что будет строиться точка, что скоро придёт батальон с лопатами и вилами. Его послали приготовить быт для солдат, наладить сносные условия для срочников, которые возьмутся строить, таская бетон и роя шахты.

Капитан входил в райком с озабоченным видом. С таким грузом возложенных обязанностей каждый бы имел не только озабоченный, но даже бледный вид. Не подходили помещения для размещения батальона. А где их взять в деревне? В пионерском лагере на все катушки идут оздоровления детей. В колхозных комнатах отдыха много не разместишь солдат. Не устраивали столовые бригадные. Народу прибудет прорва, когда они успеют поесть, где станут мыть усталые солдатские руки. Секретари думали, и умело решали сложнейшие задачи. Они знали, как нужно помогать армии. Они советовали, предлагали, помогали. Они могли многое, ведь весь большой район работал под чутким руководством, нельзя сказать, что работал так себе, а работал - отлично. Помощь капитану оказывалась вовремя. Он уходил с папкой, в которой директивы, указания и разрешения. Секретари точно знали, как нужно содействовать родной защитнице в её неотложных делах, поэтому всё делали без промедления, без бюрократических проволочек и прочей волокиты.

В райисполкоме капитана встречали не менее радушно. Вопросы с размещением солдат там тоже были не пустым звуком и брались на контроль моментально, без тягомотины. Какие могут быть проблемы, если армия нуждается в помощи. Ведь она стоит на страже и охране... Находились материалы, транспорт. Отрывались от скудных сельских фондов цемент, шифер, пиломатериалы. Капитан Калугин обрисовывал обстановку, докладывал чётко и лаконично, как обеспокоенный возложенным грузом доверия. Его слушали внимательно, помечая авторучками в блокнотах, что

требуется в первую очередь, а что может и подождать, но не очень долго.

Капитан ничего и никому не обещал взамен. Бывает так, что человек, получив помощь, начинает лепетать, дескать, через год отдам, а завтра вам гарнитур устрою чешский. Он ничего и никому. А чего он мог. У него форма, папка и портупея. А ещё были на погонах пятиконечные звёзды. У него даже не было ординарца — верного помощника. Он не мог отдать свои сапоги, свою планшетку или свежайший подворотничок. Это была его форма, которую ему выдали.

Говорили, что капитан отказывался от пикничков по случаю сельских праздников. Бывают такие — конкурс пахарей, соревнования осеминаторов, выставки кулинарных изделий. Не был он охотником бесцельно проводить время. А его у него было очень мало. Вот-вот должны привезти роты, оборудование. Его не бросишь под открытым небом Алтая. Не накормишь солдат капустой и смородиной из колхозных садов. Он спешил. Генерал требовал точного отчёта о проделанной работе.

Я капитана не видел. Услышав однажды о его пребывании в нашем районе, стал выспрашивать ненароком руководителей о том, как и когда он появился, чем занимался. Выяснил, что ему дали автомобиль, заправляли горючим, платили зарплату водителю. Капитану выписывали крупы и специи, мясо и картофель, хлеб и овощи, без которых нельзя накормить первую роту солдат, прибывших строить секретный объект.

Прошел месяц, второй. Водитель «газона» заявлялся домой поздно, тайно вздыхал, говоря

жене, что надоели пьянки. Такой попался несознательный товарищ. Он понял, что капитан ничего не собирается строить. Никто его не контролирует. Никому не подчиняется. У Остапа Бендера были товарищи. Не всегда надёжные, не всегда верные, но были помощники, которые трудились в фирме «Рога и копыта», которые умело пилили горы, ремонтировали автомобиль. Калугину попался глупый компаньон.

Я не выяснил, на кого выпал жребий участвовать в параде. Это и неважно теперь, когда прошло пять или шесть лет, скорей всего, два года.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что овец, цемент и прочий сельский шифер продавался. Деньги мимикрировали в напитки и продукты. Часть овечек поджаривались над углями и превращались в шашлыки. На одной бригадной столовой даже пробили стену, чтобы сделать столовую просторней, чтобы голодным солдатам удобно принимать пищу. У водителя, которого выделили помогать армии, говорили, разыгралась язва чего-то. А может быть, иная хвороба подтачивала организм. Шашлыку покушает, водочки глотнёт, а вот шампанское не мог пить — изжогой маялся человек после двух стаканов. Шампанское на дух перестал принимать, а от крабов и красной икры его мучило, как во время шторма на море. Капитан и его ординарец пьют и кушают. Веселятся. В степи красиво. Жаворонки в небесах жаворонничают, перепёлки перепельничают.

Однажды шофёр по совету жены или тёщи стал говорить, что за рулём не принимает. Понял солдат запаса, что шампанское может ударить на жару не только в голову. За рулём, конечно, нель-

зя. Хотя и сидел у костра, в тени под кустиком, мешал в ведре варившихся курочек. Если шофёр-ординарец был проще, если он оказался настоящим помощником капитану Калугину. Ну, дело и не в шофёре...

Говорили, что капитан был на приёме у первого, а может быть, зашёл к управляющему Сельхозтехникой. Везде свой человек. Военный. В форме. Свежий подворотничок. Белее снега с горной вершинки. Сверкающие сапоги. Планшетка и папка. Решал очередные проблемы капитан. Заходят двое. Возможно в форме. Только эмблемы на погонах иные. И цвет соответственно другой.

— Вы ко мне? — спросил капитан обрадовано. — Жду два месяца. Телеграмму отбивал. Жаль, что не получили. Пойдемте, отчитаюсь. У меня всё запротоколировано. Все накладные и расходные документы в этой папке. Только давайте выйдем. Неудобно при гражданских товарищах наши военные проблемы решать.

Как только вышли в коридор, капитан попросил, чтобы наручники надели в машине. Дал честное офицерское слово, что не убежит. Не убежал.

Не ценят у нас деловых людей. Капитану бы вручили захудалый колхозник, чтобы показал себя, чтобы вину загладил, чтобы поднял из отсталых коллектив селян. Не дали. Он вон, какую деятельность развил на ровном месте. На пустом. Поговаривают, что Калугин внук самого Остапа Бендера. Я сомневаюсь. Но есть люди у нас в райцентре, которые о капитане приятной наружности и слышать не хотят. Поучиться у него надо обхождения с гражданами и начальствующими руководителя-

ми, как нужно добывать стройматериалы для возведения крытых токов и коровьих ферм. А то ведь бывает, приедет товарищ из колхоза, станет запасные части к комбайну спрашивать, а ему скажут, что нетути, дорогой. Он и пошёл себе во все лопатки домой. В колхозе посевная или уборочная, сроки и планы срываются напрочь, как сосульки из под крыш. ...Напрасно деловым гражданам не доверяют. Напрасно. Антон Семёнович воспитывал хлопцев-оторвижников доверием. Доверит, а сам проверяет. Он понимал толк в доверии, понимал толк в инициативных парнях. А кто не слушался, брал кочергу и воспитывал, так сказать, прививал вкус к доверию.

ОКРЫЛЕНИЕ

Пётр Баранов любил смотреть телепрограмму «Это вы можете». Когда показывают самодельные технические средства, когда выступают талантливые рукодельцы, просто теряет собственный облик, задыхается от нестерпимой радости и гордости за них и ничего, кроме телека, не видит в такие минуты. В это время его можно спокойно раздеть и даже разуть — не почувствует. Такой увлечённый. Надо честно сказать, что Пётр и сам может не хуже этих из телевизора. Нормально соображает в радиотехнике, разбирается в двигателях, даже в стиральных машинах, хотя на вид и не подумать. Обыкновенный паренёк, в меру лицо конопушками осыпано, носишко такой не презентабельный, ну, не греческий носик, что сказать. Голова у него огурцеобразная, не похожа на сократовскую. И лысины, что признак глубокого интел-

лекта и ума, не увидеть. Плечи не богатырские, не как у Геракла или борца, как его, поняли, о ком я думаю. Если внимательно посмотреть на его руки, то можно увидеть следы от паяльника, от кислоты и щёлочи, белые полосы и полоски от не осторожной работы с острыми инструментами. На ветхих брючишках и куртейке в некоторых местах дырочки прожжённые есть, но не от сигарет, не от сидения у костра, а от сварки.

Втемяшилось Баранову однажды желание, от которого нормально жить не мог. Жил, но куда не ходил с товарищами, не говорил с ними о погоде и событиях в отдельных странах, а только думал и думал своей огурцеобразной головёнкой. А потом стал рисовать. Найдёт кусок бумаги и рисует. У дочки тетрадку старую недописанную возьмёт и опять рисует. Жена махнула на него всеми руками, а Ниночка вокруг папы вьётся и картинки рассматривает любопытными серыми глазками. Девочка радуется, видя, как папа чудесно рисует самолёт, даже карандаши ему принесла свои, краски разноцветного содержания. Разговаривают, беседуют каждый день. Рассказывает Баранов дочке, как полетит его самолёт над лугом, над деревней Нижние Титки. Ниночка спрашивает, зачем этот самолётик станет летать. Папа отвечает, что самолётик называется по научному дельтапланом, а ещё правильней сказать — мотодельталётом. Он покатает девочку над лесом, над полем, где ромашки цветут, и стрекозы от восторга мечутся.

— Я тебе покатаю! — кричит Аделаида Трифоновна из летней кухни, где наметила поджарить

яишню с гренками. - Ты у меня накатаешься. Где получка, где отпускные?

Молчит Петя, говорить нечего, а что тут скажешь, что нет у него даже заваливающего полтинника на леденец дочке. А сам мечтает, как полетит в дальнюю бригаду, повезёт подшипник для сеялки. Просто в соседнее село слетает за сахаром, так как у них кончился ещё весной. Автобус ждать не стоит, и прыгать на ухабах не придётся. Завёл движок от мотопомпы и — в небо - скок. Крылья — это да! Без крыльев ты и не человек вовсе, а простое землетопчущее, млекопитающееся. А с крыльями — ты, как птица, как Икар, как... самый счастливый человек в мире.

Я вас не агитирую. Мне самому нравится этот вид летания. Для автомашины нет дороги, а ты летишь. Трактор увяз, а ты взмыл соколом и уже у тёщи во дворе запах блинов голодным носом ловишь.

Не каждому охота в небе болтаться. Один высоты панически с колыбели боится, потому что от энергичности в теле вываливался из зыбки без надёжного парашюта, а пелёнку можно назвать средством спасения, но с большой натяжкой. Другого человека в небо никакими калачами не заманить. Неважно на высоте себя чувствует по причине качки, а когда болтанка, тогда внутри начинается путч, а точно, если сказать, что мутит человека со всеми вытекающими из этого последствиями. А есть и такие землетопчущие, что ничего не боятся. Пусть к горлу подкатывает тошнота, пусть на лбу холодный пот стекает ручьём по вискам. Летят. И птицы им братья.

Пусть хоть сто раз говорят, что рождённый поползать, летать не станет, пусть думают, что в деревне живут маленькие ограниченные товарищи, которых с некоторых пор обзываю обидно и пренебрежительно — чудиками, но они ошибаются. Наш Пётр Баранов своё дело знает. Если чего захотел, то извините, подвиньтесь, добьётся положительного решения. Он даже книгу прочитал «Тень стрекозы» и восхитился героем повести Евгения Геннадьевича Гущина. Он давно переписывается с теми, кто давно окрылатился, встал на крыло. Ночами не спит в летней кухне. Сшивает ткань, добытую с большими усилиями в таком месте, что и рассказывать неудобно.

Полетел и наш Баранов. Не сразу, но полетел. Сначала очень низко. Потом повыше взлетел. Освоился с управлением. Над нашей деревней кружок сделал, помахал дочке Ниночке и всем нам. Так стало радостно за земляка, такая гордость раздула наши груди. Свой парень по небу шастает. Может, через год в космос чесанёт, если захочет почему-то. Вот он, каков Пётр Баранов. Добился своего. Хотя от жены было увечье. Она его за деньги, потраченные на строительство летающего аппарата, отдубасила мокрыми штанами по самому центру лица.

Чтобы никому не мешать, Пётр взлетает с беговой дорожки, что на стадионе асфальтировали пять лет назад. Это чтобы рёвом моторчика не пугать коров, что в стадо собирают селяне для культурного отдыха животных. Такой санаторий у них. Ночуют дома, а травку едят за деревней у пруда. Трёх соседских пацанов Баранов покатал на само-

лётке. А из желающих большая очередь выстроилась.

Однажды случилось вот что. Собрался Пётр с дочкой фотокарточки напечатать. Занавесили окошко в бане, развели, что нужно развести, чтобы карточки выдвигать в растворах. Нечаянно сринили бутылку с проявителем с полка и вздохнули горько. Без проявителя, сами знаете, ничего не проявится на фотобумаге. Закрепляться будет, но чтобы проявится, не проявится. Не в чём проявлять. Понятно, что и закреплять нечего, коли, ещё не проявилось. Огорчились Барановы фотолюбители, но не очень. Оптимисты они высшей пробы. Надежда была, что у Михалыча, колхозного художника должен быть сухой проявитель. Оказалось, что ни сухого, ни мокрого нет химиката, так как он всё истратил накануне, когда оформлял Доску почёта сельских граждан и гражданок. Помчался Баранов в школу, в кружок фотоискусства, но потому как в школе работали только группы продлённого дня, а кружки по причине каникул бездействовали, то и проявитель где-то лежал под замком, и добыть его не представлялось возможности. У других бывших и действующих фотолюбителей был самогон, брага, минеральная вода, квас и компот, а вот чего другого нужного проявляющего не находилось. Так и говорили, что есть всякий проявитель, кроме фотографического.

Решил Баранов слетать в райцентр к пареньку, что в газете фотки делает, он должен дать стакан проявителя или химикатов навесить на поллитровку. Пётр вытащил из курятника мотодельтаплан, очистил некоторые куриные излишества с крыла, налил свежего бензина и прямо с дороги,

от ворот и воткнулся в небо. Принялся его рвать на куски, лопастями и головой в лыжной шапке бодать.

Ждут его дети на пороге бани. Выключили увеличитель, фонарь красный убрали с полка, чтобы не расколоть стекло дефицитное. Отца нет. Час прошёл. Дети устали на жаре томиться, пошли в летнюю кухню чего-нибудь похлепать ложками и потыкать вилками. Что мама сготовила им для еды, то они и начали кушать. А сами прислушивались — не гудит ли папа с неба мотором.

Лишь к вечеру появился Баранов к своей семье, но без аппарата, на молоковозе. Рассказал о своём происшествии мне, сжимая все кулаки от негодования и нервности. Перед Берёзовкой, знаете, есть такое небольшое болото, поросшее редкими камышинами. Когда пролетал над этим болотом, то спавшие после встречи с природой городские охотники, приехавшие на открытие сезона за месяц раньше, проснулись. С пьяных глаз, не понимая, что это грохочет вверху, схватили стволы. Возможно, приняли самолётик за утку или за кондора, а может быть, только испугались. Были бы они совсем трезвые, то уж естественно, прощай и прости аппарат летательный. А то слегка в крылья попадали. В самые концы. Пётр им невесело так стал кричать сверху, чтобы они дурьи дети перестали бабахать по живому человеку, полетевшему за проявителем в редакцию местной газеты. Охотники стали вмиг трезветь и пугаться голоса с неба. Они ружья побросали в камыши, а сами в мох зарылись с собаками, рюкзаками, палаткой и недовыпитой водкой.

Баранов немного не долетел до райцентра. Дробинкой важный топливный шнурок пересекло пополам. Как ни пытался конструктор планировать на своём самолётике, но всё ж воздушные потоки его не поддержали, и пришлось ему садиться на лугу возле плотины, где люди корейской национальности лук и капусту для горожан успешно доводят до созревания.

Овощеводы Петю приняли хорошо, накормили арбузами и корейской редькой и предложили опрыскать сверху поля химикатами от капустной тли и луковой жужелицы. Баранов дал согласие, и его отвезли капустоведы и редькознатцы в редакцию. У ребят было много разных химикатов, которые они использовали для быстрого роста овощей, а вот для проявителей карточных у них не было ничего подходящего. Они даже показали свои запасы, перечислили названия, но компонентов для составления проявителя, уверенно говорили, никогда не привозят на поля. Потому что от метола или гидрохинона капуста не станет быстро округляться и даже арбузы не покраснеют к июлю. Они и не пробовали поливать огурцы кальцинированной содой или бромистым калием, потому что у них был отработанный годами свой проверенный метод использования химикатов.

Понял Баранов, что летать по воздуху — опасно, хотя и денежно. Решил сделать какой-нибудь колёсомобиль, чтобы можно и по дорогам ездить, где не лежат охотники с ружьями и бутылками. Сделает. Не сомневайтесь. Наморщит свой конопатый лобик, задышит глубоко носиком и начнёт рисовать. А дочь принесёт свои фломастеры и примется раскрашивать молдинги и бампе-

ры. Вот и всё. Через год поедет по лужам, по колдобинам, через сугробы. Он такой. Никто ему планы не утверждает, сметы не проверяет, он сам себе министр автостроения, генеральный конструктор, директор испытательной лаборатории, а главное — изобретатель и сборщик. Значит, ничего не унесёт в карманах, не будет гнать брак. У себя редко кто ворует. Проверено на практике. Если не верите, то попробуйте украсть у себя из холодильника кусок мыла или стиральный порошок. Не хочется. О чём я и докладываю вам.

БАБУШКИНО СЧАСТЬЕ

Федя Быханов, живший в детском и школьном возрасте в посёлке Кирпичики, а вчера уехал в Бийск — это город недалеко от Барнаула, по причине семейной, в устной форме поведал мне много случаев из своей молодой памяти. Он и сам отлично пишет, но это не его тема. Федя всё больше интересуется исторической фантастикой и стихотворения с любовью слагает лирические. Вот и подарил мне этот сюжет к самому дню рождения. За что ему спасибо.

У бабушки Зои (по известным причинам не буду указывать фамилии персонажей, так что извините) внук был. Большой внук. Взрослый. Брился мальчик самостоятельно и даже носил брюки с ремнём. Бабушка и внучок жили в разных деревнях. Не стану измерять расстояние, но остановок три или четыре будет, если ехать на троллейбусе или в трамвайном вагоне. Встречались они не часто, но и нередко. Регулярно, можно сказать. Не то, чтобы Игорёк свою бабушку обожал до глубины

души и постоянно заботился о старушке, а всё же любил приезжать на мопеде к любимому человеку. Привык с детства. К кому ему направить свой мопедик? Отец по бору ходит, деревья охраняет от пожаров, порубателей и попилителей. Мама работает в санатории в детском. И на обед нет времени. Всё отдаёт детям. Будто бы они ей роднее Игорька. Милая добрая бабушка и пирожками с грибами и угостит, сказку расскажет о мальчике Бздунчике и уставший малец скажет ласково бабке:

— Вместе лягым. — Бабульке надо бы козе травы нарвать, кур пощупать перед вечерним ночлегом, а внучок не ложится спать один. Вот и спит бабушка после обеда и после ужина. Пока мать заберёт спящего мальчика и не унесёт к себе в домовую комнату.

Внук — это всегда приятно. Им можно гордиться и с ним чувствовать себя моложе. Как славно мальчуган грядочки боронит, как удивительно аппетитно мак вытряхивает в свой и бабушкин редкозубый ротик. Кушает бабушка Зоя мак и так ей тепло становится под выгоревшей кофточкой, так ласково смотрит на ребёнка заслезившимися от счастья глазами. И забываются хворобы и прострелы, маленькая пенсия и война во Вьетнаме.

Обидят родители, требуя помыть посуду за собой, поставит ли двойку по рисованию учительница, любящая, когда дети рисуют цветы, а не танки и самолёты, огонь и взрывы. Хорошая женщина хватила горя в войну. Рассказывала детям, пригласив к себе, домой копать картошку, как прибежали в ихнее поле люди в полосатых пижамах, рвали турнепс и брюкву и старались быстро кушать, не помыв овощи. Вот какие убытки терпе-

ла семья этой доброй учительницы, которая всей своей душой ненавидела войну и некультурных людей в полосатой одежде. Накопившись досыта в огороде, дети пили чай у белокурой учительницы. Игорёк, нечаянно разбил, сронив на пол, красивый бокал. К кому пойдёт жаловаться на грубого мальчика учительница? Правильно. К бабушке Зое.

Командир взвода не приезжал к бабушке, жаловаться на внука, убежавшего в самоволку и нечаянно задержавшего грабителя девушки, пожелавшего забрать у неё все три пакета молока из сумки. Игорёк вступился. Сумкой побил ограбителя-нахала, да так, что у того вся спина и голова стали белыми от молока. К кому заявился бравый внучок в сияющих сапожках и в новеньком бушлатике с чёрными погончиками? К милой бабушке? Не к учительнице же, которая принесла осколки бабушке от бывшего антикварного бокала. Учительница сообщила, что из этого бокала пила кофе ещё её прабабушка.

— Извините, - сказала тогда бабушка Зоя, выгораживая любимого внука, - будя на ребёнка клепать, - читала на донышке, почти все буквы разбирая. - Какой тебе это Саксонский, на фик, фарфор? Обуй глаза. Тут свастика, а в это время вашей маме было тридцать годков, когда нацистская партия пришла к германскому рулю. Тут так и написано. Не читала, а идёшь жаловаться. Читать надо и родную мову не забывать.

...Пригласила бабушка соседок, быстро намешала капустки с маслицем и луком, а холодец и уха у неё были сготовлены с вечера. Покушал внучок, вышел во дворик, быстро приколотил ото-

рванную раздолбаями соседскими калитку. Поправил пилу и принялся пилить доски, чтобы соорудить небольшой такой сарайчик, чтобы в него поместить привезённый уголь, который лежал в мокрой куче за оградой. Приятно бабушке смотреть на выросшего мальчика. Подрядилась она с одним дядечкой и договор на строительство склада подписала летом. Дядечка выполнял особо важное задание — ремонтировал всё летнее время крыльцо магазинное. Игорёк заметил, что бабушкин уголь сиротливо мочится под дождиком и мокнет от собачьих притязаний на территорию.

Мама с папой прибыли к ужину. Зовут мальчика к доменному своему столу, а ему нужно начатое доколотить и уголь комкастый дотаскать.

— Пока бабушкин уголь под крышу не определю, домой не ждите, родители. - После второй бутылки внук надерзил родному родителю, дескать, папа, а что это вы молоток потеряли или шляпкой гвозди всё ещё учитесь забивать? Бабушка у нас одна, а уголь на тротуаре мешает соседям свежую почту из ящика выбирать. Папа облизнул голую вилку и стал нюхать огурчик. И захотел показать, кто за бабушкиным столом хозяин. Игорёк вышел на тёмное крыльцо, сел на бабушкину скамеечку, которую подарил ей на восьмое марта в пятом классе. Не стал с папой связываться.

Всю неделю мальчик вкалывал без разгиба. Колотил сарай. Бабушку посылал то за гвоздями, то за шарнирами к двери. Бабушке неудобно приходиться домой только с одними гвоздями, хотя и новыми. Жалко, что ли для родного внука, для такого работника. Бабушка шарниры несёт, а Игорёк полные вёдра чёрных камушков прёт в сарайку.

Выпьет внучок в обед, выйдет на крыльцо и смотрит на родные сосны, на старую школу между ржавленными деревьями и тут же руки сами провода прикручивают к патрону, к выключателю. Лампочку сделал так, чтобы дворик освещался и уголь был виден на лопате. Бежит бабушка Зоя в сельпо за новой лампочкой, так как старая, лежавшая в запасе, от старости и безделья стряхнулась. Поужинает внучок, оставит бутылку и задумается. Выбросил в сених хлам, сделал перегородку и полки под пустую тару.

— Бабаня, вот будет у тебя летняя кухня, чтобы кашку варить и пирожки печь. — Как взрадовалась старушка. Давно хотела иметь кулинарный закуток в просторных сенцах. Такая счастливая, какая просветлённая, просто замолодела баба Зоя — годков десяток сбросила с трудной жизни.

— Спасибо, милый. — Говорит растроганно, будто ей пенсию тридцатирублёвую стали платить каждую неделю.

Зимой прибежит Игорёк на лыжах, снег сбрасывает, тропинку расчистит, дров занесёт в сени, угля наберёт во все ведра, чтобы бабушке не ходить в углярку всю недельку. Весной с подружкой весёлой прикатил. Начал снег скидывать с крыш, а Нинка полы моет, песни поёт про какую-то Бесоме замученную. А потом коврики в снегу купали, а утром, похмелившись, начали обои клеить на все свободные стены. Приятно бабушке. Чего жалеть для родного мальчонки, коли он так умеет стараться. Трусцой чешет бабушка в магазин за поллитровкой, на ходу рассказывая встречным подругам, какой у неё внук обходительный и заботливый, просто ловкий кругом парень с ухвати-

стыми быстрыми руками. Вот в апреле дрова привёз и принялся колоть чурку за чуркой, аж колун раскалился, того и гляди берёзовая кора шаить начнёт.

— Отдохни, - просит бабушка, - поклади колушок в утиную лужу. - Не ровен час загорится поленница.

— Не бойтесь, бабушка, сейчас колун остынет, доколю. Зато зимой красота. Жарко берёза горит сухая.

На Вербное примчался, начал ограду менять. Новые столбики привёз. Штакетников сотни три, а может быть и побольше.

— Сыночек, ведь праздник...

— Вы же сами говорили, что в труде греха не бывает. Времени у меня мало стало. Нужно по дому помогать Нинке, ждём прибавления.- Колотит гвоздь за гвоздём. Ставит под бечёвку реечку — тюк, тюк.

Быстро шло время. Игорёк заглядывал к башке пореже, но всегда с заботой.

— Не обвалился погребок? Себе строю, вам кирпичами обложу, и свод могу сделать на потолке аркой.

— Кто же тебя всему научил? — удивлялась бабушка, вытряхивая из хозяйственной сумки крошки курам.

— В армии, бабуля, всему научат, а не хочешь, так заставят. Пригождается армейская наука. Так бы в школе учили на трудах гаражи и дома строить. — Находилась срочная работа, внук впрягался без раздумий, без болтовни. Хватал свою разноску с инструментом и по двору марширует, как на плацу. Курятник новый соорудил, тёплый, чтобы и

зимой курочки могли с козами расти и давать продукцию. Сделает работу, вытрет пот, покурит в беседке, а потом бежит в душ, который тоже сделал в свободное от безделья время. Подушится тёплой водицей, утрется свежим полотенчиком, а сам по двору глазами шарит, прикидывая, чем займётся в следующую субботу. Ждёт родную бабушку, курит всем ртом жадно. А вот и бабушка, запыхавшись, в калитку влетает с сумкой. Думает Игорь, что постарела родная, а может очереди в магазине увеличились.

— Бабушка, ты бы не ходила в магазин. Не молоденькая стоять среди пьяни разной. И талоны алкогольные можно выгодно продать.

— Да. Народу много,- обрадовано говорит женщина, польщённая заботой внука.

— Здоровье не железное у вас. Магазин далеко. Не бегала бы. Ноги не те. И пенсия у вас не велика, а она уже не три рубля. Ждать долго придется вас. Я сахарку подкину, а сварить бражку — дешевле и проще. Такой бигус.

Понимает Игорь ситуацию. Заботливый мальчик. Годы не те у бабы Зои, как ни крути, а не те. Пенсия — одно название. Медсестрой в войну работала, добровольно пошла, значит и льготы хилые. Чин говорит, что мы вас не посылали, а вы сами пошли подвиги совершать окопные. Дала по гладкой роже баба Зоя сухим, но ещё крепким кулачком и вышла из кабинета, думая над теми отличиями, какие возвели бюрократы для тех кто был мобилизован и кто ушёл добровольно Родину защищать, прибавив себе месяцы, а кто и года.

С одной стороны и прав Игорь, а с другой — получается, что будто бы он приходит поработать

и выпить. Традиция такая,- думает бабушка,- не платить же внуку деньги. Нина перестала здороваться...

— Я и лагун сочиню. Диоген, пишут, вообще в винной бочке жил, вдыхал аромат; а если историки не врут, то он и был родоначальником нынешних токсикоманов. ...С гудухой что не жить. Наливай — пей. Диоген виноград топтал. Ему талоны на сахар из папируса не нужны были.

А годы шли, подталкивая перестройку к логическому завершению. Менялись люди, менялись витрины магазинов. Забылись талоны, забылись очереди за пивом. Последние стали первыми. Игорёк не открывал фабрику сувениров, не торговал турецкими шубками, не открыл и колбасную мастерскую. Примчит к бабушке, мопедик у ограды бросит и со всех резвых ног во двор вломится, поводя мутными красновекиими глазами.

— Красота моя, как здоровье, как козы, как пенсия? Ограда, баня, погреб — в порядке? Наливай, родименькая. Где же кружка?

Не слышит, что ему бабушка говорит, пытается втолковать. Сам банку отстоявшейся браги из погреба аккуратно достанет, сядет в беседке, овитой хмелёвыми лианами, закурит. Внимательно смотрит, как банка и бабкино лицо начинают покрываться восторженными слезинами. Хватает дрожащими руками разноску. Инструмент почти растерян, стамеска затупилась, рубанок лопнул, ручка на ножовке того и гляди отвалится, а топориче рассохлось, клин выпал, лезвие всё в зазубринах. Это не бабушка рубила кости, а сам Игорёк по гвоздикам тюкал свои плотницким топориком. Домик у бабушки стал в землю вращать, листья

шифера полопались. И сама бабушка всё больше стала горбиться. И внук обзавёлся морщинами, перестал гладить брюки, брил щёки редко и плохо. Руки у него странно подрагивали, когда он брал молоток, но кружка с брагой не дрожала.

...Он взял её быстро и сунул себе в лицо к губам жадным и синюшным, как у бабушки Зои. После второй кружки глаза благодушно щурились и внук расправлял плечи.

— Я тут, бабуль, шифер нашёл у одного. Присит не дорого. Хотя листы были раньше не коровнике. Они не пахнут ни навозом, ни молоком. Скот в колхозе перевели, а фермы раздали по частям, как зарплату. Он хочет шифер перевести в деньги. По курсу. По советской цене. Не дорого. Я внесу половину, а вы — вторую. Домик нужно крышевать. Ещё такая зима и снег проломит. ...Вы помните, я не мог снег сбросить. У меня возникла желтуха.- Ходит внук радостный по двору, потюкает в курятнике несколько раз по доске — вот и вся тимуровская работа. Через каждые пять минут заходит в беседку, где в зелёном полумраке грустно пустеет банка. Такой внук сердечный. Не забывает, приезжает, а случается и остаётся ночевать, чтобы старушке не было скучно. Курит, пьёт брагу и песни поёт про розовые розы и про велосипед, который нужно долго гнать.

«Всё не одна,- думает старая женщина. — Всё- живая душа рядом, а что пьёт мальчик, так время такое. Кто нынче не пьёт? И крышу надо обиходить и деньги стало опасно давать. Как бы не потерял. Было уже так. Дала на уголь, а у него вытащили на базаре. Только кило груш и привёз. У

кого не вытаскивает? Он открытый, бесхитростный. Стал рассчитывать и увидели...».

— Сынок, ты привези шифер, а я пока побегаю по соседкам. Свои накопления при тебе отдала твоей маме на операцию.

«Хитрит старая,- подумал Игорь. — Не верит. А ведь она права. Обману. И шифер — дрянь, бой. Не стоит его покупать. А крышу нужно латать. И крыша — дрянь. Была бы работа, можно купить. Цены растут, как чужие дети — быстро и незаметно. Надо выкрутиться».

По листу, по два привозил откуда-то шифер внук. Прятал в сарае, укрывал сеном. Перестал появляться. Приехал через месяц. Сказал, что Нинка выгнала.

— Бабушка, разреши поживу недельку у вас. Потом рассосётся. Мне работу пообещали столяром. Утром Игорь уезжал, но через два-три часа его сутуловатая худая фигура маячила во дворе. Он делал верстак.

— Приняли уже. Буду кадки делать. Заказали под пальмы в санатории.

— Делай,- сказала старушка, радуясь, что внук взялся за ум.

Игорь строгал, пилил, но кадка не получалось. Тогда он полез в пруд добыл чью-то заморающую ёмкость, приволок во двор, аккуратно разобрал, принялся замерять ширину клёпки, диаметр дна. Он потел, он отказывался от обеда, он курил и думал. Через неделю скрутил четыре симпатичных бочки и три маленьких логуна.

— Бабушка, я смог. Этому в армии не учили,- Игорь улыбался щербатым ртом, обнимал свою старую добрую бабушку, которая почему-то плака-

ла. — Ничего, накроём наш теремок хорошим шифером. Буду кадки делать, кружки, сувениры. Мне бы токарный станок. Можно торшеры и подсвечники точить.

Бабушкина радость погасла быстро и безнадежно. Нина уехала и забрала ребёнка. Игорь приезжал на мопеде. Бабушка перестала радоваться приездам внука. Заслышав знакомый звук двигателя, уходила огородными тайными тропами к подругам, испарялась. Как услышит голосок мопеда, так тотчас испарится, как Коперфильд из сундука на цепях, чтобы внук в трезвом состоянии тела уезжал домой. Игорёк сядет на крыльцо и сидит, как санаторный Максиму Горькому памятник. Говорят, что лечился пролетарский писатель от своей хворобы у нас в бору. Часа сидит, два и высидит свою добрую бабушку.

— Что с заказами? Когда будешь выполнять? С меня трясут девки, — наступают бабушка на внука.

— Накрылся наш бизнес. Нет железа. На обручи. — Смотрит на бабу Зою незнакомый человек с большими закисшими глазами, с трясущимися руками и подбитым глазом, который затянула многоцветная опухоль некрасивого вида. — Похмели, баушка. Слышишь, как голова трещит? ...Как нет? Когда кончилась? Ну, хоть гущи, хоть тройного одеколону. Скончаюсь, тебе же хуже будет. Позычь у соседей. Как это не пойдёшь? Это для любимого внука.

— Нет и нет. Я тебя приучила, я и отучивать буду, — сказала женщина, хотя понимала, что говорит глупость — Моя вина, Игорь. Целиком и полностью. Нинка ушла по моей вине. Я — спай-

вала тебя. Дура старая. Что хочешь то и делай со мной.

— Избу сожгу,- сказал обречённо внук.

Бабушка подумала, что мальчик глупо шутит, но он принёс канистру с остатками бензина, которым заправлял мопед в лучшие времена. Начал плескаться на угол сенок свой неприкосновенный запас, приберегаемый на всякий пожарный случай. Этот случай настал. Внук спички вынул, на бабушку смотрит искоса. У кур в клювах белые языки не вмещаются, Тузик забрался под крыльцо и тяжело дышит, будто его гипертония и стенокардия одолели. От угла волны испарения колыхаются в разные стороны. Того и гляди, что бензин сам полыхнёт

— Запалю, бабушка. — почти плачет внук.- Или... тащи банку гудухи.

До любого доведись — испугаешься. Дурак дураком стал. Подхватила бабушка Зоя и помчалась к соседке, у которой свой неприкосновенный алкогольный припас держала. Принесла банку браги. «Что же делать,- думает и ничего не может себе посоветовать». Внук понемногу пришёл в себя и стал ласковым и нежным. Плача, просил прощения.

— Клянусь, чтобы когда-нибудь...

— Зажёг бы? — улыбается бабушка, придя в себя после бензинового стресса.

— Возможно. Я тогда был в те минуты злой и глупый. Простите, больше никогда так не поступлю. Нужно лечиться. Танька говорит, что уйдёт.

Прошёл месяц, а может быть и не прошёл до конца, как Игорь приехал, бросив мопед у соседнего двора, чтобы не пугать любимого человека зву-

ками вечного двигателя от драндулета марки «1м-1», называемого в народе у нас «Конёк-Пердунёк». Бабушка говорит, что нет ничего хмельного, а мальчик наступает, плещет на угол бензином и тремя спичками трясёт в коробке бумажном. Что делать? Кто виноват? Чего с него возьмёшь с полоротого. Не соображает. С похмелья глубокого. Через три дня история повторилась. Внук выигрывал в своих триллерах, в игре в страшилки. Побездённая бабушка, спешно искала по соседкам четок «полечить» внука. На четвёртый раз, когда Игорь начал свой трюк, бабушка поняла, что перестала бояться внука-агрессора и похмельного рэкетира. Страх кончился, как и работа в деревне. Не осталось даже крошки его, никакого заметного следа не наблюдалось в душе у бабушки. Радуюсь, что застал родную бабушку врасплох. Не ждала и не слышала моторчика. Расслабилась. Внучок сразу взял бычка за рожки, как Запашный на игре «Большие гонки» во Франции. Он давно не спрашивал насчёт ограды, погреба.

— Наливай, — говорит со стоном. Некогда ждать, — видит, что старая не реагирует, тащит пустую облупленную местами и расписанную курами под гжель канистру из курятника. Смотрит, как Карл Маркс на призрак, который всё ещё бродит по Европам, на бабушку, а та, как обрезала лук-севок, так и обрезает. — Тащи. Зажгу.

— Жги, жги милый,- говорит обречённо старая женщина. — Так мне дуре надо. Прикормила варнака. Приповадила. Ничего нету, и не будет никогда. Погодь, внучок, я в избу заскочу, а ты подоприв дверь, чтобы я от страха и боли не выскочила.

Ставни закрой, милый мальчик. Жги глупую старуху. — Женщина вошла в сени...

Игорь растерялся. Такой смелый приехал, но отчего-то дрогнула рука с коробком. Раз и дрогнула, а потом ничего, не стала дрожать; подрагивала, как обычно, но не больше. Внучок не совсем конченный дебилка, а капля разума осталась в какой-то стороне под кепкой. Раз не боится бабушка, значит, переборщил, значит, довёл родную до края. Плюнул с трудом, и пошёл. Бабушку жалко стало. И себя больного не меньше жалко. Всякий раз после сильного водочного потрясения организм штормило. Он сам старался лечить себя, вымогая из себя токсины и непрожёванные закусочные продукты. Зубов мало, а нужно успеть выпить, чего-нибудь куснуть, закурить. Трудно хорошо и быстро жевать оставшимися зубами, когда приходится выпивать высокими темпами, как Стаханов в забое каждый час делал по дневной норме, а может больше, так и пили разведенный импортный спирт вчера. Заторопился Игорь. Голубых унитазов у большинства наших сельских пенсионеров ещё нет, а есть на огородах такие будки, именуемые уборными, как у актёров, так и у нас. В животе внука начался не то что путч, а не санкционированный митинг.

Расстроился мальчик. Довела бабушка своей настырной строптивостью. Вот и достал папироску ребёнок, чтобы совладать с расшатанными перестройкой нервами. Никотин, как информируют учёные, не помогает, а создаёт видимость спокойствия. Кто об этом думает? Надо сразу сказать, что внуку сразу не понравился запах внутри. Не привычный какой-то, совсем отличающийся от того

запаха, который раньше, с самого детства был. Ему бы задуматься, включить дедукция или индукцию, а он подумал, что с бодуна всё может мерещиться и казаться, что запах не таким, каким был, как два дня назад. Сами понимаете, что в таком состоянии думать чем-нибудь нелегко и даже очень трудно, если сказать честно. Просто невозможно думать, когда такое происходит с бабушкой, с организмом и с окружающей средой.

Запалил Игорь сигарету. Уважая бабушкин труд, не стал бросать остатки спички на пол, а умудрился бросить её вниз, в ямку. Бывает, что спичку никакими усилиями невозможно зажечь, а бывает наоборот – не гаснет, как Бикфордов шнурок. У меня сколько раз было. То не горит, то не гаснет, хоть как трясись ей. Горит и пальцы обжигает, а чтобы потухнуть, так нет, не заставишь никаким образом. Другой внучок швырнул бы спичку на улицу – всеравно дверь открыта – и горя бы не знал, но так, как вот звёзды невероятно сошлись на небосводе, что получил страшное потрясение организма. Не поленился заботливый внук, знал, что бабушке трудно убирать за ним всякий сор. В ту же секунду сильный взрыв выбросил Игорька на мягкую навозную огуречную грядку, опалив определённые места, которые были у него в ту секунду оголены. Совершив мягкую посадку в районе второй лунки, мужчина ничего не мог понять, из-за контузии в стороне головы и ожоги в месте отрастания ног у большинства людей.

Некоторые обсерватории зафиксировали странный взрыв, похожий на Тунгусский метеоритный, что произошёл недалеко от стойбища Ванавары. Никто не поехал искать следы падения

объекта, хотя на звук взрыва примчалась... бабушка с веником и совком. Страстно и быстро принялась забрасывать землицей горящее заведение, именуемое туалетом. Внука отхаживала водкой и гусиным жиром, смешенным с облепиховым маслом, которое бабушка научилась делать в русской печи по методике одного сельского естествоиспытателя.

Спустя многих месяцев, узнал Игорёк горькую правду о подрыве. Очень долго смеялся, рассказывая вернувшейся жене: «Бабушке досаждал, а дурной был, оставшись без работы и денег на покупку железных полос для скрепления клёпки. С того времени, как обрезало — пить перестал, и подсвечники стал точить для интерьеров и продажи». Нина ничего не поняла, да и желания не испытывала разбираться в деталях отчего муж неожиданно преодолел тягу к спиртным напиткам. Не пьёт и не пьёт — ну, и слава бабушке. У других внуков нет такой замечательной старушки, которая вылила бензин в туалетную яму, а в канистру налила воды. Поэтому большинство внуков маются по утрам, ищут, чем бы им преодолеть похмельный синдром.

ПОЭЗИЯ

Саша Капустин не любил копать большие ямы. Он стихи писал. Считал, что писать стихотворения не так утомительно и не очень трудно... Придёт с работы и пишет. Иногда на работе писал. Придёт на работу и макает в чернилку перо. Шариковой ручкой принципиально не записывал свои произведения, так как считал, что она портит

стиль. Другие сотрудники спешат пригласить девчат на озеро, если солнечно и песок горячий стал, или в кинотеатр сводят на премьеру зарубежной индийской ленты. Можно просто закатиться в пивнуху и залиться жигулевским с креветками или воблой.

Раньше Капустин не отрывался от коллектива — на пляж, в кино, на пикник. Со всеми врзал и на пляже и в кинотеатре, сами понимаете, на природе, под ушицу. Как положено, голова у него потрескивала от перебора.

Как человек культурны и образованный, Санёк, пьянство в особо крупных размерах не обожал, то решил стихи писать. Захочет выпить и садится стихи сочинять. Сочиняет и чувствует, что это полезно для организма. Голова не стала у него болеть после посещения пляжа, кинотеатра и пикников на природу. Утром просыпается и чувствует себя другим человеком. Так ему это понравилось, что стал он стихотворения посылать в разные издания, а его взялись приглашать на семинары, где умудрённые поэтическим опытом товарищи, подсказывали молодёжи, как нужно правильно писать. Через год или два у Капустина набралось две общих тетради продукции стихосложения.

Захотелось Саньку гласности и какой-то известности в народе. В газете его труды иногда печатали. Прикинул Саша, что если публиковать стихотворения на страницах издания, то потребуется много лет, чтобы подписчики прочитали всё, что он написал. Писал не быстро, но часто. Каждый день. Захочет на природу, садится и пишет. Сказали Капустину, что пора книжку выпустить. Обратился в издательство. Все оказались соглас-

ными, но потребовали некоторую сумму денег. Что Шурик получал на производстве, то всё уходило на продукты питания, а из одежды он многого не носил. Один пиджак и брюки носил до самых последних видов. Два костюма сразу не надеть. Понимал он. А денег лишних не мог организовать, хотя и пытался, где-то и как-то заработать побольше.

Однажды обратился в профсоюз, чтобы ему оказали помощь в издании стихотворной книги. В сберкассе деньги давали, но на строительство жилья. Предприятие, в котором трудился поэт, перешло на самофинансирование, поэтому в кассе свободных денег для Капустина не нашлось. А фонда для развития талантов не сообразили создать. Сказал Сашке директор, чтобы он искал спонсоров на стороне.

Спонсоры отказались помогать вложением средств в поэзию, так как понимали, что возврата может не быть.

— Нужно головой думать, — сказали ему. — Прежде чем осуществлять такой проект, убыточный.

— Это вам не Америка, — сказали в другом месте. — На покупку оборудования ещё можем дать, а стихи — в залог не возьмёшь.

Однажды, когда все возможные варианты добычи средств на издание книги были испробованы, Капустин решил придти к друзьям. В кино они не ходили, так как кинотеатры закрыли. В музее пиво перестали продавать, а только одежду. Приятели поехали на велосипедах к родной матери — природе, которая всё ещё существовала, хотя её старательно загрязняли, кто и как мог. Сидит

Сашка в кругу друзей, пьёт пиво, которое стали продавать на каждом углу и даже теперь можно было оформить подписку на доставку любого сорта в нужный адрес. Почтовые ящики для бутылок начали изготавливать. Друзья спрашивают, что с ним происходило последние года. Капустин рассказывает о своих мытарствах. Один друг по фамилии Гуляев Бориска сказал:

— Не бери в голову. Поможем тебе мечту превратить в жизнь.

Приятели решили «скинуться», но, узнав, сколько стоит книга, загрузили.

— У меня есть тётя в Саратове. Так она вполне может выступить твоим спонсором, только пообещай ей сделать в книге извещение, что оказала действие и вошла в положение такая-то милая женщина. Она стихи любит, будет очень рада помочь тебе.

Через два дня, преодолевая головную боль, Капустин с Гуляевым пришли на переговорную станцию. Тётя в Саратове оказалась дома. Попросила прислать рукопись. Заверила, если поэзия ей понравится, то обязательно сама найдёт издателя и всё сделает, как нужно, чтобы страна узнала нового поэта. Александр согласился. Через неделю, перепечатанные листы упорхнули в Саратов. Через месяц пришло письмо. Женщина сказала, что лирика однобока, но это не значит, что поэзия не должна получить известность. Слов было много хороших и разных. В конце эта милая и добрая женщина «сказала» красивым почерком, что у автора мало эротики, а она прекрасно знает вкусы и запросы нового поколения любителей поэзии. Если он ей разрешит, то расширит и углубит этот во-

прос, так как её познания и опыт могут и должны двигать слово в народ. Тогда книга станет достоянием массового читателя. Тётка нагло напрашивалась в соавторы.

Капустин не спал две ночи. С одной стороны чего бы она там написала, с другой — на обложке должна быть и её фамилия. Славой Шурик не желал делиться. Но денег не прибавлялось для опубликования сборника.

Он сдался.

Написал доверенность, завизировал у директора своего предприятия, уговорил поставить профсоюзную печать.

Прошёл год. Вышла маленькая книжечка. Тётя не поставила свою фамилию на обложку, убрала она и слова благодарности за помощь, но руку свою приложила. К каждому стихотворению дописала по четыре, а где и восемь строк. Когда Капустин взялся читать свои опусы, то волосы у него встали даже подмышками. Такой вот пример самого скромного и добропорядочного окончания Капустинского стишка:

*Однажды в студёную зимнюю пору
Пришла ты ко мне и легла на кровать.
Я лез на перину, на белые горы,
Которые мне никогда не измять.*

Капустин немедленно изорвал и сжёг свою книгу. Не на свече, но в костре. Больше стихотворений не пишет и спонсоры теперь ему не нужны. Он расстраивался и горевал, что теперь весь мир узнает о его глупых и тупых виршах.

— Тётка- соавторша, — сказал Бориска, — каждый день стоит на базаре и продаёт твою книгу. Что удивительно, её покупают с восторгом и по несколько штук сразу. Это она написала. Просит, чтобы ты не зарывал свой талант в песок... Ждёт стихов...

— Что ты говоришь? Издевательство. Это пошлятина чистой воды. Она мне все перековеркала, в душу наплевала. Поеду, и я ей... — Саня вдруг горько заплакал. — Я ей отомщу за поруганную честь. Пусть меня...

Товарищи долго успокаивали поэта. А он грозил стереть с лица земли редакторшу, которая приняла к изданию такую гадость.

Вчера друзья кутили. Сашке пришёл солидный перевод из Саратова. Он не горевал и не расстраивал друзей своим тягостным плачем, а наливал в кружку коньяк и произносил тосты за здоровье тёти из далёкого города, за поэзию, за читателей.

ФОТОКАРТОЧКИ

Максимка Апушкин фотографом работает. Много лет работает. Ему скоро пятьдесят стукнет, а его Максимкой зовут. Не высок и не статен, на подростка походит издали, если смотреть. Снимает на карточки честные лица ударников сельского труда, счастливые до глупости физиономии молодёжёнков. И многих других товарищей снимает, которым вдруг захотелось увидеть свой облик на портрете, а потом его подарить, как сувенир на вечную и добрую память. Фотал Максим Сергеевич и на документы, кому какие требуются. Постоянно

для водителей старался и депутатов, которых выбирали сами себе жители села Приморского. Конечно, моря у нас не было, и даже на самом дальнем горизонте нельзя его рассмотреть. Это ирония такая. Моряки были в деревне. Возвращались после морской службы в тельниках и в чёрных бушлатах.

Весной Апушкин молодёжь фотографировал, так как она ехала в города и пыталась поступать в учебные заведения. Надо сказать, что снимал он неплохо, а порой даже отлично получалось, да так хорошо, что сельчане себя сразу узнавали и, конечно, радовались удаче. Ликовал и Максимка, а ликуя, подсигивал вверх, несмотря на преклонный возраст и, отравленный химикатами, организм. Думаю, что по этой причине не вырос, так как с первого класса научился на самодельный весах метол и гидрохинон развешивать. Дышал этой химией, когда над корытцами склонялся, рассматривая знакомые лица на клочках фотобумаги. Это же не Шанель номер пять и даже не Красная Москва; такая неприятная эта фотографическая гадость у него в бутылках растворялась, что от неё вонь, честно сказать, исходила. ...Попрыгивая, мастер вскрикивал пронзительно и восторженно: «Ах, Апушкин, ах, сукин сын!»

Это грубо, сами понимаете, некрасиво так называть свою матушку, работавшую всю жизнь дояркой и не снимавшей резиновых сапог, как зимой, так и летом, отчего у неё ревматизм и другие животноводческие болячки возникли. Папаша — пахал и сеял. Радовался за сына, что не трясётся с утра до звёзд в кабине трактора, что не получит ни хандро́за, ни простатита на старость лет. Чего с не-

го возьмёшь — служитель искусству. Не знали? Совсем недавно фотография признана не ремеслом, как столярно-плотницкие работы или там сапожно-кулинарное производство, а самым настоящим видом искусства. И муза у них, у фотографов похожая на другую покровительницу, но тоже с весами и с повязкой на глазах, оттого, что не видят, что проявляется в бачках, а вместо меча муза держит в руке не то штатив, не то ещё какой стимул для фотографии.

Наш служитель музыки любит детей «щёлкать». Своих мальчиков с пелёнок стал к вспышкам приучать. Хлебом не корми Максимку, а дай ему ребёнка, чтобы он с него портрет сделал — запечатлел мгновение вырастания детского организма. Много мальчишек и девчонок прошли через его объективы. Теперь, когда они успели так вырасти, что и не узнавали фотомастера, но, перебирая в альбомах карточки, рассматривали себя и вспоминали, то далёкое и малозубое время, которое многие хотели бы вернуть, но пока не всем удалось.

В детсадах, в школах и на улицах ставил детей на фоне сельской архитектуры, скажем, у ворот или под цветущей черёмухой. Щёлкал затвор состарившегося ФЭДа направо и налево. В музее много его фотоснимков хранится. Можно теперь увидеть ручные молотилки, соломенные крыши хат, тракторы НАТИ и комбайны прицепные «Сталинец». А сколько разных митингов и собраний наснимал, что вам покажется, будто в селе только и занимались, что стояли у президиумов, ходили нестройными колоннами и голосовали двумя руками за мир во всём земном мире.

Характер Апушкина, говорили, подвижнический. Незнаю, как это понимается, но любил и любит своё тёмное и мокрое дело на всю диафрагму. Это в объективах такое устройство случается бывает, чтобы негатив получался очень резким и глубина резкости возникала на большом расстоянии. До самозабвения увлекается своей работой, то есть себя забывает ощущать. Засядет в тёмную конурку, где и дышать нечем, словно в отсеке подводной лодки, так и сидит, не зная, что на улице утро, а не ночь. Потом выберется на солнечный свет и начнёт сортировать отпечатки. Половину повыкидывает. Одни не закрепились, так как много было отпечатков, а раствор, фиксирующий изображения, так истощился, что не успевал выполнить свои прямые обязанности. Случались фотки малорезкими отчего-то, хотя и наводил резкость, хотя и не шевелил увеличитель и даже во время экспонирования не дышал. Совсем не дышал. Забывал, по правде сказать.

Часто Максимка в пионерские лагеря навещался. Не зимой. Летом. Там детей уйма бывает. Как пчёл в хорошем улье. Дети по бору косяками бродят. Наснимает фотограф прорву плёнок, наделает карточек. Подретуширует, убрав бородавки и шрамы, подскоблит, чтобы глаза были пошире, подрисует черной анилиновой краской брови, подкрасит губы и галстуки, а потом идёт в лагерь. Он у нас на берегу озера в сосновом бору. Озеро — не море, но рыба водится. Бегает по отрядам и домикам, чтобы отдать плоды своего труда или произведения искусства, если хотите.

Кто из родителей рублишко сунет, не рассмотрев квитанции, что написано чуть больше, кто мя-

тую и влажную трёшку пиханёт в карман, полагая, рассчитался за весь отряд. Не обижался Максимка на подобный расчёт. Если из-за каждого полтинника нервы рвать, себе дороже получается. Нервы, как и стужённое молоко не восстанавливаются под прилавками. Хотя кто-то видит, а у других зрение слабое. Не могут и наклейки углядеть. Загадочные явления, как НЛО.

Вчера Апушкин пришёл в творческую мастерскую весь в грусти и задумчивый, как Роденовский мыслитель. Но тот голый, а Максимка в рубашке и на босу ногу в галошиках. В них по бору удобно ходить, отыскивая должников.

План Максимка выполнял. Начальница КБО на него редко катила бочку с проявителем. Накануне фотомастер посетил пионерский лагерь «В добрый путь», присутствовал на закрытии смены. Нащёлкал там мордашки пионерчиков, отдохнувших, как по плану записано, набравшихся сил перед школьными сидениями на уроках, а пока ещё каникулы дети и дома отдыхают — кто по грибы, кто корову пасти, кто за гусями ухаживать, кто огурцы собирать у селян корейской национальности. Говорит мне Апушкин. Я — сторожу лодки и ограду. Взяли меня не сразу, сказали, что образование должно быть педагогическим, а не агрономным. В остальное время я караулю здание комбината бытового обслуживания. Да, кто полезет за негативами или за бигудями. Софии Лорен у Максимки не снималась. Надо сказать, что в прошлом году у нас в клубе пела Мария Пахоменко. Апушкин ей фото послал, когда она с начальством гуляла в музее, цветы возлагала на мемориале славы. Пообещал в впопыхах, объятый обаянием певицы.

А если Максимка пообещает, то к Даггеру не ходи. Сделает.

Тихо мне говорит Апушкин, чтоб никто посторонний не услышал, хотя из чужих - портрет героини соцтруда висел на шнурке и сох.

— Демократия народ испортила вконец. В больших дозах нельзя её принимать. Передержка получается.

— В чём дело? — спрашиваю. — Чего так смухортился, голубок унибромный.

— Ты вот сидишь, а жизнь катит мимо. А я везде бываю. Моим объективам не нужны свидетели. Что-то у нас не так. — Подаёт две фотографии — Это я снял три года назад, а эта — вчерашняя. Смотри.

Смотрю. Ничего не понимаю. Очки на мне. Фотку верчу, перевернул, но ничего не могу рассмотреть. Хотел зубом куснуть, но пожалел меня фотомастер.

— Видишь, — говорит, — сколько народу на этой фотке? На трибуне места не хватило приглашённым. Стоят с боков и справа и слева. Кто стоит? Узнал? Пионеров было на линейке меньше, чем гостей. Все говорили красивые речи, поздравляли детей с открытием или с закрытием смены. А нынче? К детям отношение плёвое. На вчерашнем мероприятии трибуна пуста. Её заняли барабанщики и горнисты. Директор лагеря и три тёти в белом — вот и все гости. Директору полагается смену открывать. Повара будут празднично кормить своими изделиями и им край взглянуть на дело своих рук. Они обязались выдать тонну привеса. Не добрали килограмм. Пацан был один — по спортплощадке, как наскипидаренный летал.

Всю смену проносился. Вот и сорвал поварам выполнение плана, а значит, поварих премиальных лишил.

— Да, — пролепетал я. — Наглядно вижу, как грустно детям без речей секретарей комсомольских и райкомовских. Раньше от каждой организации были представители представлены. Забота была. О детях думали. Каждый колхоз свои домики красил, мебель покупал и простынки. А демократия при чём тут?

— В нашем лагере, что происходит? То-то. Демократия.

— Оставь демократию. Нечего на неё сваливать. Не забыты детишки. Ты хотя и служитель искусства, а дальше своей ванночки-кюветы не видишь. Чувствительность у тебя понизилась от долгого хранения, как у старой фотоплёнки. Лагерь наш год от года краше становится. Баню построили, столовую два раза ремонтировали. Скоро вышку для прыжков с парашютом сделают. А банкет как проходил? С костром и мангалом.

Апушкин почесал затылок, а лоб у него стал походить на мех фотокамеры «Москва».

— Не было банкета. Который сезон обходятся без кутежей. Колхозы развалились. Райкомов нет. Кому речи двигать? Санитарной службе или пожарным? Отстал ты от жизни.

ТЕКУЩИЕ МОМЕНТЫ

Жизнь, товарищи, очень занимательная вещь. Далеко за примерами ездить на телеге не стоит. Зайдите в любой магазин, почитайте объявления на столбах и заборах. Такое увидите и вычи-

таете, что не сразу вам станет понятно — плакать или посмеяться. Что квартиру меняют на автомобиль — это понятно, что у кого-то есть лишняя мебельная стенка в рабочем состоянии — это естественно, что кооператив гарантирует счастье — это само собой приятно, но почему сметана зимой жидкая и не замерзает на морозе — никто не знает. Чем её таким разбавляют, каким съедобным антифризом можно назвать кефир-разбавитель, который, прореагировав со сметаной, делает её незамерзающей даже при минус сорока. Занятная штука — наша жизнь.

Не подумайте, что я против занимательности и прогресса. Мне это нравится, потому что жить не так скучно и муторно, когда сообщают, что наш лайнер нечаянно состыковался с другим кораблём. Не ясно одно — с какой целью произошла стыковка, когда вокруг столько свободной воды в океане. Взрываются дома. Регулярно. Газ виноват. Неправильно его используют, добыв из-под земли.

Недавно случай телеэкранировали. Захотела семья уехать, где чисто и светло, где нормально платят за работу. Возможно, не пускали семейку или требовали оплатить учёбу в общеобразовательной школе, а у них не нашлось такой огромной суммы. Семья-то большая. Купили билет и решили с боем прорываться на ту сторону к крупным заработкам и увесистым бытовым благам, захватив самолёт со всеми пассажирами и багажом. Что из этого вышло, знаете?

В пылу непускания семьи к соскам загнивающего капитализма, кое-кому нанесли незначительные увечия, которые вылечивали несколько десятков месяцев, а тех, кто из виновников остался

в живых — мальчиков и девочек — наказали, чтобы они в следующий раз не угоняли с маршрута аэропланы.

Я подумал, что их лучше бы их отпустили, билеты помогли быстро купить, пусть бы они там работали и жили, рассчитываясь за билеты инвалютой, за образование, за проживание. ...Плакали денежки.

На будущее можно решить — пускать или не пускать, а может быть, прямо в самолёте травить снотворным газом. Как завошкался с гранатой или динамитом, так пустить газ, а потом — никаких желаний о заграничных прелестях в головке не осталось. Сошёл с лесенки самолётной человек и ничего не хочет — ни красиво одеться, ни вкусно закусить. Помнит, что бывает обеденный перерыв, а что с ним делать — забыл, ни крошки не соображает. Тогда очередей в столовках не станет больших. Прямая выгода. Сколько сэкономится разных материалов и продуктов.

Сначала туда им хочется до посинения, а потом встречай обратно. Керосину не напасть, а его кефиром не разводят, я слышал. Хотя и недоброкачественные запасные части к самолётам постоянно в целях экономии покупают, но и продают.

Разводить — спирт нужно. А спирт из разной дряни не получается, нужно определённую — искать, которая бы могла соответствовать. Спирт нужно из хороших компонентов производить. Это, простите, не колбаса. Наши опилки за рубежом ценятся. Все наши неходовые товары в цене. Залежалые наковальни берут вместе со ржавчиной. А садовые вилы прямо без черенков требуют. Пе-

сок покупают и просят, чтобы упаковка была плотная. Кубометр тёса стоит дорого, а упаковка от песка, ну тара — им обходится бесплатно. А она — это и есть тёс, но только уже построганный. Показывали, как наши автомашины покупают по цене мопеда, а потом раскрашивают, навешивают всякие блестящие полоски, чтобы было непонятно, что ездить на такой тачке или опасно, или красиво. Наковальни и вилы не украшают. Так берут и переплавляют. Очень ценный металл на них у нас идёт. Экономят свои доллары.

Занятно на такое смотреть или читать. Не так муторно в очереди стоять за пастой для натирания зубов, которую покупают там у них и везут к нам, потратив время и валюту. Полагаю, что они свои зубы начистили, а что осталось, так нам столкнули, всеравно срок годности скоро кончится. У них и бельишко постирано, а у нас постоянно от га-лош пачкается.

Говорят, что у них всё разовое. На стирку не тратят воду, не травят себя порошками стиральными. Костюм надел, в ресторан сбегал поужинать, выбросил. Кашку скушал, а миску в мусор. Машину об столб стукнул, другую взял, а эту нашим продал. Они привезут её, отремонтируют и вновь она будет об столбы биться. Разовые головы не придумали, так что приходится и уши лечить, и глаза, если заболят. Хотя сказали, что начинают отращивать руки, ноги и органы, которые сносились в процессе жизни.

Мне фуфайку жалко выкидывать. Не всякий раз купишь. Ношу сорок лет. Маленький такой холодильник включаю только летом, а потому он уже пятьдесят лет служит. Не потому, что очень

полезен, но, как реликвия, как память стоит и почему-то работает, хотя и не должен столько лет холод давать из-за пульсирующего напряжения. У нас в деревне ток переменный. То двести семьдесят, а то и сто пятьдесят вольт в розетки вталкивается. И телевизоры теперь нам поставляют, чтобы могли в таких режимах программы показывать. Подстраивается к нам заграница. Пишут, что наши там у них не хотят из принципа американский язык знать. Приходится им самим глаголы и спряжения зубрить.

Кооперативы у нас были. Они, вероятно, тоже на раз. Открыли — и раз, закрыли, не в смысле закрыли, а в смысле, что сам закроешь, потому как налоги — раз, потом ещё раз. Я лично не против кооперативов. Сам думаю, чего бы такое делать народу полезное. Не получается, чтобы всем стало приятно и хорошо. Если мне выгодно, то покупателям — плохо. Приходит один товарищ и предлагает вместе выращивать бананы. Почему ко мне? Он знал, что я давно пытался комбайном на полях убирать какой-то урожай — или пшеницы, или овса. Не знаю, чего приходилось косить и молотить. Вроде видна пшеница, а дальше овес приходится видеть перед комбайном, растущий среди обильно посеянного разнотравья. В основном — осота. Бывает и ничего иного и не растёт на поле. Случается, что и топольки колосятся и трсы всякие, а то и мешки с какими-то остекленевшими удобрениями. Подумали сначала, что это соль морская, а, когда попробовали — не соль, а что-то другое свалено посреди травы. Объясняю товарищу, что бананы у нас в Сибири не станут колоситься. Хотя и могут, но лето короткое, а валенках не дозреют.

Предлагаю ему начать производство того, чего ещё нет в продаже. Фик с ними с бананами.

Пошли смотреть по базару, чего нет на прилавках. Неделю ходили и смотрели. И телевизор по всем двум программам вдоль и поперёк разглядывали. Оказывается, что жизнь очень интересная. Вроде всё есть, хотя в принципе не может быть такого, чтобы всё было. Присмотрелись. Оказалось, что в продаже нет ходулей, чтобы весной и осенью по грязи ходить и валенки не замарать.

Но ничего у нас не получилось. Надо, говорят, курсы открывать, чтобы людей учить управлять этим средством передвижения. А то на дорогах могут быть несоблюдения правил техники безопасности и дорожного движения. Это повлечёт незапланированные аварии и травмы народа.

Решили мы образец сделать и запатентовать. А знающий человек, ответственный за патенты сказал, что у нас нет габаритных огней, нет стоп-сигнала, нет номеров, нет гидравлических тормозов. Придрался, что необходимы ремни безопасности и лесенки, чтобы забираться на ходули. Всё мы сделали. Комиссия сидит, и товарищ один бракует наше изделие. Требует, чтобы ходули оснащались парашютами и фарами с указателями поворотов. Без парашютов нам не стали патентовать средство передвижения.

Начали мы парашюты шить, но запутались в верёвках. И тогда решили, что не в кооперативе счастье. Одно нам стало понятно, что рынок — это не базар в центре села, а целая система, которая сама собой управляет, сама и законы пишет. Главное правило рынка простое, как морковка. Нужно, скажу по секрету вам, сначала найти спрос, а по-

том его и удовлетворять. Спрос на ходули есть, но маленький. Получается, что и спрос спросу не товарищ, а конкурент.

ЖЕНИТЬСЯ ПОРА

Жениться пора. Мама говорит, что помощница ей не попомешала, да и внуки должны от неё возникнуть, чтобы с ними время проводить и кашкой угощать. Где её взять в такое сложное время? Кто согласится со мной разделить хлеб и соль? То в школе одиннадцать лет сидел, то в институте медицину изучал, то интернатура, то аспирантура — вот голова и стала умной, но из волос только брови остались на лбу висеть над глазами. ...Недосыпаю. Дежурства, операции, больные, а тут ещё и в кооператив вступил. По ночам принимаю больных. Откуда их у нас столько развелось. Ребёнок не курит и не выпивает, а уже печень, лёгкие и другие органы сношены, как у стариков. Колбасой копчёной детей кормят после двухдневного возраста, никотином дышат.

Полагаю, что сами разрушаем и без того не крепкое здоровье; едим что продают, пьём, что из водопровода течёт, но что течёт из кранов — никто не ведает, а кто знает, так не говорит, сколько там нужного в содержании, сколько вредного и опасного. Там авария, там прорыв. Буду из колодца воду брать. Опять же стоки, сливы... Дышим чем? Что вдыхается. Уже и вдыхается с трудом и пахнет неясно чем. Противогаз куплю. Буду дышать отфильтрованным воздухом и лысину прикрою. Потеть стану, последние волосы потеряю на лбу.

На работе жениться не на ком. Клава курит больше меня, Света пьёт больше нас всех в отделении. Лина каратэ и йогой занимается, как пособие по анатомии стала. Другие женщины с мужьями и детками — о себе не помнят.

Почитаю, кто скучает в одиночестве, кому семейная пара требуется. «Женщина 50 лет...»- не подходит. Вот: «Ольга — 25 лет, строгая, с инженерным образованием, хочет создать семью с мужчиной без вредных привычек, приятной внешности». Пошлю студенческую фотку. Там кругов под глазами нет, шевелюра, как у льва, а щёки не отвисали до галстука. Образование. Есть. Рост. Ого. Я же не в баскетбольную команду собираюсь вступать. Тяжело ей с такими запросами отыскать спутника по жизни. «Мать троих детей...». Какие они эти дети? Зачем мне?

«Симпатичная девушка, 29 лет, рост — 170, бвл, ов, снп...». Чего раньше думала, училась, как я. Весёлая и общительная, геолог. Зачем её общительность? Умела бы кашу варить, полы помыть, смеяться могу на работе. «Всю сознательную жизнь отдала любимой работе, замужем не была...». Хватилась, а поезд ушёл. Что там у неё? Четырёхкомнатная квартира. Кто ж давал такую площадь одинокой? Осталась от родителей. Вполне возможно. «Рост 156, вес 96, к своим недостаткам отношу строгость, принципиальность и честность характера...». Хорошая женщина, не какая-нибудь, а честная и строгая, рост подходящий. Сорок два года — это многовато. Серьёзная дама, не стрекоза какая.

— Мама, нашёл кандидатку. Послушай мама. ...Почему она меня станет тиранить? Почему сразу

изменять? Из меня вить верёвки? Она добрая и честная. Почему тебе никто не нравится? Каждый день ищу, а тебе ни одна не оказалась подходящей. Возьму тогда с ребёнком, с двумя. Мне тоже не тридцать. Ищи сама... Вот тебе очки и лупа, чтобы лучше рассмотрела мою жену. Пойду в пивбар... Не плачьте, мама. Включим телевизор, сварим кофе. Как ты говоришь? ...Нам вдвоём прекрасно? Я тоже так считаю. Не плачь, дорогая.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Вы сказки любите? Кто их не любит — правда? Чудесная вещь. Волшебника всякие, вещи, выполняющие задание по приготовлению пищи, сапожки, работающие без топлива и справедливые дубинки — «самолупы», которые плохих людей в чувства приводят. Наука доказала, что Илюша жил в Муроме, Соловьи и сейчас свистят на дорогах. Змеи о трёх головах не то что мутировали, но не редкость, а долгожители, тащащие в свои логова девиц-красавиц, на каждом шагу. Только фамилия сменили. Не Кощеи Бессмертновы, а носят обыкновенные фамилии.

В наше текущее время сказочек завались, только приглядеться. Что там НЛО? Стая роботов с другой солнечной системы приехали узнать, как мы себя ведём на Земле, как её — нашу окружающую среду - уничтожаем, словно и дальше жить тут не собираемся. Наблюдают нас, как пациентов, выводы делают — насколько нас можно разумными называть. Незнаю, как вы, а я давно вывод сделал, определённый вывод. Долго не летал Чего летать? Всё на лицо. На лице матушки-земли. Сде-

лали сказки былью. И продолжаем делать из последних сил. Очень торопимся.

Один товарищ по фамилии Репин и по имени Илья попал в сказочную историю. Он не особо любил рисование, но чертежи умел чертить, так как окончил институт и стал инженером, а потом и женился, чтобы дети были, и о них можно заботиться в свободное от инженерной работы время. Но вот влип в историю. Уважали на работе его коллеги, так как он человек был хороший и неплохой специалист своего инженерного дела. Однажды, находясь не у себя в посёлке, сделал что-то не эстетичное. Не картину нарисовал, и даже не вредительство получилось. И диверсией трудно назвать, из-за которой погибла отара колхозных овец вместе с баранами. Даже дом не упал, хотя он работал не на стройке.

Выговор ему вписали по этой самой линии, пришлось работу оставить прежнюю. Незнаю, почему так сделал. Сам уволился. Кадры требуются везде. Репин работы не боялся. Чего её бояться, - возможно, подумал на досуге. Пусть она боится нас. Верно, говорю? Это только присказка, а сама сказка пойдёт дальше. Не буду вас утомлять.

Репин пошёл устраиваться в организацию на работу. Ему сказали знакомые, что инженер требуется его профиля. Он побежал к начальнику производства. Сказал, что хочет свои силы и знания приложить, чтобы дело шло, и зарплата выплачивалась. Начальник покрутил головой в разные стороны, посмотрел на телефон и ручонками развёл в стороны. Нет, говорит, мест у меня свободных, а те, что были не заняты, так теперь заполнены под завязку. Серьёзно так сказал и добавил:

«Есть местечко инженерного направления, вроде как не занято никем, но мы пригласили одного человека из соседнего района два месяца назад. Ждём теперь, когда там уволится и к нам приедет. Должен скоро приехать».

Репин не особо расстроился. Побежал в другую контору. Там точно требовался инженер. Руки инженерные с головой вместе нужны везде. Избытка в кадрах не было, хотя и учился уйма разных дипломированных инженеров. Записался, как водится на приём. Заходит к директору. Свободно заходит. Без реверансов. Он много раз встречался с директором по разным текущим делам на своей прежней работе. В друзьях не были, но на разных форумах встречались, на банкетах тосты выпивали и понимали друг друга, как нормальные люди. Начали разговоры разговаривать, про сложности современного производственного процесса, о нехватке запасных частей и материалов, которые не всегда надлежащего качества распределяются.

— Я, - говорит, Илья, - к тебе на должность инженера целюсь.

— Верно, прицелился. Местечко есть. У нас пока оклады не фонтан в Венеции, но обещают в следующей пятилетке поднять. Пиши заявление на моё прямо имя. Как положено. — Посмотрел директор на телефон и начал в папку бумаги складывать. — Вызвал вот. Тороплюсь. Сам, понимаешь. Мы потом на берегу полянку накроем, и твоё трудоустройство «замочим», как положено. Через два дня подбегай. Я вернусь из командировки и подпишу, если зарплата наша маленькая устраивает.

В надлежащее время Репин Илья прибыл к руководству с папкой, в которой логарифмическая линейка, готовальня и прочий инженерный скарб. Конспектов парочку сунул, несколько книжек гостей и указаний на всяческий случай прибавил, если задачи возникнут сложные. Директор встретил не очень внимательно, почти без особой радости почему-то, вздохнул и лицом окаменел, как Сфинкс.

— Заходи через неделю. Столько всего навалилось. Заявление твоё у меня под особым контролем. Лучше через две недельки забегай. - Репин неожиданно для себя щекой дёрнул, не стал в подробности вдаваться. Поспешил из кабинета выбраться. «Что-то не так, — подумалось отчего-то Илье,- Нужно в другую организацию топать». И спокойно вышел в дверь, полагая, что недоразумение рассосётся со временем, но решил времени не терять, так как без работы Репин себя чувствовал не в своей тельняшке. И дома деньги потихоньку кончались, а проще сказать, таяли, как лёд в стакане с портвейном.

Пришёл Репин в маленькую контору, в которой работал сосед по квартире. Поговорили об урожае на грибы, о погоде, которая стимулирует рост диких волнушек и рыжиков.

— Зачем тебе механиком, у тебя диплом с отличными оценками. Подожди немного. Кончится квартал, что-нибудь придумаю. Работы много. — Будешь главным инженером. Я вполне тебя давно знаю. Человек ты надёжный и грамотный специалист, как раз по нашему профилю.

— Я пока могу и бригадиром поработать, ну или слесарем устройт. Пока вопросы и задачи решаются, — сказал Репин неуверенно.

— Зачем тебе руки марать? Подожди немного... Главный у меня на пенсию собрался. Три месяца пролетят... И не думай куда-то идти, — сказал сосед и посмотрел на старый телефон.

Огорчился Илья, но своей жене вида расстроенного не подал, чтобы не волновалась, что денег пока не будет и авансы с получками в тумане прячутся. Заверил, что завтра у него всё будет, как в аптеке. Поспешил на предприятие без папки, без готовальни, а с рукавицами-верхонками, для работы, какая подвернётся. Слесарь — не инженер, в каждой конторе нужен хороший и надёжный человек с высшим образованием. Зарплата маленькая, но зарплата и стаж идёт, а пока он идёт, что-то прояснится. Только бы зацепиться, — вдруг со страхом подумал Репин, — странная получается история. Инженеры нужны, а вдруг не нужны. Покажу себя, только бы приняли». Все свободные места простых слесарей оказались занятыми. Удивлялся Репин, но не особо огорчился — знал, что без работы не останется. Не в Америке. Помчался на трикотажную фабричку, открывшуюся год назад в соседнем районе. Она только называлась фабрика, а на самом деле — поставили десяток вязальных машин, купили пряжи и приняли женщин, чтобы кофты и гамаши плели. Но и там ему ничего не могли предложить. Самофинансирование, хозрасчёт. Никто лишние кадры не хочет содержать.

Нечаянно узнал Репин, что туда, куда он раньше стучал в двери, приняли инженеров, меха-

ников, даже бригадира слесарей приняли. «Что за ерунда,- подумал тихо Репин, — что за сказка. Не могу ничего понять. Работы нет, а нужно ребёнка в школу собирать, семейство кормить как-то, а я бегаю, ищу работу, а меня не берут. По второму кругу пошёл. Придётся собирать чемоданы, - решил Илья. — Тут какая-то странная закономерность. Проштрафился, понёс заслуженное наказание, хотя вина моя очень и очень мала. Дети мои не виноваты. Им нужно покупать вещи, платить за детский сад, а меня не берут на работу. Почему отказывают в приёме, почему всё так странно?

Вот какую сказочку сделали сказочники с товарищем Ильёй Репиным, а вы говорите о загадках НЛО. Недавно в соседней области мне встретился Репин. При машине и личном водителе. Главный! Инженер большого завода.

— Хорошо что так получилось. Слава Богу, что меня никуда не принимали. Квартира трёхкомнатная. Любимая работа. Несколько внедрённых предложений, изобретаю станок по изготовлению... Неважно. Кандидатскую намерен защитить по новым технологиям...

Много чего рассказывал положительного Репин в своей новой жизни. Сказка, товарищи, должна хорошо кончаться Золушка становится принцессой, заколдованный принц получает полцарства и жену с хорошим положением в обществе, а не какую-нибудь мотовку. Вот и Репин сначала пострадал, а потом получил по заслугам.

Сказка и только! Вот только зло не наказано. Вам интересно узнать, что натворил наш герой? Был в командировке, засиделся с товарищами в пивбаре. Пошёл на остановку, чтобы ехать в гос-

тиницу, понадобилось ему по малой нужде. Куда бы он добежал? Бежать не знал, куда в ночном городе, в незнакомом районе. Заскочил за угол. А тут автомобиль осветил его фарами. Забрали человека, а он вовсе не был жутко пьяным, а вот приспичило. Заплатил штраф и отправился в свой номер. Пришло извещение на работу. Начальнику не нравился прямой и честный Репин. Давно ему хотелось наказать несговорчивого работника. И наказал. Позвонил во все организации, приказал, чтобы нигде его не принимали на работу даже дворником. И не принимали. Это уже не сказка, а наша обыкновенная действительность. Мог бы и фамилию настоящую назвать моего знакомого, но не буду. Подобные Репины рядом живут, возможно, не хотят вспоминать свои сказочные приключения.

СРЕДА

Сейчас, когда все мои читатели отравлены гласностью, а очереди у железнодорожных касс исчезли, сатирические опысы создавать стало почти невозможно по причине исчезновения комичных ситуаций, которые вполне могли бы служить источником вдохновения. Считаю, нужно ещё пожить в перестроечной среде, чтобы привыкнуть к ней и, за кустами, нарождающейся демократии, увидеть будущий лес чудесного существования народа, и читателей. Но жить становится всё труднее и грустнее. Поэтому ничего смешного в этом рассказе не обнаружите, хотя и дочитаете до последней буквы. Но лучше не читайте, не советую. Напрасно потеряете время. Сам я этот рассказ давно

не читал и незнаю насколько актуален в ваше время.

Кто хочет упасть с большой высоты в море или нырнуть глубоко в реку, когда плаваешь неважно, а точнее сказать, стилем «утюг», тот должен быть глупцом или авантюристом. Каменщик Миша Кадушкини не был ни тем, ни другим.

Решил не брать путёвку в джунгли Амазонки, надумал провести отпуск с женой в родной деревне, что почти уже состыковалась с городом, в который он уехал, окончив восьмилетку. Друг позвонил, сказал, что свободен, что после операции не дают нормально работать.

За нашей деревенькой Берёзовый Лог обширный пруд. Он был естественно, не такой и огромным, как казалось в детстве — это Миша был тогда ещё очень маленьким. А возможно, время и химикаты, стекающие с полей, ферма коровья, построенная неподалёку, сделали коварное дело. Экология — святое для всех определение.

Навоз - в овраг, куски бетона — в берёзовую рощу. Миша знал, что в колхозе не церемонятся с окружающей средой, но чтобы так бессовестно... А карасики в пруду, несмотря на всё, почему-то размножались. По привычке. Если окружающая среда хочет жить, тут уж и химеонавозотерапия бессильна.

Накопав червей под старой ивой, Миша Кадушкини его школьный приятель Макарка Куинджин, по прозвищу Люкс, с провизией и котелком потопали на другую сторону речки. Речкой называли в деревне этот самый старый пруд. Называли в детстве, но когда мальчишки выросли,

название оставалось у них в памяти прочно и на века.

Миша восторгался, как и каждый горожанин, увидев бабочку, паутину, увешанную каплями росы, а Макарка, сняв полосатую кофту, сопел и курил. Он не был городским, а всю жизнь проработал на ферме, и этих паутинок перевидал.-- Мише и не снилось. Но рассказ не об этом — это ещё начало.

Ловят друзья обитателей пруда, разговоры степенно ведут, курят самосад и природой наслаждаются. Талоны кончились на курево ещё в марте. Перебои с табаком принудили сельских маркетологов разводить махорку. Махорка — не Золотое руно и не Капитанский и даже не Турецкий, но без добавок и примесей. Макара в махру сухие цветы донника добавляет. Запах идёт от сигарок приятный, не хуже, чем от Нептуна. Миша, будто, между прочим, сказал:

— Давай телят возьмём, ферму откроем.

— Пасти ты их, где будешь? — смачно плюнул Люкс в воду. — Подпахали под крыльцо.

— Кто подпахал? — усмехнулся Кадушкини. — Ты. Ну, твои братья. Вдоль каждой лесополосы дорог накатали. Хозяева так не делают.

— Вы и накатали, — сказал весело Макарка-Люкс. — Чужие тут не ездят. Из города чешете облепиху ломать, смородину драть. Злодеи какие-то. По посевам шуруете.

— Ты прав, Макарыч. По-свински живём. Дальше своего кармана не смотрим.

Долго одноклассники говорили о кооперативном строительстве, о налогах, о земельной аренде. О многом теперь можно говорить без стес-

нения и без оглядки, но ходят слухи, что перестройка вот-вот будет отменена и говорунов станут демократично перевоспитывать, применяя обычные меры и методы.

Опускаю подробности, как варилась уха, как Миша убирал нефтяные пятна из котелка, как резали сало и луковицу, а малосольные огурцы выложили на газетку. Не успели друзья принять по первой, но лишь налили в стаканы или в кружки. Макар прихватил из дома баночку собственного и экологически чистого продукта, как за кустами шелюги зарыкал чужой мотор. И на берегу, а может быть, и чуть подальше остановился весёленький «Жигулёнок». Из транспортного средства, разминаясь и потягиваясь, выдавились две женского пола особы. Одна женщина полная, а другая чуть пожиже, но рыженькая и в очках на конопатом остроносом лице.

— Давайте отсюда чешите, — словно нашкандившим пацанам, сказала толстенная дама. Друзья не оторопели от такого приветствия, дружно подумав, что бабёнки шутят и желают таким путём завести знакомство с двумя молодыми мужчинами в трусиках и панамах. Они обрадовано сняли с костра котелок и замахали трудовыми руками, приглашая гостей.

— Живо! — приказала баском рыженькая, и грозно сняла очки. Макар оглянулся, ожидая увидеть тех, кому так строго говорят подъехавшие горожанки. Миша тоже сообразил, что в рабочее время могут подъезжать к озеру только тётки из ближайшего городка. Селянки в огородах с тяпками и с восторгом отдыхают.

— Присаживайтесь. — сказал он. — Только ложки прихватите и стаканы.

— Что это такое? Сказано, чтобы убирались. Это наше место. Мы купаться будем. Брысь, алкаши. — Полная дама зло пнула беленькой туфлём из ремешков рюкзак Кадушкини, купленный недавно. Друзья поняли, что уха этих туристов не интересует.

— Тут никто не купается, - сказал Макар, - Тут бутылки битые. У нас всегда вон там купаются.

— Тебя никто не допрашивает. Собирайте вещички и — на выход. — Сказала рыженькая, снимающая тапочки и, надевая очки.

— Пошли, - прошептал Люкс. — Нехай купаются.

— С чего это. Мы пришли первыми. Обозвала алкашами. ...Мы с детского сада рыбачим. Наша речка. С трёх лет пупы греем. И никто так похамски не разговаривал с нами. Перестройка повлияла? Не пойду никуда. Не нравится, ищите другое место, господа из города.

— Пойдёшь, - покачала головой толстая баба и полезла в машину. Вынула из прозрачного пакета красное удостоверение и начала перед лицом Мишки размахивать. — Сматывай удочки, а то и протокол можно составить...

— Стоп, стоп. Фамилию не разобрал и звание. Не мотай шибко. Вот это да. Старший лейтенант приехал в рабочее время на деревенский пруд, загаженный коровами идохлыми поросятами. Засада тут у вас в озере? — стал насмешничать Мишка, пытаясь свести злое настроение тёток в шутку. — Мы отвернёмся. Купайте свои тела в этом помой-

ном водоёме, если приличного озера недостойны ваши тела.

Люкс принялся спешно собирать в газету огурцы, пахнувшие укропом и смородиновыми листьями, выливал из мисок уху в котелок, а Мишка продолжал выкобениваться. Он тоже горожанин, у него такие права на сидение на берегу пруда.

— Вы случайно своё служебное удостоверение в баньку не берёте, чтобы шайку и скамейку отнять у какой-нибудь бабульки. Стесняетесь. Чего стесняться, если вы офицер, да ещё и такая красивая, как Венерка Милосская.

Женщины что-то кричали, а Кадушкини продолжал:

— Мешочек с удостоверением некуда пристроить? Привязать можно к ноге или ещё куда подвесить. Я б на шее носил...

Как набросились на Мишку дамочки. У обоих оказались удостоверения. Только рыженькая оказалась старшиной. Тут из автомашины выкатился колобок-боровичок. Тоже стал тыкать в нос Мишке своим удостоверением. «Ой, запугали! — дурашливо заорал Мишка, - простите господ офицеры, дурака сантехника, плотника, каменщика и маляра. У меня даже справки нет, что я состою в обществе охраны памятников истории и культуры».

— Вот тебе и демократия, вот тебе и перестройка. Вот тебе и гласность. Напишу-ка я самому высокому начальству, пусть разберётся с этими лахудрами, — говорил зло Мишка, хлебая уху. Друзья сдались под напором краснокорых удостоверений. И покинули излюбленное место.

— Думаешь, я б ушёл, будь у меня коньяк, а не самогон? Отца судили, когда я малышом был. За самогоноварение. ...С родной земли согнали. Всякую совесть потеряли. Поехали отдыхать и начали удостоверениями махать. Нахапали корочек.

Выпили друзья, похрустели огурцами, закурили. Новое место им понравилось. Кругом сосёнки, а перед ними - глубокий провал, будто тут метеорит упал, но не тунгусский. Солнце светит, пахнет смолкой. Забыли одноклассники об инциденте, но слышат, воеет автомобиль мотором, как собака на привязи. Люкс рукой махнул и криво усмехнулся.

— Врюхались. Там зыбко. Самосвал Лёвка мыл, потонул недавно, в понедельник. Теперь по самые мосты увязнут. - Только он проговорил, как из сосенок выкатилась полненькая в коротком халате, и рыженькая, а на лицах доброта и такая ласка наклеена, что и придумать невозможно.

— Толкните нас, мужчины, пожалуйста. Помогите. Мы, были в расстройстве, забудьте то, что мы болтали. - Сказала рыженькая, снимая очки.

— Буксуете, — грустно сказал Люкс. — Вы нам тут жалость не показывайте, а покажите свои корочки. Я просто сражён красотой. Такие они красненькие. Вы их покажите песку, в который зарюхались. Он вас отпустит с перепугу.

— Пойдём и поможем, - сказал Мишка. Он с детства не помнил зла. Всех прощал. Наступят ему на ноги в автобусе, а он извинится, что его ноги большого размера оказались на пути пассажира. Другой бы орал, хамил, а Кадушкини — никогда. Скривится и рукой махнёт. Он плохое вмах забывает. Такая у него свойство памяти.

— Пусть удостоверенья под колёса подкладывают,- сказал, ехидствуя Куинджин по прозвищу Люкс. Он так и не пошёл выталкивать машину. После операции — грыжу вырезали. Хотел идти. Миша не пустил. Сказал, что один справится. Он у нас такой. Телега застрянет, а лошадь упарилась. Зовут Мишку. Ему раз плюнуть на сапоги себе. Такой уродился в нашем селе. Он не великан, но, если упрётся, трактор перетянет.

Что там было, не сказал Миша. Только щеки у него оказались выпачканные чем-то красным. Просто какие-то пятна. Стёр их платком. Жена у него не особо ревнивая, но может скалкой приложить по спине или ниже. Поставил он у холодной ухи бутылку водки и ничего не сказал. Конечно, выпили одноклассники. Что добро станет портиться на жаре. Не всю и не сразу выпили, а пошли мордушку проверять. Макарка ставил утром и забыл. Увидели на бережку мешочек полиэтиленовый и удостовереньеце в нём. Почитали, поудивлялись.

— За утерю не погладят по лысине. — Сказал Миша.

— Может, это в подарок оставили.

— Документ серьёзный и фамилия значится. Написано — «Ласковая», а приехала, и грубить стала.

Люкс кинул корочки в мешочек и полез в воду мордушку шарить. Когда выволок на берег плетёную ловушку, сказал отвлечённо:

— У них нынче этих документов, как подсолнечной шелухи в нашем клубе после индийского кино. Мы в деревне живём без удостовереньев. Зачем они нам? Мы друг дружку везде узнаём. У нас

в колхозе не стали давать деньги, а теперь выдают кофтами, водолазками. Цех работает, а пряжа белая, красят её в чёрный цвет и вяжут в полоску, как тельники. Весь колхоз ходит в полоску, даже пацаны. Учителя их путают. На перемене выбегут полосатики. Разберись мальчик или девочка. В город приеду, свои на базаре узнают своих. По одежке. Зачем нам удостоверения личности? Коли у нас своя среда обитания.

ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Голова, скажу вам, у меня варит. Как говорил известный сатирик эстрады, шурупит. Читайте, как кто-нибудь грабанул где-нибудь не у нас и засыпался, так недоумеваю всегда: не мог разве не грабить. А если почему-то денег нет на пиво, а захотелось выпить, так нужно было соблюдать технику безопасности, чтобы потом не отвечать за последствия. У меня разных идей в голове, ну просто вагон и маленькая тележка.

Я не специально думаю, а идеи из меня сами собой прут, как сорняки из грядки после дождя. Направо и налево раздаю друзьям и знакомым родственникам свои задумки, предложения. Без процентов. Если бы за деньги продавал идеи, так давно секретаря личного нанял. Анна могла бы справиться, но жена против была бы. Не разрешила девушку брать в личные секретари. Я не бюрократ, какой, мне и без Аньки можно думать.

Как-то перед сном подумалось, что очень много сеем пшеницы. Только у нас в одном колхозе все поля позасеены, а гречки и овса — мало. А просо вообще перестали сеять, хотя кукурузы на

силос в этом году придётся убирать гектаров триста или семьсот. Гороху тоже очень мало посеяли. Да его ребетня слупила за лето почти весь, да коровы потоптали. Сразу мысль пришла. Дед говорил, что до переворота село обносили оградой и называли её поскотиной, чтоб скотинка не попала в посевы. У нас какая поскотина? Зерно на токах лежит свободно. То галки и грачи его кушают ежедневно, то дождик поливает без спроса. Нужно строить крытые площадки. У Витьки дрова под навесом сложены. Сам видел, когда приходил за виноградными ветками. Пишу в газету своё рацпредложение. Иду в сельсовет, чтобы поскотину построили.

О чём это я? О хлебе. Любим хлеб кушать. Бабушка пекла такие огромные высокие буханки. Сожмёшь ломоть, чтобы корка к корке приблизились, а после отпустишь — как пружиной подбросит. Какой хлеб Пелагея Васильевна пекла. Помню, опару поставит, а ночью встаёт её проверяет. Я-то сплю на полатах, но слышу, как заботится о хлебужке. На хмелю опара. Хмель целебные свойства до сих пор имеет. Из него лекарства делают. Россияне лечились, кушая тот хмельёвой хлеб. От истерии, от кожных болячек. А сегодня едим хлеб, который разрушает здоровье, так как пекут его на других дрожжах, которые не теряют своих свойств и в кипятке. Каждый день хлеб едим. Привычка такая. Как встаём, так и начинаем хлеб есть. Кто с чем, у кого, что имеется на столе. В обед полбулки уминаем. Не потому что нечего особо кушать, а по привычке. Молока нальёшь, обязательно с хлебом или с калачом съешь это молоко. Полагаю, что из-за этой вечной привычки за границей нам не

сладко жить. Дорог там у них хлеб, да и вкусом не вышел, надо признать. Я не пробовал, но все говорят, кто уехал в Германию или приехал с отдыха. Привыкнуть можно, к всему привыкает человек, привык кушать хлеб, не дающий хорошего здоровья, кушает, хотя многие уже знают, что лучше печь свой хлеб из проросшей пшеницы, а не ходить в магазин. Не желаем возиться с целебным хлебом. Некогда о себе думать, о детях. Завтра статью пишу в журнал «Здоровье», а копию в министерство здравоохранения. Пусть разберутся с этими дрожжами, перестанут народ травить русской национальностью, пусть гости поменяют, пусть дрожжи выпускают из хмеля.

Сеём много пшеницы, а не хватает. Свиной кормим дроблёнкой, так как комбикорма нет в продаже, а если привезут, так он дороже хлеба выходит. Нужно строить заводы по выделке кормов для птицы и животных. Нужно реальные цены устанавливать. Напишу в краевые печатные органы, пусть примут меры. Тогда хлеба станет хватать. Не станет. На свалки выбрасывают много недоедков, выбрасывают на ветер продукты из столовых и буфетов. Своими глазами видел, как на вокзале в городе столько объедков каждый час убирала буфетчица. Не научились есть. Все думаем, что не хватит, набираем много, а не съедаем. Жадность у нас крепко сидит в животах. Есть многие товарищи, что недоедали во время войны, во время учёбы и жизни на стипендию, на зимовке. Глазами бы съел, а уже сыт, а куда излишки? Была бы корова или собака, какие-нибудь кролики. С собой не станешь брать в командировку козу или овцу. Вот и оказывается на свалках много недоеденных про-

дуктов питание. Нужно с детского садика говорить детям о ценности еды и пищи. Чтобы знали, что страна закупает пшеничку у капиталистов. Свой урожай на помойки, а у канадских хлеборобов покупаем зерно за валюту. Процесс давний, привычный уже. Но если посчитать, ведь не только куски в корытах свиных, на помойках, помогаем разным дружественным странам, которым выгодно с нами дружбу водить из-за хлеба, из-за нефти и газа. То же привычка помогать ближнему. Этот ближний товарищ из дальнего государства может когда сахарку подкинет или бананчиков к празднику привезёт. Поедет к нам за салом и маслом и так немного тонн пять прихватит для презента.

Чего не давать нам хлеба, нельзя не давать. Голодный сосед хуже бешеной собаки. Чего не продать. Им хранить негде, вот и сбрасывают отходы. А в нагрузку подкинут зубную пасту или зубочистки с футлярами. Шампунь тоже нам подходит, чтобы голова от перхоти не очень зудела.

Идея пришла случайно. Бывает так, идёшь, а на тротуаре в ямке лежит бумажка, и цвет знакомый и размер подходящий. Нагнёшься, окажется рубль. Чего им делать? Бросишь обратно. Иной раз посмотришь, узнаешь, но не станешь поднимать десятку. Некогда. Нужно думать о переустройстве мира. А что можно купить на эту десятку? Ничего хорошего, а если домой принесёшь, то окажется не тот размер или вообще не работает. Не заводится и невозможно куда пристроить. Потому что, когда включаешь в сеть, то за ручку лучше не брать — током бьёт в руку. Когда починишь, так грохочет, будто речку бомбят по льду, так

скрипит, что соседи начинают обижаться швабрами в потолок.

Идею записываю сразу, когда по телевизору рекламируют стиральные машинки, холодильник, компьютеры и автомобили. Обсчитываю экономический эффект на страницах газеты, где тоже реклама и тоже чужих тракторов, телевизоров, холодильников и комбайнов. Вижу, что этот эффект прёт огромный. Для страны такая прибыль получится, что и к дяде не нужно будет ходить за автомашинами подержанными, за хлебом, за памперсами и сникерсами, а эти окорочка, которые меняем на нефть и газ, нам и даром не понадобятся. Предполагал, что будет прибыль, но не такая. На диване хотел подскочить, но раздумал. Шевелиться неохота — съел два пакета лапши и водой красной запил, от которой не то язык, но и зубы покраснели, как у вампира из кино. Ночами перестал спать, сериалы жуткие не смотрю про грабителей и убийц, которые стали роднее родных. Вот, думаю, теперь родная моя страна без сестёр, вступивших в НАТО, не станет ничего покупать у соседей, не станет шапку ломать, а всё своё будет. По полям своя техника высококласная пойдёт, будет урожай снимать без потерь. Свои легковушки, работающие на воде и воздухе, потому как электро будем добывать из атмосферы, покатают по чудесным ровным дорогам, потому как из нефти станем асфальт замешивать.

Не поверите, друзья, меня от кресла стало отрывать. Тяготение на меня земное перестало влиять. На работе сижу и всё эффект считаю. Перепроверяю, чтобы отправить в правительство, которое давно ждёт от меня помощь, чтобы народная

мысль прогресс двигала вперёд. Смотрю, а очередей за импортным мылом нет. Страшно становится от собственных идей. Голова у меня варит. Запросто решаю проблемы бытия. На улицу боюсь выйти, чтобы не заметить непорядок и взяться его устранять.

Думаю, извилинами или чем другим. Такая привычка привилась много времени, чтобы о стране заботиться, о техническом прогрессе. Хотя у нас с начальником взгляды разные на эти проблемы. Старается меня в командировку послать, но сам знает, что от моих поездок ничто не может измениться. Мне бы задачи посложней, помасштабнее, а не какую пустяковину поручать. Мелочевкой мог бы и начальник заняться. Не понимает он этого. Ему — что? Лишь бы не закрыли заводик наш. А то, что многие крупные гиганты перестали продукцию выдавать — горя мало. Критиковал я его на собрании вчера. Никакого плюрализма не понимает. Предлагает по «собственному» написать заявление. Ну, почему, говорю, зажим идёт ответственных людей. За страну отвечаю, за правительство думаю. Объясняю. Не понимают.

НА КРУГИ

— Серьёзно? Не слышали? И не догадываетесь? Нужно читать между строк. Не умеете. Это просто. Научиться каждый сможет в наше время. Буквы знаете? Вот и читайте между двух строк. Смысл. На сто процентов сходится. Так ещё интересней. И слушать не нужно. Через фразу. Если длинная. Поделите на куски. ...Точно. Двигаемся медленно. Позавчера быстрее двигались.

— Послушайте, девушка, где это мы с вами стояли?

— Не привязывайтесь. Вас тут в среду не было. Знаем мы эти штучки.

— Нигде я не стояла ещё. Здесь вот и родилась.

— Летит время. Летит. А вы читали об теории относительности?

— Не та молодёжь пошла. Вот, когда я стояла в молодости. Знаем мы эти теории. Слышали. Мы стоим, но мы летим. Муж у неё тут сторожем. Он и относит. Она не станет носиться. Понимаю, что время — деньги. Краску новую изобрели для стояльцев. Если даже на потной ладони написать номер, то ничем три года не смоешь. Вечный номер, как в паспорте.

— Отечественная? Шутите, парниша. Наша краска. Кооперативная. Что это вы там читаете? Какая же свежая? Прошлогодняя. Год, какой? Что вы мне лапшу... Анабиоз называется. Морщин у вас не прибавилось. Я вас помню. Вы хотите кандидатскую защитить? Разумно.

— Девушка мне ваши уши знакомы. Где мы с вами могли стоять?

— Пошляк. Талоны потерял.

— Шуточки у вас. То в жар кинуло, а теперь в холод.

— А вы слышали? Я серьёзно говорю....

— Записывайте: сельдь разделать, удалить кости и кожу. Воду, растительное масло, сок лимона, вино сухое, мякоть томатов, сахар — смешать, залить этой смесью филе, поставить в холодильник на сутки. На гарнир подать отварной картофель любого размера. Чего у вас нет, то не берите.

Слово стерлядь — это сокращенно от слова — сельдь. Кто же её поел? Бояре? При Иоанне Грозном. Исторические романы не читаю.

— Что у вас за свиток? Тоже кулинарные рецепты на папирусе. Его можно варить. Конечно, бутерброды вкуснее и экономичней.

— Пишут, что пищу варили на плитах в кастрюлях. Скачет время.

— Прилетели все. Шкуры натуральные — ам-пир.

— Живут же

— В своей тарелке. Полная чаша. Шампуни на три поколения.

— Женщина, почему мне ваши серёжки так знакомы.

— Чтоб тебе своей сумки не видеть, волосатик!

— Мне нравится из динозавриков. Вот тут складочку пустить, а, чтобы вся спина была голая. У меня скорняк в соседней пещерке знакомый. Такой душка, как начнёт метать костяной иголочкой — красота. Скребочком пройдёт, помнёт, потискает. Шкурку. Получится замша.

— Слово какое-то заграничное. У-у-у-у, убери свой арбалет. У моих рогатины. По знакомству достали. Матриархат. Не знал? Какой тут тебе век идёт. Иди в землянке приберись. А этот выставился всеми глазами — троглодит. На охоту третий день не ходит. Колесо выдумывает. Вздует.

— Не наш. Вздует, будет наш, как миленький.

— Послали его? Кто такого к нам пошлёт на Землю с миссией. Мы ещё дальше пошлём тебя из очереди.

— Соль опять скоро будет по талонам. Мелочи жизни. Вот кремни подорожали, а никто и не думал запастись. Говорили, говорили...

— Проснись, забодай тебя таракан. Чего сопишь? Облава опять. Чеши дальше на север, чтобы не сослали. Без документов вчера затесался, только номер на ладошке.

— Это вам, что не документ? Оборзели.

— На Голубянке всё расскажет. Начитался между строк. На запаха талоны введут и на поцелуи. Вот и на стиральные доски вчера у нас давали в профкоме. Медленно двигаемся. Медленно.

— Бабулечка, что-то мне кажется, ваша клюка знакома. Просто, как родная.

— Штоб те хомутов не хватило в посевную.

ТАКИЕ НОВЫЕ СЛОВА

Наш любимый русский язык настолько стал великим, что с каждым днём его величина быстро растёт. Всё больше иностранный слов-квартирантов находят убежище и приют в наших лексиконах, извините,- словарном запасе. Читаете газету, так словарь держи подле себя, потому как без перевода или разъяснения ни шиша не поймёшь, а если и поймёшь что-то, то не всегда то, что хочется. У нас много слов было оттуда, но как-то привыкали, ведь наши интеллигенты считали дурным вкусом, коли импортного языка не знаешь, а тут ещё и сами представители заявили, требуя ключи от столицы. Проводили их, а слова остались. Как их выселишь, если слово не воробей, прилетит, в клетку не посадишь. После переворота вообще язык покрылся ржавой пеной, которая,

хоть и осела слегка, но осадок остался. Чего там говорить. Нынче после очередной смены культурных и прочих ценностей наблюдается напор всяких терминов. Постоянно в газетах статьи нафаршированы чужеродностью для пущей важности. Авторы речей не всегда сами понимают для чего произносят иностранные слова. Забрался в словарь, чтобы понять что и о чём читаю. Решил, как дед Щукарь стать образованным. Одно словцо поглянулось. Похоже им даже можно культурно ругануться и тебя никто не привлечёт за оскорбление. Да вы его сами произносили тогда, а сегодня меньше слышно его, но ещё встречаю иногда. Это слово — плюаризм, нет неправильно — плярализм. Посмотрю в словарь. Плюрализм. Латинского происхождения, а переводится, как множественный, хотя и философское учение, согласно которому существует несколько (или множество) независимых начал бытия или оснований знания. Термин этот введён неким Х.Вольфом в 1712 году. Основная форма этого «П»- дуализм (утверждает существование двух начал — материального и идеального); противоположность плюрализма — монизм (признаёт единую основу всего существующего). Плюрализм, пишут, характерен для современной буржуазной философии, а также различных ревизионистских концепций. Вот с чем едят это частоупотребляемое слово-термин. Но есть вполне нормальные слова, окрашенные другим смыслом, приспособленные к другому месту, так сказать, как бы корове седло и зайцу пятая нога.

Среди многих таких слов-оборотней и перевёртышей выделяется у нас в деревне одно. Короткое и содержательное это словцо. Можно им поль-

зоваться, как кнутом, в приказном тоне. После этого слова сердце может замереть или часто забиться. Недавно пришлось узнать магический смысл его. В других областях этим давно пользуются, а у нас в районе оно недавно стало срывать с губ, хотя раньше его тоже употребляли, но в другом аспекте, так сказать. Слово «талон». В войну называли продуктовой карточка. Талон всем вроде как известное слово, но простым гражданам. Поэтому и появилось выражение, дескать, не по талонам живёт некий товарищ-господин, а может быть и современный барин.

Вчера сказали после планёрки (у нас по вторникам в конце каждого месяца собрание проводят, на которых узнаём, кто что хочет сделать, как у другого коллеги не получилось намеченное; традиция такая, потому что без этой планёрки не знаешь что делать, как делать и с кем, мягко говоря, не соображаешь. У вас ведь тоже планирование? Оно превыше всего. Один коллега сказал, что не превыше; а планирование — это медленное падение, если лететь некуда. Долетались.), что всем отделам нужно быть на важном мероприятии, не очень важном, но очень новом. Как понимает, оно связано с этим словом. Не связано, а привязано. Крепко.

Почти весь коллектив пришёл. Даже те сотрудники, что были в отпусках или здорово болели в постелях лёжа. Некоторых работников я давно не видел, так как они были в командировках. Даже не догадывался, что всё ещё вместе работаем, тащим в народ новое и важное. У нас так. Где-то тащат не в народ, а у нас в отделе — всё до граммочка, до последнего кусочка — нашему народу отдаём. Та-

кая вот работа у нас. Большинство не раздевались. Чего раздеваться, если скоро весна обязана придти. Пока она ещё на горизонте, можно руки отморозить. Кое-кто знал о мероприятии, так снял с себя половину верхней одежды, приведя себя в комнатный вид. Долго спорили. Не хотели допускать, кто мало проработал, у кого профсоюзные незаплачены полностью. Шумим. Кто-то от стеснения голову опустил, кто уши трёт, чтобы понять что будет. Но тут пришла наша руководительница и сказала здраво и веско, мол, надо разобраться, какого пола ты есть.

— У кого сегодня женский пол, тот должен остаться. — Прояснила она.

— А нам — уходить? — спросил кто-то басом из-под шали.

— Виктор Пахомыч, вы мужского пола, для вас это будет попозже, а женщинам оставаться надо.

— А мне? — пискнуло что-то из-за груды рулонов старых стенгазет.

— Ты кто? — удивилась руководительница.

— Мы — девушки, — отозвалась, гревшаяся на батарее Оля из библиотеки.

— Будь с нами,- разрешила Аглая Сидоровна Пёрышкина, провожая мужа к двери.

— Интересно. Нам когда? — поинтересовался водитель.

— Чего мы тут мёрзнем даром? — усмехнулся старый музыкант и танцор Папироскин, и всё мужское поголовье столкнулось в дверях. Кроме меня. Я выбрался из пробки. Стал ходить туда и сюда между столов. Заглядывал в коробки, будто что-то не могу найти. Поэтому на меня никто не обратил никакого пристального внимания. По-

смастривали искоса, но без недоумения. По лицам понял, что я не буду, и мне ничего не обломится. Но чего? Хотелось узнать. Ничего не могу понять, но интересно. Ещё час поспорили, а к консенсусу не могут придти. У каждой женщины свой плюрализм. Понятно? Жду. Что-то произойдет. Но что? Никто не знает, но им тоже никто не сказал, а поэтому шум и неразбериха. У кого я спрашивал, так те отмахнулись, словно от малонормального, и как-то грустно и озабоченно сказали: «Отвяжитесь, без вас лихотит». Не могу понять отчего все стали задумчивы и лицами погрустнели. Поэтому не стал докучать женской половине отдела, которая осталась, хотя и стыдилась чего-то, будто в чём-то виноваты вдруг стали.

— Внимание, внимание,- начала профсоюзная лидерша Лида, сверяя список и выкликая женщин к банке. Вот первая пошла Любовь Петровна — наш бухгалтер и душевный человек. Она попыталась сунуть руку в банку, которая стояла в чьей-то сумке. Рука не лезла. Банка оказалась не по руке. Народ обиженно зароптал. Руководительница успокоила жестом собравшихся.

— Дёргайте, — сказала она. Бухгалтер оторопела.

— За чего дёргать. Куда дёргать. Мне нужно кварталный сверять.

— Тяните, тяните.

Тянуть оказалось нечего. Наступила нехорошая тишина. Лида профсоюзная пояснила:

— На наш коллектив дали пару сапог. Этот в честь восьмого марта. Презент. Вы должны выдернуть свой счастливый номер, а рука у каждого своя, значит, и обижаться не на кого. Тут наш бух-

галтер перевернула банку и добыла скрученную в трубочку бумажку. Не разворачивая, пошла к стеллажам, где светлее и просторнее. Женщины дёргали пару сапог, женщин было двадцать пять человек, не считая, пенсионерки бабы Насти, которая как-то узнала о сапожной лотерее и тоже решила поучаствовать, так как исправно платила профсоюзные взносы. У кого была задолженность, те тут же получали марки и сдачу от Лидочки.

Сапоги оказались необыкновенными из заграничной фирмы, хотя и без особых украшений, но длинным острым. как пика каблуком. Это я потом рассмотрел, когда счастливая дергунья или дергуха прижимала к груди пальто сапог, так как за вторым- нужно идти в наше потребительское общество и платить деньги. И вдруг на глаза победительницы новой игры навернулись огромные слезины. Женщина заплакала. Она вспомнила свой размер ноги. Тут бы каждая облилась слезами. Сапоги были сшиты не на сибирячек, а на тех, кто недавно был где-то, как бы в концлагере. Деваться некуда. Радуйся, женщина, ты победила, ты выдернула своё красивое счастье.

— Марийка подрастёт,- улыбнулась Анна Ивановна.

Я подумал, что подобные дёрганья будут каждую неделю. Решил, что в следующий раз будут нормальные женские размеры, а вскоре все работницы будут ходить на работу в приличных импортных сапожках, но так думал не только я. Женщины тоже видели миражи, представляя каждую ногу в приличной обуви. Профсоюзная Лида сказала, что это первый тур игры, а второй будет

через год, а может быть и позже, если перестроится вся страна в нужном направлении.

Оказывается, возгласы: «Дёргай, товарищ!» звучали во многих других организациях. Дёргали на фермах, в сберкассе, в трикотажном цехе. Был вечер отдыха пенсионеров, где раздёргивали пачку мыла. Азарт — штука заразительная. Полагаю, за границей о нашей новой азартной игре не слышали пока. Обошли мы их, капиталистов. Может быть, сие развлечение получит скоро прописку и в Англии, во Франции, Германии. Обязательно нужно эту игру запатентовать. Вот тогда потечёт рекой к нам инвалюта. Тогда заработают собственные обувные фабрики, выпуская отличную продукцию наивысшего качества.

Вчера мне объяснили, что это и не игра, хотя и сам подумывал, что играть не особо хочется, а это распределение дефицитных вещей и товаров наипервейшего спроса. Вот тебе и «дёргай». Это ничего. В моём отделе я числюсь один. Что из того, что не игра, за то каков смысл старого слова. А некоторые у нас бурдят:

— Если это не игра, то почему нужно дёргать одни сапоги или одну шапку. Голов много, размеры разные, а предмет один. Издевалово...

В других коллективах этому новому аттракциону рады. Никто на работу не опаздывает, подскочила вверх производительность труда. Все с нетерпением ждут, когда чего-нибудь дозvoлят «дёрнуть». Возможно шнурки к тапочкам или футляр для зубочистки.

Говорят, что этим путём будут и зарплату выдавать на тех заводах и фабриках, где план товаров первой необходимости, не выполняется.

Один оклад на двести человек, включая директора и прочих ИТР, станут раздёргивать.

1989

ПУСТАЯ ПРОБЛЕМА

Недавно это было. Как раз паспорта меняли в стране. Деньги сразу сменили и не раз, а до паспортов очередь только недавно дошла. Стою в очереди с дочкой и слышу:

— Горе мне, горе. — Какая-то старушка верещит, выйдя из фотосалона с искажённым лицом. — Народ к ней. Она всё вопит:— Жизнь кончилась моя. Посмотрите люди, добрые, как изуродовали моё лицо. Буду жаловаться. Буду в международный суд писать...

— Что случилось? Зачем вы волосы последние рвёте. Может, помочь как-нибудь можно вашему горю?

— Никто мне уже не сможет помочь. Вот какая получилась я в городе,- показывает нам старый паспорт.

— Приличное изображение. Девушка приятная с высокой причёской. Морщин нет. Личико чистое. А вы тут причём?

— Сокрушаюсь. Что вчера получила. Это вот не я. Смотрите. Меня изуродовала это фотографичка.

Смотрим на фотокарточки. Недоумевая, выражаем неподдельную сочувственную грусть. Один дедок говорит:

— Качество хорошее. Тут вот все морщинки видно и ресницы.

— Ну, это не я.

— А кто? — удивился и я в свою очередь.

— Сравните,- просит старая женщина, протягивает паспорт. Тут мы поняли в чём дело.

— В зеркало давно гляделась, красотка? Когда эта карточка снималась?

— Недавно. Почти недавно. Такая была вот интересная. Костя мне цветы приносил к обеду... Называл меня — «Моя Мерелин».

— ...Тридцать лет назад, — изумились мы. — Срок немалый. Вам скоко, милая?

— Неважно. — отвечает женщина. — Не могла я так выглядеть в понедельник ужасно. Изменилась. Но не до такой степени. Разве ж в годах дело?

-- Года не смог ещё никто сфотать,- говорю. — Только ваше личико и сфотографировано. С годами наши лица не молодеют. Не становятся симпатичней. Изменяются.

— Гляжу на себя в зеркале. Нравлюсь. Не страшная. Это меня испортила девка. Сняла отвратительно плохо. Надо было подрисовать ресницы, убрать морщины у глаз. Тени под глазами. У меня такие тени? Разве это тени?

— Сами себе нравимся. Мы видим только губы, глаза. Всё отдельно. На маленькой фотокарточке всё видать и сразу. Цвет кожи у вас не тот, что был. Всё лицо изрисовано морщинами,- сказала пожилая старушка в старой фуфайке. — Вы лоб свой потрогайте. Пощупайте. Он у вас пропахан четырьмя бороздами от плуга.

— Что верно, то верно,- сказал дедок в шапке. — Износилось лицо за время эксплуатации здорово у вас. Трактор за такой срок списывают в утиль. А вы ещё ничего смотрите. Ничего ещё...

— Подруга сказала, что это не мои фотки. Чужие. По ошибке взяла.

— Какая ошибка? Кофта ваша и уши ваши. Серёжки вот в ушах — тоже ваши. — Говорю тихо. — Резкое изображение получилось. Каждую волосинку на бровях видать. Все четыре. Если бы она вас снимала в тумане, то вполне возможно, не было таких мешков под глазами, а веки совсем болтаются. Подтягивать вам их нужно.

— Чем тянуть? Щипцами?

— Незнаю. — говорит старая женщина в старой фуфайке. — Вам нужно всё лицо ремонтировать. Крем помогает молодым лицам, а нашим лицам нужно что-то иное. Дорогое удовольствие, говорят бабы наши.

Наступила тишина. Люди выходили и входили.

— Мне муж столько и не даст. Он мне больше десятки редко даёт.

— Скупой? Или недоверчивый?

— Недоверчивый. За паспорт сам заплатил...

— Тогда понятно. Отчего у вас такие мешки. Не доверяет. От этого недоверия и глаза у вас сегодня магически блестят.

— Никаких у меня нет мешков. Глаза маленькие и добрые. Причёска тут должна быть. На карточке её не видать. Одни уши.

— Уши у вас — да. Породистые. Скукожились отчего-то. А вообще-то их вам ещё можно вполне носить лет семьдесят или больше. Ничего не доспееется. У вас, как видно, с зубами беда, а с ушами проблем нет. Зубы изнашиваются быстрее, чем уши. Как листья под осень, начинают падать — только держись. По себе знаю. Ничем не удержишь. Зубы тоже надо ремонтировать. Техуход давно не проводился. Кожу на шее пора менять. С

такой кожей грустно жить. По себе знаю. На фотке сильно эта кожа старая заметна. Попроси, чтобы тебя сняла девка через марлю, вне резкости, как бы на рассвете,- сказал дедок. По всей видимости работал на технике, если заговорил о техуходе.

— Фотоаппарат можно обмануть, если гримм наложить, ресницы наклеить, парик подвязать, уши притянуть, морщины сгладить. Тогда бы всё получилось не так уж и правдиво, зато почти как тридцать лет назад. Тогда бы вы себя полюбили, как тот один паренёк, что в ручей глядел на свою мордашку и втюрился в собственную персону, отражение, так сказать.

— Верно. ...Прямо с автобуса сошла. Устала, в пыльном салоне ехала. Умыться некогда. Спешила парню купить брюки. Он пришёл из армии. Младший окно разбил в школе и двойки ему стали ставить за это. Нынче стекло дорогое. Учителка говорит, покель не вставишь, потель буду двойки ставить в дневник. Вот почему я не вышла нормально. Настроение было очень плохое. У мамы признали диабет, а пенсию назначили карликовую. Крем куплю с полочки. Парик у завклубши арендую. Кофту у дочки одолжу на съёмку. Зубы обязательно пора вставлять. Пополнить надо комплект. Это, в какие деньги мне красота встанет? Двух поросят не хватит.

— Красота требует не только денег, но и жертв, — сказала старушка.

— Кто мне будет в паспорт заглядывать? Не такая и старая. Если внимательно присмотреться и не хуже других выгляжу. Это подруги всю дорогу критиковали мои фотки.

Люди заулыбались. Всем стало легче и радостней.

— Другие хуже выглядят, но в панику не впадают, даже наоборот — плюют на свой возраст. Живут и радуются. Вот и вы плюйте. И радуйтесь. Душа у вас молодая? Молодая. А на фотки можно и не смотреть.

Женщина со мной согласилась. Её лицо вдруг преобразилось, и она вмиг помолодела, лишившись пустой проблемы.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПОДАРКИ или украинские газовые колядки

Скажите, вы любите подарки? Кто их не любит? — спросите многоуважаемый читатель. Будете правы. Подарок — это всегда неожиданность, всегда приятная. На халяву получить отличный подарок — это событие вдвойне радостное. У нас ещё не перевелись любители получать и делать подарки, не тратя при этом из бумажника ни единого ковбойского рубля, ни к ночи помянутого.

Когда назревают именины, то можно намекнуть близким, что хотел бы иметь голубые подтяжки с люрексом или карманные часы с кукушкой и фотокамерой, в которую встроен телефон и снегоход. Вот у Аглаи Петровны Пёрышкиной была сестра пятиюродная, так она подарки требовала. А то, говорит, не стану с тобой разговаривать, если не подаришь хорошую иномарку. Раздружились. Не здороваются, хотя раньше в детском садике горшками поменялись, когда клялись в вечной дружбе.

В начале девятого года получили Пёрышкины и соседи подарочек. Бывают и такие презенты - коллективные. Но сначала никто дома не знал и не догадывался об этом. Мальчик у них - любитель арифметики. Какуюнибудь цифру увидит и начнёт её с другой цифрой складывать или вычитать. Второго дня сидит мальчик Валера из пятого «А», и цифры мучает. Ему бы на горку сбегать, на фанерке покататься с друзьями. Сидит мальчик. Чего-то решает. Папа, естественно, сына видит, но не понимает, какой его семье подарок подсурили. Как поймёт, если на новый календарь неделю в глаза не видел. Насторожилась, естественно, мама, когда разогревала в обед новогодние пельмени и привычно поставила на стол недоеденные в Старый Новый год салаты и винегреты.

Мальчик кушает салат с кальмарами, а сам по тетрадному листу цифры рисует. Женщина поняла, что с ребёнком не всё в порядке, что врачу пацана пора показать. Что делают каникулы с ребятами! а тут в телевизоре полная катавасия и депрессия.

Выступают с экрана президенты, говорят убеждающие слова всякие. Создаются комиссии. Полный хаос и недопонимание. В европейских странах ледниковый период опять начался неожиданно. Новогодний подарок получили граждане. Но не радуются. Всех тоска берёт. Переговоры ведутся на всех уровнях, но не сдвигается с места проблема, вопрос остаётся открытым, а у европейских ребят от подарка зуб на зуб не попадают. Мёрзнут они там у себя. Суп не на чем сварить, кашку давно не кушали. На свечах пытались пиццу печь, но не пропеклась. Жалко Пёрышкиной

мёрзлых гражданок зарубежных, а помочь не может ничем.

Причина? — пытается понять женщина. — Простая причина.

-Газ не пускает заботливая Украина дальше за свою ограду. Сама греется, вареники варят везде в семьях, но у французов и болгар, немцев и румын на обед сыр и вино. А чтобы мамалыгу сварить или голубцы или гуляш состряпать — не получается. Газу нет. Дрова дорогие на рынке. Электроплиты в утиль давно сдали. Привыкли к русскому газу. Плачут дети в холодных кроватках. Умоляют украинцев, не украдывать чужой газ, а открыть крантики на все обороты. Не открывают. Будто не понимают, о чем речи пишут им, и с голубями отсылают. Уже три табуна почтовых голубей израсходовали, а воз — крантик — и ныне там.

Украинские парубки за газ не заплатили, то ли забыли, то ли все деньги на подарки дивчинам срасходовали. Год пользовались газом, добытым из наших богатых недров. Гнали к праздникам горилку в куренях, а рассчитывать не хотят. Намекают, чтобы не заикались об оплате, а сделали подарок. «Цену на газ дайте, как родной сестре, пусть даже бывшей, пятиюродной, но символическую, а то, говорят, будем дружить с богатыми странами, в НАТО навсегда уйдём или ещё куда. (У богатых стран в экономике тоже «кариес», каждый день критический и кризис). Не откроем крантики, пока нам рождественский подарок не сделаете, не подарите нам долги наши. И пусть по вашей вине, господари москали, вся ваша Европа посинеет и дуба даст от холода».

Уговаривали всю ночь. Упрашивали, как могли. Пообещали, хотя нехотя, но подписали бумагу. «Ну, задолбали со своим газом, москали. Малость подпустим газку».

Прошло на часах день, а газовые вентельки на месте. Их не открыли. Руки не дошли у ребят. Не успели. Все заняты. Считают барыши. Сами, значит, в тепле ночуют, а другое народонаселение мёрзнёт в своих европейских евроремонтных квартирах. Вот такой скандал.

Нагло приватизируют чужой газ, не платят за него и ещё обвиняют, что газ россияне не хотят давать. Смех. Как не давать, если этот газ уже складывать некуда. Того и гляди придётся бесплатно климат изменять, нагревая Арктику, то и гляди, что из вечной мерзлоты мамонты попрут стадами через Уральские горки.

Нашим чего делать? Нечего нашим делать. Мамонты истопчут все грядки в Астрахани, съедят все запасы веников в Сандунах. Заверили чаровницу с косой, что газу дадут украинским городам и сёлам, чтобы варили галушки, но не бесплатно, а со скидкой — аж! на двадцать процентов! от мировой цены.

Хороший подарок, что говорить. «Авось, про долги и не вспомнят, — улыбается всеми зубками украинская дивчина с косой на головке. — Ни штрафов, ни санкций, за убытки, которые понесли Россия и Европа. Ничего. Так можно ещё скидку с москалей выдать».

Тем временем, в хате Пёрышкиных назревали события, по значимости не меньше, чем там, недалеко от границ. Мама строго спросила у своего

школьника, отчего у него проблема, как угри на лице, высыпали?

— Чего ты не можешь, сынок решить? Давай помогу.

— Было 195 рублей, а теперь — 250 рублей.- Говорит сынуля. -- Понимаю, что разница в 55 рублей возникла.

— А сколько это будет процентов? Не проходили ещё проценты. Помоги, мама.

— Откуда задача? На каникулы задали? Покажи задачник, может, условие не точно прочитал?

— Аглая Петровна потянулась к задачнику.

— Нет, мама. Это в газете написано. Вот прочитай.

Пёрышкина взяла местную газету и впиалась всеми глазами в заметку, как пиявка на передаче «Малахов +». В заметке говорилось, что баллон газа с нового 2009 года подорожает на 55 рублей. За большой баллончик, стоивший 390 рублей, придётся выложить 500 рублей.

Газопровод мимо городка прошёл, но если завернёт, то за подводку, за трубы, за счётчик, за техходы и осмотры придётся столько платить Пёрышкиным, что пусть ничего этого не знают пока, а радуются, бегая с баллонами по двору.

— Подарочек, — вздохнула Пёрышкина. — Но это ещё пенсию не добавляли дедам, а как прибавят, так ещё подскочит цена газового баллона. У бабушки в Украине совсем маленькая пенсия. Кто её пожалеет? Мы вытерпим, пусть и за свет поднимают, и за среднее образование вдруг придётся платить в скором времени, но пусть хоть маме подарок будет. Приятная неожиданность.

Села Пёрышкина письмо писать, но не маме, а в разные страны. Слезно умоляет женщина, чтобы не взыскивали с сестрёнки Украины газовые убытки, которые она нанесла, потому, как тяжело там людям жить. Умолчала Пёрышкина, что у неё брат остался в Львове и старенькая мама.

Надеюсь, голос женщины будет услышан.

Никто не станет Украину наказывать, в международные суды таскать, чтобы взыскать с неё штрафные деньги за игнорирование договора о поставке газов в страны Европы. Пошалила Украина маленько. Как узнаешь, кто конкретно шалил? Кто велел закрыть краники? Тут вся сложность. Наказывать некого. Невозможно отыскать даже крайнего в оранжевом жилете — ну, стрелочника! Ряженые все были, в жилетах, в масках. Колядовали.

Можно долго спрашивать, кто остался на трубе, когда упали «А» и «Бе». Кто дирижировал музыку для танцев ряженных? На трубе, скажу по секрету, осталась «У». Дирижер в любой месяц, кроме летних, — вновь от скуки взмахнёт своей волшебной палочкой и вновь запляшет газовый карнавал, затанцуют ряженные.

А Пёрышкины так и не решили на сколько процентов поднялась стоимость газа у них в российских баллонах. Новогодний подарок...

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ	1
АЛЬТРУИСТ БАРМАТУХИН	3
ДОСТОИНСТВО НЕДОСТАТКА	8
ДОРОГОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ	15
ГОРЬКАЯ РАДОСТЬ СВОБОДЫ	18
«ДРУГ ЧЕЛОВЕКА»	20
ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫХОД	24
БОЛЬШИЕ ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ	28
СОБСТВЕННОЕ МНЕНИЕ	34
ОТОВАРИВАНИЕ	40
ЖЕРТВА ВООБРАЖЕНИЯ	43
ПРОЩАЙ, ДЕФИЦИТ!	49
А ЧТО СЛУЧИЛОСЬ	52
ПОПУТЧИКИ	56
РЫБОК ЖАЛКО	59
ПОЛЕЗНОЕ	60
СЕКРЕТ ЖИЗНЕЛЮБИЯ	63
РЕКЛАМАЦИЯ	67
КАК ЭТО БЫЛО	71
ВНУК ОСТАПА	75
ОКРЫЛЕНИЕ	80
БАБУШКИНО СЧАСТЬЕ	87
ПОЭЗИЯ	102
ФОТОКАРТОЧКИ	107
ТЕКУЩИЕ МОМЕНТЫ	113
ЖЕНИТЬСЯ ПОРА	119
ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ	121
СРЕДА	127
ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ	135
НА КРУГИ	140
ТАКИЕ НОВЫЕ СЛОВА	143
ПУСТАЯ ПРОБЛЕМА	150
КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПОДАРКИ	154